

СЕМЕЙСТВО ХОЛМСКИХЪ.

1.

Издание книгопродавца В. Логинова.

СЕМЕЙСТВО
ХОЛМСКИХЪ.

НѢКОТОРЫЯ ЧЕРТЫ
ПРАВОВЪ И ОБРАЗА ЖИЗНИ,
СЕМЕЙНОЙ И ОДНОКОЕЙ, РУССКИХЪ ДВОРЯНЪ.

« Une morale sèche apporte de l'ennui,
« Le conte fait passer le précepte avec lui.

ЛАФОНТАИНЪ.

« Скучно сухое правоученіе; но въ сказкѣ
« охотно его выслушаютъ.»

ЛАФОНТАИНЪ.

Изданіе третіе,

ВНОВЬ РАЗСМОТРѢННОЕ И ИСПРАВЛЕННОЕ,
СЪ ПРИСОВОКУПЛЕНІЕМЪ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХЪ СВѣДѢНІЙ ВЪ
БІОГРАФИИ ТИМОФЕЯ ИГНАТЬЕВИЧА СУНДУКОВА И ДРУГИХЪ
ПОДРОБНОСТЕЙ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ НИКОЛАЯ СТЕПАНОВА.

1841.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ
съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
С. Петербургъ. Мая 21 дня 1838 года.

Ценсоръ *П. Корсаковъ.*

Печатано съ изданія 2-го 1833 года, съ исправленіями.

★ ★ ★ ★

усерднѣйше посвящаетъ

Сочинитель.

Попеченіе благонамѣреннаго Правительства о распространеніи просвѣщенія, съ коимъ вмѣстѣ соединено и улучшение общественной нравственности, есть самое благонадежное и ближайшее средство къ искорененію злоупотребленийъ власти, жестокосердія, лихоимства и прочихъ пороковъ, происходящихъ отъ невѣжества и злонравія.

Всѣ самые лучшіе законы не принесутъ никакой пользы безъ хорошей общественной нравственности. Сія неприменимая истина доказана опытами вѣковъ.

Каждый благомыслящій человѣкъ, поведеніемъ и исполненіемъ обязанностей

своихъ въ томъ состоянн, въ которомъ онъ, по волю Провидннн, поставленъ, однимъ примъромъ много уже содънствуетъ къ общему благу; но сверхъ того, всякн долженъ стремиться, по мърн способовъ своихъ и возможности, къ одной цълн: быть полезнымъ обществу.

Представленн современникамъ картины образа ихъ жизни, изображенн нравовъ, пороковъ, заблуждений, предразсудковъ, разврата, притлъсненн подвластныхъ, лбедничества, несправедливости судей, и прочихъ злоупотребленн — все это, какъ мнн казалось, можетъ, хотя ннкоторымъ образомъ, способствовать

благотворнымъ видамъ Правительства, то есть, способствовать къ улучшенію общей нравственности, и тѣмъ болѣе, если, вмѣстѣ съ изобличеніемъ и преслѣдованіемъ пороковъ, поставлена въ противоположность добродѣтель и открыты средства къ достиженію возможнаго счастія и спокойствія въ здѣшной жизни. Вотъ основная мысль, подбуждавшая меня къ изданію въ свѣтъ опыта наблюдений надъ современными правами того сословія, къ которому я самъ принадлежу.

Кому приличнѣе можетъ быть посвящена книга, издаваемая съ такою

цѣлю, если не тому чловѣку, благо-
намѣренность коего извѣстна Автору
ея по собственному его опыту?

Вы приобрѣли все право на вѣчную
признательность мою и семейства мо-
его. Вы.... Удерживаю порывы и голосъ
сердца; не стану распространяться въ
похвалахъ моихъ. Похвала современни-
ка можетъ показаться лестью; вы ее
не любите, и я къ ней не способенъ; а
въ доказательство — скрываю и ваше и
мое имя.

Имѣю честь быть....

ПРЕДИСЛОВІЕ

КЪ ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНІЮ.

Нѣкоторые гг. оцѣнщики произведеній нашей словесности (рецензенты) изволили въ приговорахъ своихъ объявить: одинъ, что чтеніе *Семейства Холмскихъ* можно уподобить дороги отъ *Тобольска* до *Бѣлостока* (Сѣвер. Пчела 3-го Ноября 1832 года № 257); другой, что слѣдуетъ вновь издать не болѣе какъ въ *четырехъ томахъ* (Литературныя прибавленія къ Русскому Инвалиду 29 Марта 1833 года № 27); третій порицаетъ Автора, что книга его *наполнена утоми-*

ХІІ

тельными подробностями и безконечными женскими разговорами, которые и не въ книгахъ рѣдко бываютъ интересны (Сѣвер. Пч. 28 Ноября 1832 года № 279); а четвертый, увѣряя, что Семейство Холмскихъ не удовлетворяетъ ни сколько современнымъ требованіямъ народнаго самопознанія, заключаетъ рецензію свою восклицаніемъ, что излишество безполезнаго прозябанія хуже безплодія (Телескопъ 1832 года № 10).

Всѣ эти сужденія безъ всякаго сомнѣнія весьма правильны, потому что уполномоченные и подкрѣпленные общимъ уваженіемъ и довѣріемъ, почтеннѣйшіе наши Рецензенты основываютъ приговоры свои, какъ то всѣмъ извѣстно, на полномъ безпристрастіи и любви къ искусству; слѣдовательно должно-бы кажется ни сколько не колеблясь тотчасъ ихъ послушаться, т. е. по первому наставленію сократить дорогу отъ Таболевска до Бѣлостока; по второму увѣщанію изъ шести

XIII

частей издать только четыре; въ угодность третьему выкинуть изъ книги все женскіе разговоры, которые не нравятся почтеннѣйшему рецензенту; а что угодно четвертому рецензенту, то исполнить было бы весьма затруднительно, потому что невозможно постигнуть настоящаго смысла требованія его. Словомъ, хотя и надлежало-бы повиноваться увѣщаніямъ, наставленіямъ и приказаніямъ гг. безпристрастныхъ рецензентовъ.... но возможность приступить къ третьему изданію, кажется, служить убѣдительнымъ доказательствомъ, что книга принята благосклонно, и что большинство голосовъ не на сторонѣ гг. рецензентовъ.

Очень и очень жаль, что не лзя воспользоваться благонамѣренными ихъ совѣтами. Что дѣлать? — надобно повиноваться большинству голосовъ, принять въ уваженіе общее мнѣніе и представить книгу въ третьемъ изданіи въ томъ-же

XIV

видѣ, какъ она явилась въ первомъ и даже съ нѣкоторыми прибавленіями.

Мы признали нужнымъ помѣстить здѣсь слѣдующее письмо, полученное Авторомъ по городской почтѣ, отъ неизвѣстнаго ему какого-то Аристарха—Правдолюбова, вѣроятно вымышленное названіе: это теперь въ большей модѣ:

«М. Г. Вы меня не знаете и я васъ также. Въ этомъ еще не велика бѣда, но я читалъ вашу книгу, читалъ также и рецензіи, помѣщенные въ нашихъ журналахъ, и совершенно согласенъ съ гг. рецензентами, что книга ваша имѣетъ множество недостатковъ; однако-же за всѣмъ тѣмъ всѣ экземпляры обоихъ изданій раскуплены. Я не хотѣлъ этому вѣрить, но въ бытность мою въ Москвѣ спрашивалъ Ширяева, Глазунова, Свѣшниковъ, словомъ во всѣхъ книжныхъ лавкахъ, и ни гдѣ не нашелъ ни одного

«экземпляра; здѣсь также, изъ любопыт-
«ства, обошелъ всѣ книжныя лавки и вездѣ
«мнѣ отвѣчали: нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ; за-
«ходилъ даже въ подвижныя лавочки ста-
«рыхъ книгъ, останавливалъ разносчиковъ
«на улицахъ и рѣшительно нигдѣ не на-
«шелъ ни одного экземпляра. Что за чу-
«до такое? Какимъ образомъ книга, на-
«полненная большими недостатками, раз-
«критикованная и осужденная почти всѣ-
«ми журналами, принята такъ хорошо и
«всѣ экземпляры обоихъ изданій раскуп-
«лены. Не поступилили вы, м. г. неизвѣ-
«стный мнѣ Авторъ, такъ-же, какъ, гово-
«рять, въ старину дѣлалъ одинъ знаме-
«нитый нашъ поэтъ: печаталъ нѣсколь-
«кими изданіями свои стихотворенія и
«самъ раскупалъ всѣ экземпляры? Воля
«ваша, иначе быть не можетъ. Должно
«быть что нибудь одно, или вы слѣдуе-
«те примѣру знаменитаго поэта, или у
«насъ въ Россіи Богъ знаетъ что дѣ-
«лается. Какъ можно покупать книгу

XVI

« осужденную журналистами и признан-
« ную даже однимъ изъ нихъ ни сколь-
« ко не удовлетворяющею современнымъ
« требованіямъ народнаго самопознанія?
« А что наши журналисты не только не
« ошиблись, но поступили съ вами, г. Ав-
« торъ, съ примѣрнымъ великодушіемъ,
« желая, вѣроятно, поощрить вашу юный
« талантъ и дать ходъ вашей книгѣ, въ
« этомъ я совершенно убѣжденъ, и нахо-
« жу даже съ своей стороны весьма до-
« стойнымъ порицанія неумѣстную ихъ
« снисходительность и великодушіе, по-
« тому что для пользы словесности долж-
« но говорить всю правду. Съ этою цѣлью
« написалъ я нѣсколько дополненій и за-
« мѣчаній на каждую изъ рецензій, помѣ-
« щенныхъ въ журналахъ, на вашу кни-
« гу. Я хотѣлъ было мои дополненія и
« замѣчанія напечатать въ лучшемъ и из-
« вѣстномъ нашемъ журналѣ, но не знаю
« почему г. Редактору не угодно было
« исполнить моего желанія. По крайней

«мѣрь вы, м. г., для собственной вашей
«пользы и назиданія, извольте прочитать
«мои доказательства, что книга ваша имѣ-
«етъ большія погрѣшности и что гг. ре-
«цензенты поступили съ вами именно съ
«примѣрнымъ великодушіемъ.» Имѣю честь
и проч.

Аристархъ Правдолюбовъ.

Поясненія и дополненія къ замѣчаніямъ,
помѣщеннымъ въ 1-й части Библіотеки
для чтенія на Семейство Холмскихъ.

Ah! pédant, pédant et demi, je
sais le grec, je l'assomme.

BEAUMARCHAIS.

Ага! педантъ! не доучившійся
педантъ! я его уничтожу, — я
знаю по Гречески.

БОМАРШЕ.

Въ письмѣ въ Парижъ о нынѣшнемъ
состояніи нашей словесности сообщено о

ХУІІІ

второмъ изданіи слѣдующее извѣстіе: «Въ
«нынѣшнемъ году перепечатанъ романъ
«Семейство Холмскихъ. Если вы хотите
«знать его содержаніе, купите въ Пари-
«жѣ переведенный съ Англійскаго романъ
«*le Pour et le contre*, прибавьте къ
«нему нѣсколько нашихъ національныхъ
«сценъ, въ которыхъ играютъ роль взят-
«ки, карты, ерофеичъ и т. п. и будете
«имѣть то, что мы читали подъ именемъ
«произведенія Россійскаго.»

Слишкомъ, слишкомъ снисходителенъ
г. Рецензентъ. Ежели писать, такъ писать
всю правду, не стѣсняясь ни какимъ, да-
же самымъ великодушнымъ движеніемъ
добраго сердца, и тѣмъ болѣе еще съ
опытностію г. Рецензента, съ глубокими
его познаніями, *храбростію, талантомъ*,
именно ему первому предлежало-бы изоб-
личить въ полной мѣрѣ Автора Семейства
Холмскихъ, въ похищеніи не только изъ
le Pour et le contre; но изъ многихъ
романовъ, періодическихъ сочиненій, юмо-

ристическихъ и правоописательныхъ статей, драматическихъ представлений, философическихъ и юридическихъ книгъ и проч. и проч. словомъ открыть всѣ источники, изъ которыхъ онъ заимствовалъ, ограждая себя въ предисловіи извѣстнымъ и уже весьма обвѣтшальнымъ правиломъ: *Je prends mon bien partout où je le trouve*— «я беру свое добро тамъ, гдѣ нахожу его.

Просто не должно щадить компилятора, который, составивъ сочиненіе изъ разныхъ отрывковъ и лоскутковъ иностранной словесности, дерзнулъ прибавить къ такъ называемому роману своему «*нѣкоторыя черты нравовъ и образа жизни семейной и одинокой Русскихъ дворянъ!*»

Можетъ быть какой нибудь смѣльчакъ вздумаетъ оправдывать Автора тѣмъ, что многіе изъ предшественниковъ его также поступали; напримѣръ, можетъ быть рѣшится онъ увѣрять и даже указать въ

XX

«Недоросль» мѣста изъ Волтера, Фенелона и проч. въ «Горь отъ ума» изъ Грессета и Бомарше, въ сочиненіяхъ Карамзина изъ Мармонтеля, Стерна, Жанлисъ и проч. Жуковского изъ Бюргера и Гёте, Пушкина изъ Байрона и Мурра. Въ басняхъ: Крылова, Дмитріева, Хемницера, изъ Ла-Фонтена, Геллерта и проч. — Пожалуй, чего добраго, можетъ быть еще дерзнуть утверждать, что нѣкоторые почтеннѣйшіе журналисты, въ критическихъ, юмористическихъ и философическихъ статьяхъ подражаютъ и подражали такимъ-то авторамъ и что даже самъ знаменитый и чудесный Баронъ Брамбеусъ подражалъ Рабле, Бальзаку и проч. (современный наблюдатель 1835 г.).... Но все вздоръ, ни какія оправданія не заслуживаютъ уваженія, потому что, какъ осмѣлится кому нибудь въ наше время, не имѣя чести принадлежать къ *приходу знаменитыхъ друзей*, писать что нибудь о Русскихъ нравахъ.

Слѣдовательно съ полнымъ уваженіемъ къ почтеннѣйшему рецензенту необходимо должно свершить то, отъ чего онъ по чувству необыкновеннаго великодушія своего отказался, то есть замѣчанія его надобно дополнить нужными поясненіями и указаніемъ источниковъ, откуда заимствованы въ Семействѣ Холмскихъ такъ называемыя черты нравовъ и образа жизни семейной и одинокой Русскихъ Дворянъ, а именно:

Посвященіе, разговоръ вмѣсто предисловія, исторія Князей Старовѣковыхъ, письмо о Московскихъ балахъ, живыхъ картинахъ и о чихающей Дидонѣ, словомъ почти вся первая часть переведена весьма неудачно и съ большими пропусками изъ извѣстнаго Лапландскаго манускрипта, который ходитъ изъ одной юрты въ другую въ ожиданіи заведенія типографіи и изданія Лапландской грамматики.

Описаніе корнетскаго жилища, пиръ у Русскаго помѣщика, пьяницы отставнаго

XXII

гусара, повѣствованіе о подвигахъ Исправника, балъ и благородный спектакль въ Подмосковной отставнаго Камергера прошлаго столѣтія и прочее, помѣщенное во 2-мъ томѣ, заимствовано почти отъ слова въ слово изъ древней Халдейской рукописи, хранящейся въ Парижской публичной библіотекѣ, о чемъ г. Рецензентъ можетъ со всею достовѣрностію узнать чрезъ своихъ Парижскихъ корреспондентовъ.

Разсказъ Аглаева о Русскихъ чудакахъ и мерзавцахъ разнаго рода, угощеніе Фамусовой, біографія Радушина, Аристофанова, Репейкина, Лукавиной, завлеченіе Аглаева Московскими мошенниками въ картежную игру; словомъ, почти весь третій томъ вытащенъ изъ извѣстнаго Турецкаго журнала подъ названіемъ. Стамбульскій Анахоретъ, въ подражаніе которому Аддисонъ издавалъ своего зрителя, Жуи въ подраженіе Аддисону *Permite de la chaussée d'Antin*, Имберъ въ по-

дражаніе Жуи Moeurs administratives и наконецъ въ подраженіе прочимъ подражателямъ, нѣкоторые журналисты статьи свои о современныхъ нравахъ.

Описаніе супружеской жизни дядюшекъ Рифейскихъ, бракосочетаніе Алексѣя Холмскаго, разговоръ Свѣяжской, Ельмира и Велькарова объ Московскихъ и Петербургскихъ обществахъ въ 4-мъ томѣ, переведено или лучше сказать перетасчено изъ старинной учебной книги подъ названіемъ «Христоматія для Лезгинцовъ, Кабардинцовъ, Чеченцовъ и прочихъ Горскихъ народовъ.»

Обманъ Аглаева стряпчимъ и тетешкою Лукавиною, подвиги Московскихъ картежниковъ, развратная жизнь Аглаева и смерть жены его, словомъ почти все помѣщенное въ 5-мъ томѣ заимствовано изъ мелодрамы, очень хорошо въ свое время принятой на Вавилонскомъ театрѣ.

Наконецъ помѣщенная въ пятой и въ началѣ шестой части въ видѣ эпизода ис-

XXIV

торія Сундукова переведена, и весьма плохо, изъ сочиненія Конфуція, подъ названіемъ: сказаніе о похожденіяхъ простаго пѣсельника (хориста) *Нли—Квіу*, достигнувшаго до званія Мандарина 4-й степени. Но какой жалкой переводъ! Невѣжество переводчика обнаруживается даже въ нетвердомъ знаніи Китайскаго языка. *Нли* значитъ крѣпкій, *Квіу* лобъ, слѣдовательно должно-бы было перевести *Крѣпколобовъ*, а не Сундуковъ. Такая непростительная ошибка заслуживаетъ особеннаго порицанія. Притомъ-же какое постыдное невниманіе: самыя лучшія и назидательныя черты жизни Крѣпколобова пропущены. Напримѣръ ни слова не сказано, что онъ, имѣя шестерыхъ дѣтей, не обезпечивъ ни чѣмъ ихъ состоянія и достигнувъ безъ малаго семидесяти лѣтъ, вновь женился на молодой прелестной дѣвушкѣ, которая, какъ восклицаетъ г. Конфуцій, *принесена аличнымъ корыстолобіемъ родныхъ ея на жертву*

новому минотавру. Бракосочетаніе, жизнь молодого семидесятилѣтняго супруга, обманъ жены и родныхъ ея, которымъ не отдалъ онъ обѣщаннаго при помолвкѣ, все это хорошо описано г. Конфуціемъ, и преисполнено нравоучительными сужденіями и восклицаніями, заимствованными изъ разныхъ юмористическихъ и философическихъ статей, помѣщенныхъ въ нѣкоторыхъ журналахъ, потому что и г. Конфуцій бралъ вездѣ, что казалось ему приличнымъ его сочиненію. Сверхъ того пропущено описаніе еще другаго, весьма похвальнаго подвига Мандарина *Ли — Квіу*, т. е. Крѣпколобова, а именно: что онъ, имѣя отдаленную нравственную цѣль разорить роднаго брата своего, увѣрилъ, что будто бы по дружбѣ уступаетъ въ пользу его часть имѣнія, доставшагося имъ послѣ покойнаго ихъ отца, но умышленно не выдавалъ настоящаго акта на владѣніе и ожидалъ только, пока братъ приступитъ къ устройству того имѣнія; когда-же онъ

XXVI

употребилъ значительный на то капиталъ, тогда Или — Квіу, т. е. Крънколовъ, предъявилъ свои права и завелъ тяжбу. Но за чѣмъ же все это пропущено?—Voilà comme on écrit l'histoire — (Вотъ какъ пишутъ исторію). Такимъ-то образомъ отъ упущенія и невниманія авторовъ, переводчиковъ и переписчиковъ, не достигаютъ до потомства въ настоящемъ видѣ и полнотѣ біографіи знаменитыхъ людей.

Воля ваша, почтеннѣйшій г. рецензентъ, а ежели *писать*, такъ *писать*. Повѣрьте, всякое великодушіе и снисхожденіе вредны для пользы и успѣховъ нашей словесности. Какъ вамъ угодно, а кажется должно съ перваго раза, что называется, *осадить* всякаго смѣльчака. Посмотримъ, послѣ теперешнаго безпристрастнаго разбора Семейства Холмскихъ какой еще *шалунъ безъ плана и совѣта* знаменитыхъ друзей, и не имѣя при томъ чести

принадлежать къ ихъ *приходу*, дерз-
нетъ писать что нибудь о Русскихъ нра-
вахъ.

2. Дань удивленія къ почтеннѣйшему
рецензенту, помѣстившему замѣчанія свои
на Семейство Холмскихъ въ Сѣверной
Пчелѣ 3-го Ноября 1832 года № 257.

• А ты герой пребудешь въ вѣки
• Ихъ славой, честью, образцомъ. •

И. И. ДМИТРИЕВЪ.

Прочитать шесть тяжеловѣсныхъ ча-
стей, въ которыхъ около двухъ тысячъ
страницъ, т. е. какъ изъясняется г. ре-
цензентъ, *проѣхатъ отъ Тобольска до*
Бѣлостока, и въ чемъ же? — какъ онъ
далѣе объявляетъ, — *не въ спокойномъ эки-*
пажѣ, и не по гладкому шоссе, и совер-
шить такой подвигъ не болѣе какъ въ
два дни—(«безсмертный романъ Ридчард-
«сона подвергается такому-же упреку и

XXVIII

«почитатели Англійскаго романиста тре-
«буютъ, чтобы Кларисса была прочтена
«за одинъ присѣсть; это требованіе я
«исполнилъ, въ отношеніи къ Семейству
«Холмскихъ: всѣ шесть частей были про-
«читаны въ два дни и проч.»—Сѣв. Пече-
ла 1832 года № 257). Чудо! — нельзя не
удивляться! — Изъ любопытства надобно
взять карандашъ и сдѣлать слѣдующій
расчетъ: въ двухъ дняхъ 48 часовъ; еже-
ли положить изъ того числа не болѣе
какъ по 6 часовъ въ день для сна, по-
томъ отдѣлить время нужное для обѣда,
для прогулки и проч., словомъ при са-
момъ умѣренномъ расчетѣ, оставалось г.
рецензенту въ двухъ дняхъ не болѣе 30
часовъ, а въ 6-ти томахъ слишкомъ 2,000
страницъ, слѣдовательно онъ изволилъ чи-
тать въ часъ безъ малаго по 70 стр. И въ
такое короткое время г. рецензентъ ус-
пѣлъ все обдумать, понять, оцѣнить и, не
останавливаясь, прямо и рѣшительно про-
изнести приговоръ свой надъ сочинені-

емъ, надъ которымъ авторъ трудился можетъ быть нѣсколько лѣтъ! Нельзя послѣ того не придти въ изумленіе отъ такой проницательности и такой смѣлой быстроты въ соображеніяхъ почтеннѣйшаго рецензента.

Конечно, дань удивленія къ исполинскому его генію нѣсколько уменьшится, если принять во вниманіе, что онъ самъ о себѣ возвѣстилъ, начиная свой разборъ: «что онъ былъ въ Парижѣ, посѣщалъ многіе города въ Германіи,» т. е. весьма вѣроятно, какъ говоритъ Сумбутова въ комедіи Крылова «Модная лавка» *завѣзжалъ въ Европу*. Притомъ-же онъ прошелъ пѣшкомъ отъ С. Петербурга до Москвы, ему «рюмка настойки и кусокъ пирога съ начинкою, составлявшіе его ужинъ, на предпоследней станціи къ Москвѣ, были несравненно вкуснѣе Стразбургскаго пирога и кометнаго кло-де-вужо, а трапезеніе нашей тѣлеси щеголеватѣе и удобнѣе спокойныхъ заграничныхъ бричекъ»

XXX

и проч. проч. Конечно, побывавши въ Парижѣ и во многихъ городахъ въ Германіи, и имѣя такой вкусъ, разумѣется можно пріобрѣсть и отважность судить-рядить смѣло, рѣшительно, безотчетно, но за-всѣмъ тѣмъ въ 30 часовъ прочитать слишкомъ 2000 страницъ, т. е. *проѣхать отъ Тобольска до Бѣлостока*, не въ спокойномъ рессорномъ экипажѣ, это чудо чудное и диво дивное!... *Виватъ нашъ витязь!*...

3. Воззваніе къ почтеннѣйшему рецензенту Семейства Холмскихъ, помѣстившему обвинительный приговоръ въ Телескопъ 1832 года N^о 19.

«Ахъ бѣда! и бѣда еще не малая.»

Руская пѣсня.

По прочтеніи краснорѣчиваго, дѣльнаго, основательнаго приговора на Семейство Холмскихъ въ Телескопъ, увѣрившись

въ необыкновенныхъ и глубокихъ познанияхъ, безпристрастїи и отличной способности г. почтеннѣйшаго рецензента излагать мысли свои ясно, убѣдительно и по правиламъ логики, конечно всякой съ ужасомъ узнаеть, какой опасности подвергался г. рецензентъ. «Произведеніе сіе, «Семейство Холмскихъ, нельзя назвать явленіемъ совершенно лишнимъ, бесполезнымъ въ нашей литературѣ; его можно «прочестъ на досугъ, кому есть время читать и кого природа снабдила долготерпѣніемъ, могущимъ одолѣть безъ ропота «шесть толстыхъ книгъ. Мы сами побѣдоносно прочли его и не безъ нѣкотораго вознагражденія; но признаемся и «повторимъ съ Пирромъ, что придется «погибнуть, если должно будетъ одержать другую подобную побѣду». Стр. 380 и 381 Телескопа № 12, 1832 года.

Возможно-ли, какая бѣда!—Вамъ придется погибнуть, ежели читаете другой разъ! вамъ, почтеннѣйшій защит-

XXXII

никъ идеальныхъ картинъ, которыя, по мнѣнію вашему, должно представлять въ описаніи Русскихъ нравовъ. Вамъ чудеснѣйшій моралистъ, предполагающій, что всякая мать должна предоставлять дочери своей вкусить въ полной мѣрѣ плодъ отъ древа добра и зла.

Такъ не читайте же, сдѣлайте одолженіе, не читайте этой пагубной книги—этого сбора восковыхъ, безцвѣтныхъ, безжизненныхъ фигуръ (стр. 381), которыя за нѣсколько строкъ предъ тѣмъ названы вами же портретами или очерками, снятыми съ натуры. — Не ходите, пожалуйста не ходите, въ одинъ изъ тѣхъ длинныхъ, безконечныхъ ходовъ, кои тянутся въ катакомбахъ, обставленныхъ съ обѣихъ сторонъ муміями. (Стр. 383). Хотя также за нѣсколько строкъ предъ тѣмъ вы-же изволили сказать: «это бытъ Русскаго дворянства въ лицахъ.»

Сохраните ваше драгоценное здоровье, почтеннѣйшій рецензентъ, берегите вашу

жизнь, благоденствуйте, живите.... Повѣрьте, вы къ счастію на свѣтъ сей рождены (баснь Хемницера). Еще должно повторить, сдѣлайте одолженіе, никогда, рѣшительно никогда не читайте Семейства Холмскихъ.

4. Несколько словъ объ рецензій, помѣщенной въ Литературныхъ прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду, 1833 года Марта 29 N^о 25.

«Иль течетъ въ насъ кровь не крещеная.

Встрѣча не званыхъ, опера соч.

Князя Шаховскаго.

Вамъ, почтеннѣйшій г. рецензентъ, не нравится настоящая героиня романа, Софья Васильевна, на которой, какъ кажется, авторъ хотѣлъ основать весь интересъ своей книги; вы находите, «что отъ нее «вѣсть холодомъ философіи престарѣлой «дѣвственницы Свѣяжской»; вы изволите

XXXIV

гнѣваться на «сцены домашняго счастья, «которыми авторъ хотѣлъ загладить впечатлѣнія описанныхъ имъ семейныхъ не- «погодъ и бурь.» У васъ при чтеніи такихъ мѣстъ «книга валится изъ рукъ, «терпѣніе улетаетъ и смѣняется досадою, «что насъ хотятъ возвратить въ тотъ вѣкъ «несносныхъ сентиментальностей пошлаго «романтизма, тошнотныхъ пародій на Арка- «дію, которыя мы пережили.» Я совершенно съ вами согласенъ, г. Рецензентъ; мнѣ самому несносно было читать холод- ные умствованія этой педантки героини романа, Софьи Васильевны, и я уже давно убѣдился въ той истинѣ, что авторъ Семейства Холмскихъ, просто, на цѣлое столѣтіе отсталъ отъ настоящаго времени, отважившись описывать женщинъ не въ томъ видѣ и не съ тою нравственностію, какъ представляетъ ихъ въ романахъ своихъ г-жа Зандъ. — Но вообразите себѣ мое изумленіе: въ одномъ довольно многочисленномъ обществѣ, когда я доказы-

валъ, что отъ этой героини романа вѣетъ холодомъ престарѣлой дѣвственности, что при чтеніи книга валится изъ рукъ, терпѣніе улетаетъ, и проч. и проч., т. е. все, что написано въ вашей рецензіи. Можно-ли повѣрить, со мною спорила и противорѣчила мнѣ хозяйка дома; это-бы еще нечего: она уже пожилая женщина; но, къ сожалѣнію, ее поддерживали многія молоденькія хорошенькія дамы и даже кавалеры: эти послѣдніе, разумѣется, не изъ чего другаго, какъ изъ желанія угодить дамамъ. Конечно, надобно правду сказать, и мою сторону также держали многіе. Мы спорили, говорили громко и обратили на себя общее вниманіе, и вотъ наконецъ что сказалъ мнѣ одинъ старичокъ съ двумя звѣздами, дядюшка хозяйки, принятый съ уваженіемъ въ ея домъ.

Очень и очень жаль, что авторъ имѣлъ несчастіе навлечь на себя досаду и гнѣвъ вашъ; но что вы скажете узнавши, что,

XXXVI

можетъ быть, авторъ ни сколько не думалъ нравиться вамъ и пріобрѣсть благосклонность вашу и подобныхъ вамъ, называющихъ холодною и несносною педанткою женщину, которая, бывъ руководима правилами религіи и хорошей нравственности, имѣя непрерывное и неутомимое наблюденіе за собою, повинувась разсудку, а не страстямъ, снискала чрезъ то общее уваженіе и способствовала къ счастью мужа, дѣтей и всего семейства своего. Вамъ не нравятся сцены домашней счастливой жизни! Чтожъ дѣлать? На всѣхъ угодить не возможно. Каждый имѣетъ свой вкусъ.

Но неужели намъ, Русскимъ православнымъ Христіанамъ, вѣрить и руководствоваться правилами, которыя бѣснующіеся Французскіе литераторы преподають и распространяють въ продолженіи почти цѣлаго столѣтія, начиная отъ Волтера, Дидерота и проч., до основателей нынѣш-

ней школы неистовой Французской словесности; какъ-то, примѣръ, г. Евгеній Сю, одинъ изъ числа знаменитѣйшихъ сподвижниковъ новѣйшей школы, къ общему свѣдѣнію возвыщаетъ, что « должно изображать порочныхъ людей привле-
 « кательными, торжествующими, счастли-
 « выми, отважными, неустрашимыми, всѣ-
 « ми уважаемыми, достигающими покойно
 « до глубокой старости »; прибавляя еще къ тому: « что прахъ ихъ покойся подъ
 « великолѣпными мавзолеями и что память
 « ихъ благословляется, потому что они
 « оставляютъ по себѣ богатые наслѣдства.»
 Напротивъ-же того людей добродѣтель-
 « ныхъ должно представлять « отвратитель-
 « ными, безобразными, нищими, сухоща-
 « выми, томлящимися съ голоду на гнилой
 « соломѣ, умирающими преждевременно,
 « похороненными безъ всякой почести и
 « скоро всѣми забытыми, потому что доб-
 « родѣтельные ни когда по себѣ ни ка-
 « кого наслѣдства не оставляютъ.» (La

XXXVIII

Salamandre par Eugène Sue. Саламандра, соч. Евгенія Сю). И этотъ романъ, преисполненный многими подобными моральными выходками, признанъ однимъ изъ лучшихъ произведеній нынѣшней Французской словесности! Но пускай Французинъ изъ Бордо преподастъ, что ему угодно, своимъ соотечественникамъ, слѣдствія такихъ наставленій очевидны. Авторъ Семейства Холмскихъ имѣлъ, какъ кажется, совсѣмъ противоположную цѣль. Кому не нравятся представляемыя имъ правила, тотъ можетъ читать Виктора Гюго, Жюль-Верна, Сю, Бальзака, г-жу Зандъ и прочихъ, имъ подобныхъ новѣйшихъ Французскихъ авторовъ, т. е., пройти полный курсъ безнравственности и безбожія.» Я хотѣлъ было отвѣчать, но мнѣ подали карту играть въ вистъ и разговоръ прекратился. Изъ любопытства и въ доказательство, что осталось у насъ еще много и очень много Вандаловъ и Варяго-Руссовъ, я помѣщаю отъ слова до слова воз-

раженіе, довольно неучтивое, сдѣланное мнѣ этимъ старичкомъ въ двухъ звѣздахъ.

Въ заключеніе сего, авторъ поставляетъ долгомъ изъясниться и съ вами, почтеннѣйшіе *подлинники*, которые нашли портреты свои въ Семействѣ Холмскихъ. Вы гнѣваетесь и конечно имѣете все право. Но что жъ было дѣлать автору? Нельзя-же было, описывая Русскіе нравы, брать рисунки съ Латышсѣй, Чухонцовъ, Поляковъ, Жидовъ и проч. Вы попались ему подъ руку; рама для картинъ его была обширная, всякому нашлось мѣстечко.

Авторъ просить у васъ извиненія, желаетъ вамъ добраго здоровья, всякаго благополучія и преуспѣванія на поприщѣ, на которомъ вы съ такою славою подвизаетесь. На прощаньи осмѣливается сказать вамъ слѣдующую пословицу, помѣщенную въ одной изъ лучшихъ комедій Мольера: *Qui se sent morreux, qu'il se touche*. Ежели кто изъ васъ не изво-

XL

литъ знать по Французки, попросите, чтобы вамъ перевели. Вы согласитесь, что эта пословица заключаетъ въ себѣ глубокую истину.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ,

РАЗГОВОРЪ АВТОРА СЪ СВОИМЪ ПРІЯТЕЛЕМЪ.

Пріятель. Я долженъ откровенно сказать тебѣ: многое въ твоей книгѣ мнѣ не нравится.

Авторъ. Напримѣръ, что именно?

Пріят. Первое: ты представилъ и описалъ болѣе двадцати различнаго свойства супружествъ, и въ числѣ ихъ поставилъ въ виду одну только счастливую чету. Какая-же цѣль твоя? Стара штука, мой любезный! Много и прежде тебя писали

XLII

о томъ-же, разсыпая по пустому остроуміе и насмѣшки надъ супружескимъ состояніемъ. Одинъ, не помню какой-то авторъ, вздумалъ было даже увѣрять, что того, кто женится, можно сравнить съ глупцемъ, который хочетъ вынуть угря изъ мѣшка, гдѣ посажено сто змѣй и одинъ угорь. «Держу сто противъ одного,» говорилъ онъ, «что вѣрно попадется ему змѣя!» Ювеналь, Буало, и многіе другіе, напрасно истощали всѣхъ гиперболы свои противъ женщинъ. Къ счастью, всѣ усилія отклонить людей отъ супружества—остались безуспѣшны.

Авт. Я буду очень сожалѣть, ежели въ книгѣ моей найдутъ совершенно противное тому, что я имѣлъ въ виду. Мнѣ хотѣлось объяснить, что супружеское состояніе есть одно въ мірѣ, въ которомъ заключена возможность достигнуть счастья—истиннаго предназначенія человека въ здѣшней жизни. А отъ чего мало благополучныхъ браковъ, предложены мною

доказательства и разные примѣры. Я старался обнаружить, по какимъ именно причинамъ многіе, счастливые и влюбленные другъ въ друга супруги, постепенно охлаждаются, и потомъ, далѣе и далѣе, чувствуютъ не только равнодушіе, но и взаимное отвращеніе. Словомъ: мое намѣреніе было представить, не идеальное, а существенное, т. е. что мы видимъ безпрестанно, что у насъ предъ глазами. Но, вмѣстѣ съ описаніемъ разнообразныхъ причинъ несчастливыхъ браковъ, желалъ я также объяснить, какія средства должны быть приняты къ достиженію возможнаго благополучія въ супружескомъ состояніи.

Пріят. Ты описалъ множество характеровъ, и вывелъ на сцену болѣе различныхъ лицъ; но въ числѣ ихъ представилъ порядочныхъ людей всего пять, или шесть особъ обоего пола.

Авт. Что-жъ дѣлать, ежели это правда? Мнѣ кажется, и пять на это еще

XLIV

слишкомъ много! Кто отъ души хочетъ другому добра, тотъ не станетъ лгать, не будетъ представлять чернаго бѣлымъ: такъ точно и авторъ, движимый благонамѣренностію и желаніемъ общей пользы, долженъ прямо говорить всю правду. Мы слышимъ безпрестанныя жалобы на несчастіе. Мнѣ хотѣлось рассмотреть, отъ чего именно люди почитаютъ себя несчастливými. Неужели это неизбѣжное условіе и принадлежность жизни человѣка? Спрашиваю самъ себя: къ чему человѣкъ предназначенъ — къ страданіямъ, жалобамъ и горю, или напротивъ, предопредѣленіе его провести свой вѣкъ спокойно, мирно и, слѣдовательно, счастливо?

Пріят. То есть, ты хочешь утверждать послѣднее? Весьма и весьма затруднительную обязанность принимаешь ты на себя! Уже давно кто-то насчиталъ болѣе десяти тысячъ разнообразныхъ системъ о счастіи. Намъ скучно слушать и читать

этѣ системы, и очень понятно почему. Потому, что хотять судить о несбыточномъ, доказывать намъ вещь невозможную. Прошу, напримѣръ, увѣрить человека, страждущаго мучительною болѣзнію, или сдѣлавшаго невозвратимую сердечную потерю, что онъ счастливъ! Повѣрь: ты, мой любезный, изволилъ хлопотать по пустому, писавши свою книгу.

Авт. Можетъ быть. Но я имѣлъ доброе намѣреніе, и ежели успѣю хотя одному кому нибудь быть полезнымъ, то есть успѣю убѣдить хотя одного, что кромѣ нѣкоторыхъ непредвидѣнныхъ, физическихъ бѣдствій, которыя никакая человѣческая премудрость отвратить не можетъ, причиною большей части нашихъ несчастій мы сами, то буду уже вознагражденъ за трудъ мой. Обратимся однакожъ къ нашему разговору. — Мы всѣ хотимъ быть благополучны и, напротивъ, всѣ мы несчастливы — рѣшительно всѣ,

XLVI

одинъ менѣе, другой болѣе—въ томъ вся разница. Но чтожь намъ дѣлать, чтобы избѣгнуть непріятныхъ упрековъ случаю, судьбѣ, фортуны, и пр. и пр., то есть, жалобъ на все то, чему мы приписываемъ наши бѣдствія, происходящія болѣею частию отъ собственной нашей неосторожности, безразсудка, глупости и злости?

Пріят. Не спору: не возможно опровергнуть, что причиною многихъ несчастій мы сами. Но также долженъ ты согласиться, что есть нѣчто такое, *непостижимое*, называемое *судьбою*. Почему все въ міръ такъ, а не иначе? Почему одинъ, напримѣръ, является въ здѣшній міръ просто *Ванькою*, а другой *Иваномъ*? Почему иному стоило только принять на себя трудъ родиться, какъ говоритъ Фигаро, чтобы провести всю жизнь въ изобиліи? Почему, какъ утверждаетъ Фигаро, иному бѣдняку нужно болѣе усилій, ума и трудовъ, для того, чтобы прожить одинъ

день, чѣмъ употреблено того и другаго, и третьяго для управленія всею Испанією, въ теченіе, можетъ быть, цѣлаго столѣтія? Почему, когда играютъ въ карты, къ одному идутъ тузы, къ другому двойки? Почему иной родится красавцемъ, другой безобразнымъ? Почему Сидоръ 14-ти вершковъ ростомъ, стросень, прекрасень собою, а Кузьма двухъ вершковъ, горбать и уродъ? Почему.... Но этимъ почему не будетъ конца? Загадка нравственнаго устройства міра никѣмъ и никогда не можетъ быть разрѣшена. Тщетны усилія понять, что свѣше человѣческаго понятія. Разсужденія и пересуживанія о томъ, что значить это *нѣчто* непостижимое, походятъ на предложенія ученыхъ людей: отъ чего магнитная стрѣлка обращается непременно къ сѣверу, или утвержденія нѣкоторыхъ, будто можно открыть квадратуру круга и вѣчное движеніе! Надобно смириться, познать предѣлы нашего ума; не то — мы

XLVIII

зайдемъ съ вопросами своими—Богъ знаетъ, въ какой лабиринтъ!

Авт. Я не знаю, почему ты думаешь, будто можно зайти слишкомъ далеко. Признаюсь тебѣ, не постигаю и того, къ чему даже годятся предлагаемые тобою вопросы о такой истинѣ, которая сама по себѣ весьма понятна? Пускай Бомарше восклицаетъ устами Фигаро, что ему угодно. Разсудокъ и сердце наше говорятъ, что и бѣдняку *Ванькѣ* и богачу *Ивану*, и красавцу *Сидору* и уроду *Кузьмѣ*, рѣшительно всѣмъ, отъ царя до пастуха, дано, по благодати Провидѣнія, одинакое и равное право на счастье, въ нравственномъ отношеніи. Надобно только употреблять съ пользою открытія намъ къ тому средства. Словомъ: должно уметь быть счастливымъ.

Пріят. Понимаю твое намѣреніе. Но, любезный другъ, что новаго объявишь ты намъ? Больше ничего сказать не лѣзя, какъ то, что всѣмъ извѣстно, и напечатано во

всякой азбукъ, на первой страницъ: «Страхъ Господень начало премудрости. Будь благочестивъ, остороженъ, благоразуменъ,» и проч. — Вотъ средства къ счастью; но это всѣ и безъ тебя знаютъ.

Авт. Поваго! *Ничто не ново подъ луною*; но, мнѣ кажется, новая мысль не есть та, которая кому нибудь первому пришла въ голову. Нѣтъ! она заключалась въ умъ всѣхъ людей, и только въ первый разъ представлена и объяснена тѣмъ, кто ее сказалъ. Притомъ-же, я и не принимаю на себя чести изобрѣтенія чего нибудь новаго. Повторяю, что уже многіе говорили прежде меня, и повторяю въ слѣдующемъ предположеніи: люди могутъ увѣриться съ перваго раза въ однихъ только самыхъ простыхъ математическихъ истинахъ, какъ то: дважды два четыре, и пр. Но если что не очевидно, и чего они не могутъ *понять* и, такъ сказать, *ощупать* чувствами своими—

Л

осязаніемъ, зрѣніемъ, слухомъ, обоняніемъ и вкусомъ, то много нужно усилій, чтобы вразумить ихъ. Напримѣръ, скажи въ предосторожность кому нибудь: «Не подходите близко къ этой пропасти: вы можете поскользнуться и упасть въ нее.» Не вдругъ повѣрить тебѣ тотъ, кому будешь ты говорить. Или *любопытство*, или *самонадѣянность*, что онъ умнѣе и осторожнѣе другихъ, и избѣгнетъ опасности, или важное слово: *авось*, повлекутъ его прямо въ пропасть, и онъ, наравнѣ съ другими, погибнетъ. Мнѣ кажется, что нравственныя истины должны быть, сколько можно чаще, повторяемы, для *предостереженія* людей. Честь и слава тому, кто убѣдительнѣе и привлекательнѣе другихъ представить эти истины.

Моя цѣль состояла именно въ томъ, чтобы нравственность, напечатанную, какъ ты сказалъ, въ каждой азбукѣ, на пер-

вой страницъ: «страхъ Господень есть начало премудрости,» и пр. показать въ дѣйствіи. Я не хотѣлъ представить идеальныхъ героев романа, которые всѣмъ надѣдають своимъ совершенствомъ, потому что такихъ людей нѣтъ въ міръ, а существуютъ они только въ воображеніи авторовъ. Мое намѣреніе было: изобразить людей въ настоящемъ видѣ, со всѣми ихъ пороками, недостатками, заблужденіями, предразсудками, но также и съ свойствами, ведущими ихъ ко всему доброму, великому, прекрасному. Просто: я хотѣлъ представить *смысь Бардуса съ Ньютономъ*. Далѣе, хотѣлъ я объяснить примѣрами, основанными на долговременныхъ наблюденіяхъ, какъ всякій человекъ близокъ къ паденію, убѣдить также въ томъ, что совратившись одинъ разъ съ пути добродѣтели, быстро переходитъ онъ въ степени порока, и погибаетъ, увлекая за собою невинное семейство свое, судьба котораго неразрывно соединена съ нимъ.

ЛII

Въ противоположность, мнѣ желалось поставить въ виду челоѵка, съ душею благородною, возвышенною, съ правилами твердыми, шествующаго непоколебимо по избранному имъ пути, и противоборствующаго страстямъ, соблазнамъ, всѣмъ различнымъ препятствіямъ, которыя встрѣчаетъ добродѣтельный на поприщѣ жизни. Наконецъ, хотѣлъ я, не одними нравоучительными сужденіями, по и примѣрами, взятыми изъ общественной жизни, доказать, что такой только челоѵкъ *умѣетъ жить съ людьми* и достигаетъ до предназначенія своего, наслаждается возможнымъ счастіемъ и спокойствіемъ въ здѣшнемъ мірѣ.—Вотъ цѣль трудовъ моихъ!—Успѣлъ-ли я удачно совершить свое намѣреніе—не знаю. А что выведено мною на сцену болѣе дурныхъ, нежели хорошихъ людей, въ этомъ не я виноватъ. Еще разъ повторяю: я желалъ представить не идеальное, а *существенное*, изъясняя образъ мыслей моихъ, какъ должно

дѣйствовать, чтобы отвратить отъ себя злобу, зависть, коварство, и прочія препоны, на пути къ нашему благополучію.

Пріят. (улыбаясь). Любезнѣйшій мой! Читалъ я твою книгу, и выслушалъ все, что ты говорилъ. Но.... извини меня, если утверждаю опять тоже: ты хлопоталъ по пустому. Прекратимъ разговоръ нашъ, точно такъ-же, какъ оканчиваются, большею частию, все споры: никто другъ друга не увѣритъ, и каждый остается при своемъ мнѣніи. Побесѣдуемъ о другомъ.— Предупреждаю тебя, ты увидишь, что многіе найдутъ въ твоей книгѣ личности и будутъ прямо называть, на кого ты именно мѣтилъ.

Авт. Противъ этого я объявилъ, въ концѣ послѣдней части, что не стану оправдываться, и отсылаю всѣхъ къ эпиграфу 3 части, главы 2: «Un peintre veut personnifier la laideur; il en réunit tous

les traits. Ce portrait peut ressembler à bien du monde; mais personne n'a le droit d'en désigner l'original. Il en est de même d'un peintre des mœurs» (Живонисецъ хочетъ олицетворить безобразіе; онъ собираетъ для того всякія черты. Изображеніе его можетъ походить на многихъ; но никто не имѣетъ права сказать, съ кого именно и что списано. Тоже самое должно относиться и къ живописцу нравовъ).

Пріят. Эпиграфъ твой никого не удовлетворить и не успокоить раздраженнаго самолюбія тѣхъ, кто узнаетъ себя въ списанныхъ тобою портретахъ. Впрочемъ, Богъ съ ними! Пускай злые злятся, сколько имъ угодно. Ты исполнилъ долгъ свой, ежели успѣлъ сорвать личину, и представилъ порочныхъ людей и злодѣевъ въ настоящемъ, гнусномъ ихъ видѣ. Но вспомни, что мы живемъ въ эпоху какого-то журнальнаго, критическаго тревоженія. Сколько издается у насъ жур-

наловъ! И во всѣхъ посвящены особия отдѣленія *библіографіи* и *критикъ*. Карамзинъ, лѣтъ тридцать тому, сказалъ: «Критика есть роскошь литературы, а мы еще не Крезы.» Предполагать должно, что мы очень разбогатѣли въ продолженіе послѣдняго времени, или что Карамзинъ ошибся, и критика не есть-ли признакъ бѣдности литературы? Какъ-бы то ни было, а ты, выступая на сцену, долженъ приготовиться къ жестокимъ рецензіямъ. Книгу твою станутъ разбирать въ тончайшихъ, подробностяхъ. Повѣрь: ничто не будетъ упущено изъ вида; на все, начиная съ названія, обращено будетъ строжайшее вниманіе.

Авт. Съ смиреніемъ и покорностію приму увѣщанія и уроки гг. журналистовъ нашихъ. Они съ отеческимъ вниманіемъ пекутся о нашемъ благѣ, и мы должны быть признательны къ нимъ. Притомъ-же, правду надобно сказать, что придумать

названіе книгъ — совсѣмъ не шутка! По крайней мѣрѣ, я былъ въ большомъ затрудненіи. Наименовать мою книгу романомъ я не дерзнулъ. Въ ней нѣтъ никакихъ необыкновенныхъ и чрезвычайныхъ происшествій. Мои герои, избранные, большею частію, изъ средняго состоянія Русскихъ дворянъ, дѣйствуютъ въ тѣсномъ кругу своихъ семействъ. Никто изъ нихъ далѣе Москвы и Петербурга не былъ. Почти все происходитъ въ деревняхъ. Одного изъ моихъ дѣйствующихъ лицъ отправилъ я не на долго въ чужіе края; да что это за герой романа? Онъ влюбленъ, и влюбленъ страстно; но страсть его не есть быстрый потокъ чувства, ниспровергающій все на пути своемъ; онъ не приходитъ въ то неизъяснимое изступленіе ума, которое, какъ обыкновенно водится въ романахъ, увлекаетъ не только въ разнообразныя глупости, но и въ преступленія. Мой г-нъ Пронскій не позволяеть себѣ *позвольтельныхъ* и обыкновен-

венныхъ въ романахъ средствъ: онъ не старается совратить — весьма равнодушную къ нему — дѣвушку съ пути добродѣтели, не убѣждаетъ ее забыть всѣ приличія, оставить родительской домъ, и бѣжать съ нимъ, куда нибудь, въ отдаленный край, и проч. Мой герой имѣетъ слабость повиноваться холоднымъ увѣщаніямъ старой женщины, отдалиться на некоторое время, чтобы испытать себя, точно-ли онъ такъ страстно влюбленъ. Героиня моя *такъ холодна, что ни на что не похожа*. И она имѣетъ слабость повиноваться разсудку, Религіи, скрывая внутри себя чувство страстной любви. Она не подвергнута даже ни одной горячкѣ; горестъ и отчаяніе не снѣдали чувствительнаго ея сердца; она не исхудала, не пожелтѣла; никто не замѣчалъ никакой *милой томности* въ ея глазахъ; словомъ — ни какихъ необыкновенныхъ признаковъ страсти въ ней не обнаруживалось. Она сохранила здоровье, свѣ-

LVIII

жестъ, хорошій цвѣтъ лица, продолжала исполнять обязанности свои, была почтительною дочерью, доброю родственницею. И чѣмъ-же все кончилось? Влюбленные мои, какъ мѣщане, сочетались законнымъ бракомъ, и поселились жить въ деревнѣ! Вообще, всѣ *похожденія*, какъ ихъ, такъ и другихъ дѣйствующихъ лицъ моихъ, не представляютъ рѣшительно *ничего* романтическаго. Иные соединяются брачными узами по *разсчетамъ*, другіе такъ, просто, безъ размышленія, за тѣмъ, что *надобно жени нся и выходить за-мужъ*. Есть у меня одна чета, страстно влюбленная; но и эти супруги не испытали никакихъ необыкновенныхъ бѣдствій. Къ соединенію ихъ не нужно было чрезвычайныхъ усилій, потому что не предстояло важныхъ препятствій. Они наслаждались не долго супружескимъ счастьемъ. Все пошло своимъ *порядкомъ*. Мужъ началъ дѣлать разныя глупости, и кончилъ преступленіемъ; жена плакала, улывала,

и горестъ разстроила совершенно ея здорье: оба преждевременно кончили жизнь свою, оставивъ дѣтей въ нищетѣ. Но все это очень обыкновенно, и рѣшительно: я не имѣю ни какого права назвать мою книгу романомъ. Вздумалось мнѣ прибавить къ данному мною наименованію: «или домашній бытъ Русскихъ дворянъ,» или «сцены семейной и одинокой жизни,» или—ты помнишь заглавіе—а я, признаться—боюсь, чтобы мнѣ не досталось отъ строгихъ командировъ нашихъ, гг. журналистовъ, за то, что титулъ слишкомъ длиненъ.

Пріят. Предвѣщаю, что тебя не оставить въ покоѣ даже и за то, что ты не объявляешь своего имени, или, по крайней мѣрѣ, по примѣру предшественниковъ своихъ, не дашь себѣ прозванья по имени какой нибудь своей деревни. Скажутъ, что эта мнимая скромность означаетъ непростительное самолюбіе; выду-

LX

мають, можетъ быть, то, что тебѣ и въ голову не входило: будто ты хочешь подвизаться далѣе на поприщѣ литературы, и намѣренъ, въ послѣдствіи времени, когда пріобрѣтешь извѣстность, подобно другимъ авторамъ, торжественно объявить свое имя, и проч. и проч.

Авт. Пусть изволятъ забавляться на мой счетъ, кому, сколько и какъ угодно. Разумѣется, нашему *нехитрому* уму не *выдумать* и въ *вѣкъ*, что люди умные и ученые способны изобрѣсть въ одинъ мигъ. Но кажется, мнѣ опасаться много нечего. Сочиненіе мое не обратитъ большаго вниманія, потому что ежели я не успѣлъ пріобрѣсть благосклонности, то также не имѣлъ несчастія и навлечь гнѣва ни одного изъ гг. журналистовъ, по самой простой причинѣ: я ни съ однимъ изъ нихъ не знакомъ, и не принадлежу ни къ какому *приходу*. Скажу тебѣ откровенно, что совсѣмъ не изъ мнимой скром-

ности, а изъ боязни и осторожности скрылъ я мое имя, чтобы не огорчить и не возстановить противъ себя моихъ однофамильцевъ. Каково-бы, напримѣръ, было имъ читать въ критикѣ на мое сочиненіе: «г-нъвъ» (имя мое было-бы все прописано, съ присоединеніемъ, какъ обыкновенно водится, *почтеннѣйшій*) «не только незнакомъ съ логикою» (и не мѣшаетъ побранить автора, ежели откроется такого рода прегрѣшеніе), «но даже и въ «грамматикѣ имѣетъ весьма плохія познанія: онъ написалъ (говорю для примѣра): *васъ*, когда надлежало поставить: *вами*, или: *голова*, когда слѣдовало: *головой*,» и проч.—«И послѣ того, почтеннѣйшій г-нъвъ предпринимаетъ издавать замѣчанія свои на нравы современниковъ, не зная первыхъ правилъ Русской грамматики!» Тутъ послѣдовало-бы нѣсколько восклицательныхъ знаковъ. Каково-же посрамленіе моимъ однофамильцамъ, что въ родѣ ихъ есть злодѣй, сдѣ-

LXII

лавшій важное преступленіе противъ грамматики! Впрочемъ, можетъ быть, не успѣлъ-бы я преодолѣть авторскаго самолюбія, и рѣшился открыть мое имя, ежели-бы гг. журналисты наши соблюдали, по крайней мѣрѣ, такую-же учтивость, какъ въ Англійскомъ Парламентѣ, гдѣ ораторъ, возражающій своему сопротивнику, съ вѣжливостію восклицаетъ: «г. почтенный сочленъ (не называя по имени), говорившій прежде меня, сказалъ большую глупость.» У насъ въ журналахъ прямо называютъ несчастныхъ авторовъ по именамъ, отечествамъ, фамиліямъ, съ объявленіемъ даже—какому сословію принадлежить, чѣмъ кто занимается и какіе имѣетъ чины и должности. Еще повторяю: я хотѣлъ отвратить посрамленіе моихъ однофамильцевъ, тѣмъ болѣе, что ко мнѣ можно придраться во многомъ. По примѣру нѣкоторыхъ—да, что грѣха таить! откровенно можно сказать—всѣхъ соотечественниковъ моихъ, учили меня болѣе

иностраннымъ языкамъ, нежели Русско-
му, наказывали, когда я ошибался и не
такъ выговаривалъ по Французски, и весь-
ма равнодушны были къ тому, правиль-
но-ли изъясняюсь я на своемъ природ-
номъ языкѣ! Семнадцати лѣтъ окончилось
мое воспитаніе; я носилъ уже шпоры,
саблю, и хлопоталъ о томъ, чтобы по-
скорѣе выросли у меня усы. Цвѣтущую мо-
лодость провелъ я въ походахъ и на бива-
кахъ. Оставивъ службу, поздно уже было
мнѣ, да притомъ и нѣкогда, заниматься
Русскимъ языкомъ: я читалъ Французскіе
романы, ѣздилъ съ собаками, или игралъ
въ вистъ. Такимъ образомъ, если, можетъ
быть, и не хуже инаго *Русскаго* напишу
я записку *по Французски*, потому что гу-
вернёръ мой заставлялъ меня, для усовер-
шенствованія въ языкѣ, стараться—даже
и размышлять по Французски, то весьма
вѣроятно, что противъ правилъ Русской
грамматики могъ я сдѣлать въ книгѣ мо-
ей большія ошибки. Въ этомъ случаѣ —

LXIV

право, должно-бы имѣть нѣкоторое снисхожденіе къ нашему брату, дворянину. Притомъ-же я бралъ повсюду, все, что мнѣ казалось приличнымъ моему предмету, руководствуясь извѣстнымъ правиломъ: Je prends mon bien, où je le trouve (Беру свое добро тамъ, гдѣ нахожу его). Каково-же будетъ моимъ однофамильцамъ, ежели досужій журналистъ, изощряя далѣе свое остроуміе на мой счетъ, можетъ быть прибавить: «почтеннѣйшій г-нъвъ назвавъ какого нибудь Allworthy Радушинымъ, Gutenherz Пронскимъ, Mistress Charlston Свіажскою, или M-me Dufour Холмскою, и давъ имъ Русскія имена, воображаетъ, что представилъ нашихъ дворянъ.» Что мнѣ дѣлать тогда? Тщетно буду я возражать, что въ нравственныхъ отношеніяхъ, люди, въ странахъ просвѣщенныхъ, имѣютъ одинакія свойства, и показываютъ большое сходство между собою, и что въ Россіи, Германіи, Франціи, Англіи, и

такъ далѣе, вездѣ, какъ говорить Буало, «человѣкъ, царь звѣрей, имѣеть множество повелителей надъ собою. Честолюбіе, зависть, мщеніе, скупость, корыстолюбіе, лицемѣрство, эгоизмъ, попеременно владѣють имъ.» А что представилъ я, какъ мнѣ кажется, нѣкоторыя отличительныя свойства и черты *точно Русскихъ нравовъ*, можетъ быть, этого не захотятъ замѣтить. Не примутъ также въ мое оправданіе, что самъ Мольеръ не только бралъ предметы, но, безъ всякихъ околнчностей, выписывалъ изъ Теренція и Плавта, которые, съ своей стороны, много заимствовали у Аристофана. Напрасно также буду я говорить, что Жуи подражалъ Аддиссону, а этотъ бралъ изъ другихъ авторовъ, и пр. Ничто, можетъ быть, не будетъ принято въ уваженіе; я останусь кругомъ виновать, и собственный мой стыдъ распространится на семейство мое и на всѣхъ моихъ однофамильцевъ! Сверхъ того, почему я знаю, что я не

LXVI

разсержусь, не обижусь, не взбѣшусь, и — нарушивъ должное *чинопочитаніе* къ гг. журналистамъ, не осмѣлюсь написать *антикритики*, на которую возражать мнѣ *рекрипикою*, а я, въ чаду оскорбленнаго авторскаго самолюбія (*crâignez tout d'un auteur en courroux* — страшись разгнѣваннаго автора!) торжественно возвѣщу всемъ и каждому, что на это нѣтъ письменнаго отвѣта, точно такъ-же, какъ многіе раздраженные сотоварищи мои печатали, что будутъ отвѣчать уже *не письменно*? Изъ чего хлопотать, подвергать себя непріятности, разстроить отъ досады свое здоровье и терять напрасно время и чернила? Теперь, напротивъ, спрятавшись за кулисы, я стану равнодушно читать и слушать, какъ будутъ меня *отдѣлывать*, и письменно и словесно. Безъ малѣйшаго волненія буду я получать журналы: сердце мое не станетъ сильно биться, при отысканіи въ нихъ статей, гдѣ произно-

сится судъ на счетъ собратій моихъ; кровь моя не испортится, и я не потеряю ни сна, ни аппетита, когда приговоръ *безпристрастныхъ и нелицепріятныхъ* судей нашихъ будетъ для меня не слишкомъ выгоденъ. Дѣльною и справедливою критикою я воспользуюсь, а грубости могу перенести свободно, бывъ сокрытъ непроницаемою завѣсою неизвѣстности. Сохраняя такимъ образомъ мое *инкогнито*, стану я прислушиваться, и внутренно смѣяться, какъ будутъ разсуждать о моей книгѣ и *отгадывать* имя сочинителя. Еще должно упомянуть объ одномъ, весьма важномъ обстоятельстве: теперь могу я безъ опасенія ѣздить по прежнему въ Московскій Англійскій клубъ, о которомъ дерзнулъ сказать нѣсколько словъ въ моей книгѣ. Избави Боже, сжали тамъ узнаютъ мое имя!! Нѣкоторые почтенные сочлены мои будутъ смотрѣть на меня, какъ на изверга, и послѣ того, можетъ быть, я весь вѣкъ не составилъ-бы уже себѣ

LXVIII

въ клубъ партіи въ вистъ. А ты самъ знаешь, что для нашего брата, степного дворянина, прїѣзжающаго на зиму въ Москву, это совсѣмъ не шутка! Куда мнѣ дѣваться, и что мнѣ дѣлать *безъ виста?* — Вотъ сколько выгодъ пріобрѣтаю я, не объявляя имени моего! Конечно, весьма-бы пріятно было, для самолюбія моего, слышать себѣ похвалы, потому, что — благодаря просвѣщенію — теперь въ глаза рѣдко кого бранять. Да и въ кругу деревенскихъ моихъ сосѣдей, *гласность* дала-бы мнѣ нѣкоторый вѣсъ. «Помилуй, да онъ человѣкъ *ученый!*» — воскликнули-бы нѣкоторыя добрыя мои сосѣдки, говоря мужьямъ своимъ — «есть печатныя его сочиненія. Ты напрасно говоришь, что онъ очень простъ.» — И мужъ, узнавъ отъ супруги своей, что я *изъ ученыхъ*, можетъ быть, сталъ-бы смотреть на меня другими глазами, не велѣлъ-бы гонять стада своего по моимъ лугамъ, и запретилъ крестьянамъ воровать у меня *лѣсъ*, пото-

му что я человекъ письменный. Весьма вѣроятно также и то, можетъ быть, что нѣкоторые молодые помѣщики, оставившіе недавно военную службу, осмѣлились-бы даже на выборахъ говорить, что я сочинитель, слѣдовательно, человекъ ученый, умный, и меня надобно балотировать въ Предводители — хотя изъ этого великопѣннаго слѣдовательно ничего еще не слѣдуетъ. Притомъ-же, преимущество передо мною получилъ-бы, и по всей справедливости, тотъ, у кого вкусный столъ и хорошія вина, потому что *le véritable Amphytrion est l'Amphytrion, où l'on dîne* (настоящій Амфитріонъ тотъ, у котораго объдаютъ).—Но за всѣмъ тѣмъ, это распространило-бы нѣкоторое уваженіе ко мнѣ въ уѣздѣ; по крайней мѣрѣ говорили-бы, что меня хотѣли балотировать въ Предводители, и г-нъ Амфитріонъ, видя во мнѣ соперника, постарался-бы сблизиться со мною и склонить меня на свою сторону: все это, конечно, было-бы для

меня весьма лестно. Но ежели взвѣсить непріятности съ удобствами, то скромность и скрытность возмутъ поверхность надъ самолюбіемъ и гласностію. По этѣмъ же причинамъ, не принимаю я, по примѣру нѣкоторыхъ своихъ предшественниковъ, названія по имени какой нибудь моей деревни. Мои сосѣди, родные, знакомые, знаютъ имена моихъ деревень: тогда откроется вся тайна, и какой нибудь отважный журналистъ гласно возвѣститъ объ этомъ важномъ открытіи....

Пріят. Причины, по которымъ ты рѣшился скрывать свое имя, очень основательны. Все, что ты говорилъ мнѣ о душевномъ волненіи, опасности потерять сонъ и аппетитъ, и прочее

все самъ я испыталъ,

Когда свои стихи въ журналы посылалъ.

И такъ—остается только пожелать тебѣ добраго успѣха.

Авт. Благодарю. Но я буду доволенъ и тѣмъ, если какой нибудь степной, не-

богатый помѣщикъ, молодой человекъ, не знающій ни какого другаго языка, кромѣ своего природнаго, съ удовольствіемъ прочитаетъ, вмѣстѣ съ своею женою, мою книгу, воспользуется предположенными мною примѣрами и правилами, собственно для себя, для семейства своего, и отъ души скажетъ мнѣ: *спасибо!*

СЕМЕЙСТВО ХОЛМСКИХЪ.

ГЛАВА I.

La vanité est l'aliment du sot.

ЛАБРУЭРЪ.

Тщеславіе есть пища глупости.

ЛАБРУЭРЪ.

Человѣкъ сорокъ сосѣдей пировало у
Дворянскаго Предводителя, богатаго З...го
помѣщика, Тимоѣя Игнатьевича Сундуко-
ва. Всѣ не могли помѣститься въ столо-
вой, за большимъ столомъ (огромная и
Сем. Хол. Ч. I. 1

великолепная зала Сундукова открывалась только въ торжественныхъ, необыкновенныхъ случаяхъ). Въ диванной и въ кабинетъ поставлены были приборы, и тамъ обѣдало почти столько-же, сколько въ столовой. За маленькими столами было гораздо веселье. Дѣти хозяевъ и пріѣзжихъ гостей шумѣли, смѣялись, шалили между собою. Гувернеры и гувернантки изрѣдка останавливали ихъ, говоря: *Mr. Jean! ne faites pas tant de bruit! . . . Mlle Lise! ne criez pas si haut!* Но ни *Mr. Jean*, ни *Mlle Lise* не слушали ихъ, и почтенные чужеземцы, съѣхавшіеся съ разныхъ сторонъ, продолжали бесѣдовать между собою, рассказывая другъ другу о своемъ житьѣ. Большая часть были недовольны и жаловались на судьбу свою.

Тимоѣей Игнатьевичъ былъ въ полной радости. Онъ страстно любилъ давать балы, и тщеславился тѣмъ, что никто лучше его во всей губерніи не живетъ. Однажды, повѣряя расходныя книги сво-

его прикащика, на другой день послѣ праздника, сказалъ онъ нѣкоторымъ, остававшимся еще у него гостямъ, что онъ угощалъ, считая все, то есть: господъ, лакеевъ, кучеровъ, форейторовъ и лошадей, всего *штукъ* больше 500.—Это разнеслось по всему уѣзду: смѣялись, рассказывали другъ другу; однакожъ никто не хотѣлъ исключить себя изъ числа *штукъ*, угощаемыхъ Сундуковымъ, и по первому приглашенію его опять всѣ къ нему являлись. Послѣ того въ З. . . . уѣздѣ вошло въ пословицу спрашивать другъ у друга: «Быль-ли ты», или, «будешь-ли въ числѣ *штукъ* у Сундуковыхъ?» Доморощенная музыка его, управляемая крѣпостнымъ капельмейстеромъ, со славою совершила нѣсколько отличныхъ подвиговъ: растерзала увертюры изъ оперъ: Калифъ Багдадскій и Два слѣпца Толедскіе; разыграла, съ такимъ-же искусствомъ, по особенному приказанію помѣщика, нѣсколько Русскихъ пѣсень. Хоръ

пѣвчихъ, составленный изъ дѣвокъ, одѣ-
 тыхъ въ мужское платье, и нѣсколькихъ
 лакеевъ, пропѣлъ поздравительные куп-
 леты имянинницѣ, женѣ Тимоѳея Игнатье-
 вича, Ольгѣ Петровнѣ. Правду сказать,
 при восклицаніи: *прославимъ, прославимъ*,
 не доставало басовъ. Двое изъ нихъ съ
 утра куда-то пропали, и ихъ отыскиали
 за пять верстѣ, въ кабацѣ, пьяныхъ; но
 самъ капельмейстеръ кричалъ громко и
 велѣлъ бить въ Турецкій барабанъ изъ
 всей мочи. Никто не замѣтилъ отсутствія
 басовъ, и все было такъ *хорошо*, что
 помѣщикъ, въ изъявленіе благодарности
 и въ поощреніе дарованій капельмейстера,
 налилъ ему самъ, господскими руками
 своими, стаканъ Сантуринскаго вина.

Въ то время, когда подавали Шампан-
 ское, за здоровье имянинницы, и домаш-
 няя артиллерія (нѣсколько старыхъ чу-
 гунныхъ пушекъ) производила пальбу,
 доложили, что лошади Князя Бориса Мат-
 вѣевича Рамирскаго, вѣхавшаго на пиръ,

испуганныя пальбою, понесли и взвалили коляску Князя на бокъ, но что онъ не ушибся, и идетъ пышкомъ черезъ мостъ.

Это извѣстіе произвело общее смятеніе. Князь Рамирскій, богатый сосѣдъ Сундуковыхъ, былъ еще не женатъ; Сундуковы давно имѣли его въ виду для старшей дочери своей, Глафиры. Человѣкъ, посланный къ нему съ приглашеніемъ, за нѣсколько дней до праздника, не засталъ Князя: онъ былъ въ другихъ деревняхъ, и его ожидали домой не прежде, какъ утромъ въ день праздника, слѣдовательно такое вниманіе и поспѣшность Князя предвѣщали много хорошаго. Тотчасъ одинъ изъ мелочныхъ гостей, какой-то бѣдный дворянинъ, былъ командированъ вонъ изъ-за стола, чтобы очистить мѣсто новому гостю. На кухню отправлено приказаніе подогрѣвать и подавать снова кушанье. Самъ хозяинъ спѣшилъ къ Князю на встрѣчу.

«Глафирушка! какъ растрепались твои

букли!» сказала Ольга Петровна своей дочери. — «Анисья Федоровна» — продолжала она, обращаясь къ сидѣвшей подле нея сосѣдкѣ и пріятельницѣ, Фіалкиной — «сдѣлай одолженіе, голубушка, поправь ей волосы. Да за чѣмъ ты въ ша-ли? Здѣсь и безъ того жарко. Сними, сударыня: къ чему молодой дѣвушкѣ такъ кутаться! «Другія, сидѣвшія за столомъ невѣсты, а число ихъ было довольно велико, также, какъ-то невольны поправляли платья и прически свои.

Князь Рамирскій, вошедъ въ большое общество, и увидѣвъ, что все глаза обратились на него, чрезвычайно смѣшался. По приказанію старой, скупой матери своей, оставилъ онъ службу въ молодости и провелъ большую часть жизни въ деревнѣ, занимаясь, подъ ея наблюденіемъ, однимъ только деревенскимъ хозяйствомъ. Мать рѣдко отпускала его отъ себя и сама почти никого не принимала. Князю было подъ 40 лѣтъ, когда ма-

менька его скончалась, и онъ, получивъ большое имѣніе, сдѣлался независимымъ. Привычка къ деревенской жизни и къ уединенію такъ сильно въ немъ укоренилась, что онъ рѣдко выѣзжалъ, а если являлся иногда въ общество, то, по застычивости своей, никогда не осмѣливался подходить къ дамамъ, бесѣдовалъ съ мужчинами, и то объ одномъ хозяйствѣ и винокуренныхъ своихъ заводахъ.

Одному, въ деревнѣ, часто бывало ему скучно. Утомляясь послѣ обзрѣнія хозяйственныхъ заведеній своихъ, Князь чувствовалъ, что чего-то не достаетъ въ обширномъ и огромномъ его домѣ. Онъ давно искалъ себѣ невѣсты. Свежесть, молодость, высокой ростъ, прекрасная талія, веселый характеръ Елисаветы Холмской плѣняли его. Онъ встрѣчалъ Елисавету у сосѣдей, и она чрезвычайно ему нравилась, но все ни какъ не могъ онъ преодолѣть своей застычивости. Не болѣе, какъ разъ или два говорилъ онъ съ нею,

и то бывъ завлеченъ ею-же самою въ разговоръ. Елисавета видѣла сдѣланное ею впечатлѣніе. Князь былъ не дурень собою, богатъ, имѣлъ знатныхъ родственниковъ. Чего-же лучше желать? Хотя замѣчала она въ обращеніи его какую-то неловкость, холодность и гордость, но приписывала все это застычивости. Носился также слухъ о большой скупости Князя; но Елисавета, надѣясь на свою красоту, полагала, что можно перевоспитать мужа и поставить по своему. Словомъ: она все обдумала и приняла твердое намѣреніе—быть непременно *Княгиней Рамирскою*. Ей было досадно слышать по приѣздѣ къ Сундуковымъ, что Князь Рамирскій не будетъ; но когда доложили о прибытіи его, то, по всѣмъ вѣроятностямъ, Елисавета заключила, что причина такой поспѣшности ничто другое, какъ она, и потому рѣшилась не далѣе, какъ въ тотъ-же день, заставить Князя объясниться и настоящимъ обра-

зомъ свататься. Слѣдую плану своему, Елисавета начала маневры съ самаго вступленія его въ комнату. Князь, подходя къ хозяйкѣ и извиняясь въ сдѣланномъ имъ безпокойствѣ, кланялся всѣмъ, но въ особенности обратилъ глаза на Елисавету. Она равнодушно поклонилась, и показывала, что не занимается имъ, въ надеждѣ заставить его чрезъ то подойти къ себѣ послѣ обѣда и спросить, за что она на него сердится? Но Елисавета ошиблась въ ожиданіи. Князь, по застѣнчивости своей, приблизиться къ ней не осмѣлился, и она должна была употребить другія средства: ихъ увидимъ мы въ послѣдствіи.

Вскорѣ послѣ обѣда начались, такъ называемы, *сюрпризы*. Нѣкоторые изъ гостей отправились на балконъ курить трубки и пить кофе, а другіе сѣли играть въ вистъ и мушку; въ столовой спѣшили все убрать. Фортепьяно-рояль помѣстили среди комнаты; кругомъ поставили, въ

нѣсколько рядовъ, стулья, и тотъ-же крѣпостной капельмейстеръ, учитель барышень своихъ, настроилъ скрыпку. Всѣ гости приглашены были тогда въ столовую, и маменька, какъ будто ничего не зная, съ удивленіемъ отправилась вмѣстѣ съ прочими. Пять дочерей показали искусство свое *одна лучше другой*: онѣ играли выученныя ими, *тайно отъ маменьки*, разные пьесы. Старшая дочь, Глафирушка, назначенная въ невѣсты Князю Рамирскому, не имѣла рѣшительно никакой способности къ музыкѣ. Предусмотрительная маменька устроила черезъ свою Мадамъ Француженку такъ, чтобы Глафирушка играла сонату, въ четыре руки, вмѣстѣ съ Елисаветою Холмскою, которая была отличная мастерица, и училась у лучшихъ артистовъ въ Москвѣ. Маменька рассчитывала, что при игрѣ въ четыре руки, Елисавета скроетъ недостатки ея дочери. Искусно помѣстили Князя Рамирскаго подлѣ маменьки, и

старались не дать ему замѣтить, что приготавливаемая ему невеста вѣсьма плохо знаетъ музыку. Но все благоразумное распоряженіе это уничтожилъ неловкій и недогадливый мужъ Сундуковой. Онъ всегда восхищался игрою Елисаветы, и когда дочери его перестали, просилъ одну ее сыграть что нибудь. Елисавета, какъ обыкновенно водится, прежде отговаривалась, потомъ, *по настоятельному убѣжденію*, сыграла нѣсколько фантазій своихъ и нѣсколько трудныхъ пассажей изъ концертовъ Фильда.

Если-бы Сундукова могла предугадать, какъ сильно повредить это ея предпріятіямъ, то она вѣрно никогда не пускала-бы къ себѣ въ домъ Холмскую. Князь Рамирскій былъ большой охотникъ до музыки; отличное искусство Елисаветы восхитило его; онъ предался мечтаніямъ о томъ, какъ-бы весело ему было слушать ее, въ длинные, осенніе и зимніе вечера, въ большой гостиной своей. Во-

ображеніе представило ему семейственную жизнь въ самомъ привлекательномъ видѣ; прелестная жена и дѣти мелькали передъ нимъ. Онъ такъ задумался, что забылъ сказать, вмѣстѣ съ прочими, обыкновенныя привѣтствія хозяйкѣ о способностяхъ дочерей къ музыкѣ. Задумчивость Князя не скрылась отъ проницательности Елисаветы.

Послѣ музыкальныхъ сюрпризовъ, которые были продолжительны, и — всѣмъ надобно, хозяинъ пригласилъ гостей своихъ кататься въ шлюпкахъ. Большой прудъ его простирался версты на три, и оканчивался подлѣ лѣса, названнаго Сундуковымъ, въ первые дни его супружества, въ честь жены, *Ольгиною рощею*. Въ эту рощу обыкновенно ѣздили Сундуковы, когда у нихъ бывали гости, пить чай послѣ обѣда. Многіе замѣтили, что дочери Сундуковыхъ, съ Мадамою, и Елисавета Холмская, ушли тотчасъ послѣ музыкальныхъ сюрпризовъ. Гости предви-

дѣли, что готовятся еще какія нибудь продѣлки.

Въ нѣсколькихъ шлюпкахъ отправились всѣ въ *Ольгину рошу*. Гребцами были кучера, псары и садовникъ Сундукова: они пѣли довольно согласно, и при звукахъ Русскихъ заунывныхъ пѣсень хозяева и гости прибыли веселиться въ рошу. На полянѣ, среди лѣса, приготовленъ былъ театръ на чистомъ воздухѣ. Прекрасная погода благопріятствовала новому сюрпризу. Прежде всего подали чай. Потомъ явились на сцену дочери Сундуковыхъ, одѣтыя пастушками, и, подъ руководствомъ Мамамы, представили на Французскомъ языкѣ (котораго большая часть гостей не понимала) какую-то пасторальную пьесу Флоріана. По недостатку въ актрисахъ и по совершенной неспособности нѣкоторыхъ дочерей хозяйскихъ, приглашена была Елисавета взять ролю. Она, по дальновидности своей, имѣя намѣреніе плѣнять Князя Рамирскаго, не

отказалась. Послѣ спектакля, каждая изъ дочерей, поднося маменькѣ букетъ цвѣтовъ, произносила Французскіе поздравительные стихи, выписанные Модамою изъ старинныхъ альманаховъ. Къ счастью, Сундуковъ ничего не понималъ, а то онъ могъ-бы обидѣться, и принять за оскорбительную насмѣшку, что въ стихахъ называли его *le plus heureux des pères et des éroux* (счастливѣйшій отецъ и супругъ). Онъ жилъ съ женою, какъ кошка съ собакою, и часто бывалъ недоволенъ обращеніемъ и поступками дочерей своихъ, особенно-же старшей, Глафиры, *фаворитки* матери.

Елисавета Холмская достигла свой цѣли: довершила побѣду надъ Княземъ Рамирскимъ ловкостью своею въ игрѣ на театрѣ и прекраснымъ Французскимъ произношеніемъ.

Возвратились съ гулянья уже довольно поздно, и тотчасъ начались танцы. Кавалеровъ было гораздо меньше, нежели

дамъ. Три, или четыре офицера, изъ полка, стоявшаго въ уѣздѣ, одинъ Засѣдатель Земскаго Суда, бывшій въ явной враждѣ съ кадансомъ, нѣсколько молодыхъ гувернёровъ, Французовъ, и всѣ дѣти мужескаго пола танцовали; но и затѣмъ еще не доставало кавалеровъ, по числу дамъ; нѣкоторыя изъ дѣвушекъ должны были замѣнить ихъ. Князь Рамирскій не танцовалъ, отказался отъ виста и съ восторгомъ смотрѣлъ на Елисавету, которая и въ танцахъ была отличнѣе всѣхъ.

Между тѣмъ смерклося. Оркестръ заигралъ старинный Польскій: «Громъ побѣды раздавайся», и всѣ отправились смотрѣть фейерверкъ. Хозяйку повелъ одинъ почетный гость; прочія дамы разобрались, какъ попало; Елисавета очень искусно приблизилась въ это время къ Князю Рамирскому. Онъ долженъ былъ подать ей руку, но чрезвычайно смѣшался, потому что былъ безъ перчатокъ, которыя наси-

лу отыскалъ въ своей шляпѣ. Эта пара отстала отъ другихъ; этого-то именно и хотѣла Елисавета, чтобы никто не могъ слышать разговора ея съ Княземъ.

«Что вы, Князь, такъ печальны?» — Кто, я-съ?... Помилуйте: я ничего. — «Какъ ничего? Вы весь день были задумчивы. Что вы скрываетесь: вы влюблены въ Глафиру Тимофеевну; всѣ это замѣтили, и говорятъ, что вы на ней женитесь. Я очень рада, и поздравляю васъ: премилая и предостойная дѣвушка!» — Кто-съ: я влюбленъ въ Глафиру Тимофеевну? — Князь Рамирскій тяжело вздохнулъ при этихъ словахъ. «Но о чемъ-же вы вздыхаете?» — Такъ-съ я вздохнулъ. — «Есть-же какая нибудь причина вздохамъ и печали вашей?» — Ахъ! я вздыхаю совсѣмъ не объ ней! — «По о комъ-же?» — Ахъ!... сударыня! мнѣ нравится совсѣмъ не она... вы... вы... мнѣ нравитесь, и ежели-бъ я былъ столь счастливъ, чтобы вы осчастливили меня... — Онъ не могъ продол-

жать далѣе, смѣшался, и покраснѣлъ до ушей. «Насилу, насилу вымолвить!» думала Елисавета въ радости, что ея намѣреніе такъ удачно исполняется. «Какъ, Князь... я? Но вы сами знаете... я не завишу отъ себя... У меня маменька: адресуйте къ ней.» — Но я желалъ-бы знать ваше расположеніе — продолжалъ Князь Рамирскій, нѣсколько ободрившись. «Я... вы... я васъ уважаю... Но я завишу отъ маменьки: какъ ей будетъ угодно.» — Слѣдовательно, я могу надѣяться быть счастливымъ—сказалъ Князь, цѣлуя съ восторгомъ руку Елисаветы. Въ это время приблизились къ прочимъ гостямъ. Елисавета не отнимала у Князя своей руки, но спѣшила предупредить его, чтобы онъ былъ осторожнѣе, и никому о разговорѣ ихъ не сообщалъ, пока не объяснится съ маменькою.

Фейерверкъ былъ не очень удаченъ. Колеса отсырѣли и не вертѣлись; нѣсколько ракетъ не полетѣло; но бураки и, въ

особенности, шутихи, всѣмъ понравились. Большая толпа бабъ и крестьянскихъ ребятшекъ, собравшихся изъ сосѣдственныхъ деревень, были въ шумномъ восхищеніи. Сундуковъ приказалъ имъ пѣть пѣсни, и просилъ гостей своихъ посмотреть иллюминацію. Всѣ аллеи въ саду были освѣщены разноцвѣтными бумажными фонарями. Щитъ (изобрѣтеніе и произведеніе домашняго живописца), на которомъ намалевана была толстая, уродливая женщина, въ видѣ Цереры, держащая въ рукѣ вензель именинницы, найденъ всѣми прелестнымъ.

Но болѣе всего понравилась гостямъ особая иллюминація — *magnifique et pas cher* (великолепно и не дорого): дегтярныя бочки и костры соломы, зажженные по берегу, кругомъ пруда. Огонь, отражавшійся въ водѣ, представлялъ въ самомъ дѣлѣ прекрасный видъ.

По возвращеніи въ комнаты, начались опять танцы. Потомъ былъ ужинъ. Со-

всѣмъ разсвѣло, когда окончился праздникъ; нѣкоторые изъ гостей, ближніе сосѣди, стали разъѣзжаться по домамъ; прочіе остались у Сундуковыхъ.

ГЛАВА III.

« Jeune fille! la nature vous a destinée à augmenter le bonheur d'un homme de bien.

SAINT-LAMBERT.

« Предназначеніе дѣвушки — умножить
« счастье добраго человека.

СЕНЬ-ЛАМБЕРТЬ.

Управитель Натальи Алексѣевны Холмской, на другой день послѣ бала у Сундуковыхъ, подалъ ей письмо, съ гербовою княжескою печатью, въ то время, когда она объдала съ дочерьми своими. Елиса-

вета поблѣднѣла увидѣвъ письмо: она поняла, о чемъ идетъ дѣло.

Но, прежде чѣмъ письмо будетъ распечатано, надобно познакомиться съ семействомъ Холмскихъ, на которое мы желаемъ обратить вниманіе читателя.

Наталья Алексѣевна Холмская вышла за-мужъ въ молодыхъ лѣтахъ. Оставшись сиротою, не имѣвъ никакого руководства при выборѣ супруга, она не внимала голосу разсудка. Конечно, одно только богатство не можетъ составить истиннаго благополучія; однакожъ, во всемъ есть мѣра. Повиноваться, какъ въ молодости кажется, одному влеченію сердца, не думать о будущемъ, и воображать, что человекъ, котораго неопытная дѣвушка выбираетъ въ супруги, есть образецъ совершенства: все это должно произвести одинакія послѣдствія съ другою безразсудностью, когда имѣють въ виду одно только богатство — неизбѣжно несчастную жизнь супруговъ.

Холмская перенесла много горя. Она была ослѣплена страстію, и думала, что любовь должно предпочесть мелочнымъ соображеніямъ. Съ небольшимъ состояніемъ вышла она за человѣка, который ничего не имѣлъ. Семейство ихъ годъ отъ году прибавлялось, а съ тѣмъ вмѣстѣ увеличивались издержки; доходъ-же, по безпечности ихъ, оставался все прежній. Въ нуждѣ, или лучше сказать, въ нищетѣ провела Холмская большую часть жизни своей. И въ этомъ состояніи можно жить счастливо—нѣтъ спора; но для того надобно имѣть силу характера, должно съ молодости приучиться отказывать себѣ въ прихотяхъ и довольствоваться необходимымъ. Безъ этихъ условій, бѣдность есть самое тягостное бремя. Четыре дочери и сынъ дѣлали положеніе Холмскихъ часъ отъ часу затруднительнѣе. Но вдругъ богатый дядя Холмскаго, который при жизни своей не хотѣлъ знать его, умеръ, не успѣвъ сдѣлать ду-

ховной. Большое имѣніе, домъ въ Москвѣ и множество билетовъ Опекунскаго Совѣта, достались Холмскимъ совсѣмъ неожиданно. Холмскій переселился съ семействомъ въ Москву, взялъ лучшихъ учителей для дѣтей, сталъ жить *открыто*, принималъ много гостей, и надѣялся прожить старость свою спокойно и въ изобиліи.

Надеждамъ его, такъ-же какъ надеждамъ многихъ другихъ людей, не было предназначено совершиться. Разстроенное еще прежде здоровье, внезапный переходъ отъ бѣдности къ богатству, перемѣна въ образъ жизни, хлопоты при полученіи наслѣдства, и — модные доктора, приблизили его преждевременно ко гробу. Онъ умеръ, не успѣвъ, такъ-же какъ дядя, сдѣлать духовной, о чемъ говорилъ безпрестанно, но все откладывалъ день за день. Холмскому хотѣлось обезпечить состояніе дочерей, раздѣливъ все между ними и сыномъ по-ровну. Послѣ смерти

его большая часть имѣнія досталась малолѣтнему сыну. Вдовѣ выдѣлена была, по законамъ, седьмая, а дочерямъ четырнадцатая части. Опекуны малолѣтнаго Алексѣя Холмскаго назначили небольшую сумму изъ доходовъ на воспитаніе и содержаніе его; за тѣмъ остальное собиралось и хранилось. По достиженіи совершеннолѣтія должно было скопиться значительному капиталу. Холмская основывала всю надежду на великодушія своего сына; отъ него зависѣло, когда онъ будетъ полнымъ хозяиномъ, улучшить жребій матери и сестеръ.

Между тѣмъ время шло. Холмская, обратившись въ прежнее недостаточное состояніе, старалась дать дочерямъ воспитаніе, соотвѣтственное ихъ настоящему положенію, и приучала ихъ къ домашней жизни и хозяйству. Старшая дочь ея, Паталя, обучавшаяся въ Институтъ, жила, по выпускъ оттуда въ Петербургъ, у дальней родственницы своей, Графини

Вельской: ей было 22 года, въ то время, когда мы начинаемъ исторію семейства Холмскихъ. Елисаветъ, другой дочери, былъ 20-й, Катеринъ 19-й годъ. Софья и Алексѣй, меньшія дѣти Холмской, были годомъ моложе другъ друга.

Обширный домъ въ Москвѣ, и большая, устроенная подмосковная достались малолѣтнему сыну Холмской. Она, съ дочерьми, переселилась въ имѣніе, отдѣленное ей на законную часть, выстроила себѣ небольшой домъ, и жила почти безвыѣздно въ деревнѣ.

У нея было много сосѣдей, съ которыми она довольно часто видалась; бывали балы, благородные спектакли, и дочери Холмской не скучали жизнью въ Надежинѣ (такъ называлась ея деревня).

Ближній сосѣдъ Холмской, Сундуковъ, вышедшій въ люди изъ низкаго званія, разбогатѣвшій и сдѣлавшійся дворяниномъ разнообразными благородными способами (о чемъ подробнѣе расскажемъ мы

въ свое время), жилъ открытѣе прочихъ. Въ многочисленномъ семействѣ его бывали часто именинные праздники; дочери его любили танцовать. Но мы уже знакомы съ Сундуковымъ и имѣемъ понятіе объ его праздникахъ.

Намъ извѣстно также, что на одномъ изъ этихъ праздниковъ рѣшилась судьба Елисаветы. Она объявила Князю Рамирскому, чтобы онъ адресовался къ ея маменькѣ, а ему самому не съ кѣмъ было совѣтоваться: онъ былъ независимъ и, по холодности своей, не имѣлъ никого, кто принималъ-бы въ немъ истинное участіе.

Вездѣ—сватовство, свадьбы и всѣ семейныя дѣла служатъ обильнымъ источникомъ разныхъ толковъ и сужденій. Многіе сосѣди, а въ особенности сосѣдки, не могли надивиться, когда сватовство и помолвка Князя Рамирскаго съ Елисаветою Холмскою сдѣлались гласными — почему Князь Борисъ Матвѣевичъ предпочелъ

Елисавету Катеринѣ? Она была красивѣе лицомъ, и характеромъ своимъ, тихимъ и важнымъ, казалась сходнѣе съ Княземъ. Но сердце человѣческое имѣетъ свои странности, и часто любовь рождается отъ противоположностей. Веселость Елисаветы, огонь, блиставшій въ глазахъ ея, ловкость въ танцахъ, также и то, что всякая бездѣлица могла заставить её смѣяться, все это нравилось Князю. Напротивъ, Катерина, казалось ему, имѣла отъ природы сердитый характеръ, или, можетъ быть, какая нибудь тайная грусть тяготила ея сердце. На прекрасныхъ чертахъ лица Катерины всегда видна была какая-то мрачность и задумчивость, а это весьма не нравилось Князю Рамирскому. Всякій, кто хорошо зналъ Князя, удивлялся также и тому, что онъ рѣшился жениться на дѣвушкѣ безъ состоянія. Въ этомъ и самъ онъ долго колебался, но наконецъ любовь восторжествовала. Письмо, присланное отъ него съ парочнымъ

къ Холмской, произвело смятеніе, описанное въ началѣ этой главы.

«Тебѣ вѣрно извѣстно содержаніе письма?» спросила мать у Елисаветы, съ веселою улыбкою, показывая ей подпись Князя Рамирскаго.

Елисавета покраснѣла, и призналась, что сама позволила Князю отнестись къ ней. «Ты должна была предвидѣть и сообразить» — сказала ей мать — «что давъ такое позволеніе, ты уже нѣкоторымъ образомъ одобрила предложеніе его. Но хорошо-ли ты обдумала? Повѣрила-ли себя? Поняла-ли свое сердце? Не одно-ли только богатство плѣняетъ тебя? Конечно, для счастливой жизни, а особенно въ супружествѣ, должно имѣть необходимое; но смыслъ этого слова неопредѣленный: иные почитаютъ необходимымъ то, чтобы ни въ чемъ себѣ не отказывать; другіе довольны небольшимъ, и они-то настоящіе счастливцы. Но, другъ мой, Ли-

занька, ты знаешь мои правила. Я всегда говорила: не лзя быть счастливою въ супружествѣ безъ взаимнаго уваженія и довѣренности. Одно только большое состояніе, такъ-же какъ и одна только страстная любовь — равно недостаточны. Никогда не одобряю привязанности къ интересу, но возстаю также и противъ тѣхъ, кто, предавшись романическимъ идеямъ, не хочетъ нисколько подумать, что блѣдность отравляетъ нашу жизнь и дѣлаетъ несчастливыми, не смотря ни на какую любовь.... Я испытала это надъ собою».... Холмская бросила выразительный взглядъ на дочь свою Катерину, и яркій румянецъ замѣнилъ мѣсто обыкновенной блѣдности на щекахъ ея.

Елисавета начала увѣренія, что не одно богатство заставляетъ ее согласиться на предложеніе Князя Рамирскаго, но что у него *прекрасная репутація*, и онъ правится ей умомъ и наружностью своею.

«Если такъ, то я съ своей стороны не только согласна, но и чрезвычайно рада» — отвѣчала Холмская. — «Каждой изъ васъ, конечно, не лѣзя сдѣлать такой выгодной партіи, какая представляется Лизанькѣ» — продолжала она, обращаясь къ другимъ дочерямъ — «но безъ имѣнія, которое хотя-бы нѣсколько обезпечивало будущую семейную вашу жизнь, я никогда не соглашусь. Все это однакожъ впереди. Займемся теперь тобою, Лизанька. Ты говоришь, что Князь Рамирскій тебѣ нравится. Я съ своей стороны нахожу, что эта *партія*, какой лучше желать не лѣзя. Я буду отвѣчать, что предложеніе его принято. Но, другъ мой, подумай еще, не спѣши, размысли, постарайся болѣе узнать Князя. Вспомни, что ты хочешь принять на себя важную обязанность. Теперь еще есть время; послѣ не лѣзя будетъ поправить; ты, можетъ быть, станешь всю жизнь свою упрекать себя въ неосмотрительности; повторяю: тогда бу-

детъ поздно! Вспомни Русскую старинную пословицу: мужъ не башмакъ, съ ноги не сбросишь.»

— Я уже давно обдумала, милая маменька—отвѣчала Елисавета, цѣлуя руки ея.—Повѣрьте, не одно только богатство его нравится мнѣ въ немъ. Притомъ-же, знаете-ли, маменька? — прибавила она, посмотрѣвъ на Катерину. Князь имѣетъ много знатныхъ родныхъ въ Петербургѣ. Двоюродный братъ его служить у Министра: онъ вѣрно поможетъ Петрушѣ Аглаеву получить мѣсто.

«Все это хорошо» — сказала Холмская — «хотя-бы можно было упрекнуть тебя, если ты давно думала объ этомъ: почему ты мнѣ во всемъ не открылась? Я опытнѣе тебя, и, кажется, какъ мать, должна-бы имѣть все право на твою довѣренность; но Богъ съ тобою! Впрочемъ, я ничего дурнаго о Князѣ не слыхала, а это уже очень много въ нашъ вѣкъ. На нѣкоторые недостатки должно смотрѣть

сквозь пальцы, если они происходят не отъ дурной нравственности. Совершенно-го челоуѣка нѣтъ на свѣтъ, а Князь Рамирскій, доживъ, кажется, безъ малаго до 40 лѣтъ, не ославилъ себя ни однимъ такимъ порокомъ, въ которые обыкновенно попадаютъ богатые люди. По этому одному онъ заслуживаетъ уже мое уваженіе.

— Онъ очень любезенъ, снисходителенъ, и, кажется, самаго добраго и тихаго характера, а безъ того богатство его никакъ-бы не прельстило меня.

«Что принадлежитъ до этого, то повѣрь, что ни ты и ни одна изъ невѣстъ не могутъ узнать навѣрно характеръ жениха своего. Дѣвушка не знаетъ даже собственныхъ свойствъ прежде замужства. Напримѣръ: чувство ревности, этотъ важный порокъ, который можетъ имѣть самыя несчастныя послѣдствія въ супружествѣ, совершенно ей неизвѣстенъ. Женихъ съ невѣстою могутъ пробыть десять

лѣтъ вмѣстѣ, и все не узнають характеровъ другъ друга. Въ гостиной, при свидѣтеляхъ, со взаимнымъ желаніемъ нравиться, онъ и она непрерывно наблюдаютъ за собою, и одинъ другому ничего не дадутъ замѣтить. Притомъ мужчину еще труднѣе узнать, нежели дѣвушку: онъ знаетъ, что супружество даетъ ему всю власть; онъ терпитъ до времени, что ему не нравится въ невѣстѣ, потому что имѣетъ право въ послѣдствіи передѣлать все по своему. Впрочемъ, что я говорю теперь, не относится ни сколько къ Князю Рамирскому. Я готова согласиться съ тобою, что у него добрый, прекрасный характеръ; увѣрена, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что ты избѣгнешь важнаго неудобства и повода къ частымъ непріятностямъ: ты не будешь поставлена въ необходимость—просить его о всякихъ мелочныхъ издержкахъ своихъ. Это, кажется, вздоръ, но при небольшомъ состояніи обойтись безъ этого не лзя,

а бездѣлицы бываютъ часто причиною большихъ неудовольствій между супругами.»

Такъ говорила добрая, предусмотрительная мать; но слѣдствіемъ разговора былъ однакожъ благопріятный отвѣтъ Князю Рамирскому. Князь самъ вскорѣ явился въ Надежино; его помолвили съ Елисаветою, объявили сосѣдямъ, и горничныя дѣвушки стали пѣть: *Не разливайся мой тихій ручей; Отставала лебедушка отъ стада лебединаго, и другія заунывныя свадебныя пѣсни, невольно располагающія невесту къ задумчивости и къ размышленію о томъ, какую важную обязанность она рѣшается на себя принять.*

Князь Рамирскій, вскорѣ послѣ помолвки, поскакалъ въ Москву покупать, какъ обыкновенно водится, четверомѣстную карету, бѣлую шаль и другіе подарки для невесты. Занимать денегъ ему не было нужды. Маменька его довольно накопила при жизни своей, а по смерти ея и самъ

онъ присоединилъ не мало. Всѣ, столь *необходимыя* для супружескаго благополучія принадлежности, вскорѣ были искуплены, и Князь, получивъ уже нѣкоторую опытность и познаніе въ томъ, что значать *крепъ, линобатистъ, тамбурная кисея*, спѣшилъ возвратиться въ Надежино.

Холмская давно и торжественно объявила совершенную свою неспособность торговаться и покупать; но у нея былъ въ Москвѣ вѣрный, дѣятельный и исправный комисіонеръ, племянница, Ѳедосья Петровна Ліонская, *молодая двѣвушка*—лѣтъ за сорокъ. Еще прежде, когда Холмская жила въ Москвѣ, съ мужемъ своимъ, не дерзала она никогда быть безъ нея на Кузнецкомъ мосту и въ рядахъ. Всѣ наряды для дочерей дѣлались всегда по совѣщанію съ нею, а потому и въ настоящемъ случаѣ Холмская не находила надобности ѣхать сама въ Москву, покупать приданое, а отправила къ Ѳедосьѣ Петровнѣ, съ эстафетомъ, билетъ Опе-

кунскаго Совѣта въ восемь тысячъ рублей, съ просьбою: распорядиться по своему благоусмотрѣнію. Елисавета уговорила маменьку употребить на приданое капиталъ, доставшійся ей по раздѣлу, потому что она вступаетъ въ богатое и знатное семейство, и ей надобно *поддержать себя*. Десять тысячъ собственныхъ денегъ Елисаветы, хранившихся въ Опекунскомъ Совѣтѣ, поступили такимъ образомъ тоже въ распоряженіе Федосьи Петровны. Цѣлые два листа кругомъ, исписанные рукою Елисаветы и содержавшіе замѣчанія о томъ, *что и гдѣ* купить, какое платье, какъ одѣвать, и пр., доставлены были отъ нея къ милой и доброй кузинѣ, съ убѣдительною просьбою: довершить свои одолженія тѣмъ, что искупивъ все, постышнѣ самой пріѣхать на свадьбу. Елисавета распространилась въ увѣреніяхъ, о чувствахъ дружбы своей, и что она очень огорчится, если *единственный другъ ея* не будетъ свидѣтель-

ницею самой важнѣйшей эпохи въ ея жизни. Тайная причина приглашенія, разумѣется, была та, чтобы воспользоваться глубокими познаніями кузины въ нарядахъ.

Одосья Петровна съ отличіемъ исполнила возложенное на нее порученіе. Пѣсколько дней сряду она жила на Кузнецкомъ мосту и въ рядахъ, жаловалась знакомымъ своимъ, что совсѣмъ измучилась и боится занемочь отъ хлопотъ. Ей никто не вѣрилъ: всѣ знали, что ни чѣмъ не лѣзя было сдѣлать ей такого удовольствія, какъ порученіемъ купить что нибудь на Кузнецкомъ мосту, гдѣ она была со всѣми знакома, и гдѣ *мадамы* принимали ее всегда съ большимъ уваженіемъ. Вскорѣ Кузина явилась въ Надежино со всѣми *прелестями*, и была вознаграждена за хлопоты свои. Елисавета съ восторгомъ ее цѣловала. Тотчасъ приступили къ дѣлу: всѣ покупки были съ восхищеніемъ рассмотрѣны; каждое платье,

чепчикъ, шляпка были примѣряны, и все найдено чрезвычайно *милымъ*. Можно вообразить себѣ также, сколько разъ все было показано поочередно каждой сосѣдкѣ, приѣзжавшей съ поздравленіемъ, и какія были послѣ того сужденія, толки, рассказы не только въ домѣ у самой невѣсты, но и при свиданіяхъ сосѣдокъ между собою.

Веселое время въ жизни дѣвушки, когда она бываетъ невѣстою! Участіе, снисходительность, услужливость матери и сестеръ; восторгъ старой няни, что барышня ея будетъ Княгиня и богата; поздравленія и радость горничной и всей дворни, для которыхъ богатство и знатность выше всего; множество новыхъ нарядовъ, и—даже досада и зависть подругъ—все это восхищало Елисавету. Во все время помолвки своей она была—въ полной мѣрѣ счастлива.

ГЛАВА III.

« Prenez pour époux un homme raisonnable
« et occupé, ami de l'ordre et sensible.

St. Lambert.

« Соедините судьбу вашу съ человекомъ
« умнымъ, любящимъ занятіе, другомъ по-
« рядка, чувствительнымъ. »

Сентъ-Ламбертъ.

Князь Рамирскій былъ нѣсколько холоденъ съ своею невѣстою, но и мать и невѣста относили это къ его, извѣстной всѣмъ, застенчивости. Елисавета думала сама, и говорила сестрамъ, что она его

совѣтъ *перевоспитаетъ* и поставитъ по своему. Между тѣмъ сообщила она Князю о сношеніяхъ сосѣда Аглаева съ ихъ семействомъ.

Аглаевъ давно былъ влюбленъ въ сестру Елисаветы, Катерину. Отецъ его былъ старинный другъ и сослуживецъ Холмскаго. Молодой *Петруша*—такъ называли его въ семействѣ Холмскихъ — былъ единственный сынъ престарѣлаго отца. По волю его, Петруша, съ небольшимъ 20-ти лѣтъ, оставилъ службу, въ чинѣ 10-го класса, и поселился въ деревнѣ. Любовь Петруши къ Катеринѣ годъ отъ году усиливалась; онъ былъ поэтъ, и обучавшись еще въ Московскомъ Университетскомъ Пансіонѣ писалъ уже для нея стихи. Альбомъ Катерины былъ наполненъ нѣжными, пламенными изъясненіями. Въ элегіяхъ, въ посланіяхъ: къ ней, къ Хлоу, къ моему генію, и пр., прославлялъ Петруша прелести Катерины, и клялся вѣкъ любить ее; даже напеча-

талъ собраніе своихъ стихотвореній и посвятилъ Катеринѣ. Въ краснорѣчивомъ Предисловіи называлъ онъ ее Ангеломъ-хранителемъ, гениемъ, одушевляющимъ его, десятою Музою. Все это нравилось Катеринѣ, и она находила сочиненія Аглаева превосходными. Но неугомонные Журналисты были совсѣмъ противнаго мнѣнія: въ Журналахъ появлялись жестокія критики и разборы самые *привязчивые*. Эти нападенія сильно трогали и даже приводили въ слезы Аглаева. Въ одномъ возраженіи, или антикритикѣ, онъ торжественно признался передъ всѣми, что слезы, точно слезы, невымышленныя, орошаютъ бумагу, на которой онъ пишетъ. Катерина принимала участіе въ горести Аглаева, утѣшала его, поддерживала; находила, что критики противъ него явно пристрастны, и написаны изъ зависти. Аглаевъ, съ одобренія Катерины, напечаталъ нѣсколько антикритикъ и рекритикъ особыми книжками. Никто не

отвѣчалъ ему, и онъ думая, что восторжествовалъ надъ врагами своими, охотнѣе предался любимымъ занятіямъ, сочинилъ современную романтическую поэму и составилъ нѣсколько плановъ для трагедій. Все это было одобрено Катериною.

Страсть къ стихотворству имѣетъ свои выгоды, но также и вредъ. Правда, что поэтъ, мечтая о безсмертіи, читая для наученія и примѣра хорошихъ авторовъ, конечно не сдѣлается картежникомъ, или развратнымъ повѣсою; но съ другой стороны страсть къ поэзіи имѣетъ неудобства большія, разстроивая воображеніе, возбуждая склонность къ мечтательности и дѣлая человека совершенно неспособнымъ ни къ какимъ *мелочнымъ, житейскимъ занятіямъ*.

Нашъ поэтъ, съ самой юности своей, былъ чувствителенъ до крайности; всякая бездѣлица могла тронуть его до слезъ, хотя онъ также былъ способенъ и всѣмъ восхититься. Какъ часто, въ уединен-

ныхъ прогулкахъ, въ лѣску, на крутомъ берегу рѣчки, протекавшей близъ Надежна, мечталъ онъ, что къ совершенному его блаженству ничего болѣе не нужно, какъ только быть мужемъ прелестной Катерины, жить съ нею въ небольшомъ домикѣ, на берегу этой рѣчки! Воображеніе ярко рисовало ему семейственное его благополучіе. Впрочемъ, онъ полагалъ, что имѣеть хорошее состояніе, и почиталъ себя счастливымъ, что можетъ раздѣлить все съ Катериною. Она, съ своей стороны, предавалась такимъ-же романтическимъ мыслямъ. Ей никогда въ голову не приходило имѣніе Аглаева: любовь его, небольшая хижина, черный хлѣбъ, ключевая вода—вотъ все, что, казалось ей, было нужно для благополучной жизни!

Отецъ Аглаева одобрялъ намѣреніе его жениться на Катеринѣ. Старая Холмская была также согласна; но вдругъ сдѣлалась непредвидѣнная переменна въ поло-

женіи Аглаева. Отець его скоропостижно умеръ, и послѣ смерти открылось такъ много долговъ, что имѣнія едва было достаточно на уплату. Все было продано съ публичнаго торга. Аглаеву осталась одна только, доставшаяся ему послѣ матери, небольшая черезполосная деревенька, въ пяти верстахъ отъ Надежина.

Перемена въ положеніи Аглаева нисколько не поколебала Катерины. Она говорила, что давъ ему слово, никогда не измѣнить. Это утѣшило поэта: онъ переселился въ единственную, оставшуюся у него деревеньку, поправилъ кое-какъ домъ и возобновилъ предложеніе Холмскимъ. Но теперь Холмская была совсѣмъ противнаго мнѣнія: она объявила, что все приданое дочери ея состоитъ въ небольшой, отдаленной деревнѣ, которая худо платитъ оброкъ, и -- въ 10-ти тысячахъ рублей денегъ, доставшихся Катеринѣ послѣ отца. У Аглаева также *почти нѣтъ ничего*, и потому Холмская рѣшила, что

пока онъ не вступитъ въ службу и не будетъ получать хорошаго жалованья, она никакъ на сватьбу его съ Катериною не согласится. Любовники плакали, повторяли клятвы въ вѣчной вѣрности. Холмская жалѣла объ нихъ, но была непоколебима въ своемъ намѣреніи.

У Аглаева былъ старый, богатый дядя, и жилъ въ Москвѣ. Поэтъ основывалъ теперь всю свою надежду на его пособіи. Долго трудился онъ надъ сочиненіемъ краснорѣчиваго письма. Самыми пламенными чертами изобразилъ страсть свою къ Катеринѣ и намѣреніе посвятить ей всю жизнь—словомъ: помѣстилъ въ письмѣ своемъ все, что обыкновенно влюбленные поэты пишутъ въ такихъ случаяхъ. Съ нетерпѣніемъ ждалъ Аглаевъ отвѣта. Воображеніе представляло ему, что дядя будетъ тронутъ до слезъ письмомъ его, тотчасъ прискачетъ, будетъ посаженнымъ отцемъ, и—на первый случай подаритъ

молодымъ—по крайней мѣрѣ, сто тысячъ рублей. Но отвѣтъ дяди былъ полученъ не такъ скоро. Увы! дядя не былъ тронутъ до слезъ, а велѣлъ написать камердинеру своему, и самъ только подписалъ письмо, сочиненное самымъ холоднымъ, лакейскимъ слогомъ: онъ поздравлялъ племянника съ намѣреніемъ вступить въ законный бракъ, желалъ ему всякаго благополучія, и—болѣе ничего! Можно представить, какъ пораженъ былъ такою холодностію чувствительный, пламенный Аглаевъ! Онъ проклиналъ эгоистовъ, и въ жалобной элегіи изъяснилъ свои чувства. Успокоясь нѣсколько, рѣшился онъ употребить еще средство: отправился въ Петербургъ искать мѣста. Но долго оставаться тамъ не могъ: любовь къ Катеринѣ влекла его домой, и вскорѣ, съ обѣщаніями и большими надеждами, возвратился Аглаевъ въ свою деревню. Въ такомъ положеніи были дѣла, когда Князь Рамирскій сталъ свататься.

Елисавета рассказала жениху своему о препятствіяхъ къ соединенію сестры ея съ Аглаевымъ, и была увѣрена, что Князь не откажется помочь имъ. Она просила его написать къ брату въ Петербургъ и выхлопотать Аглаеву какое нибудь выгодное мѣсто.

Какъ-же удивилась она, когда Князь Рамирскій, выслушавъ ее, отвѣчалъ равнодушно, что ничего не обѣщаетъ, не бывъ напередъ увѣренъ въ успѣхѣ, и что никогда не просить о людяхъ ему неизвѣстныхъ; что онъ подумаетъ, и, узнавъ короче Аглаева, *можетъ быть*, за него постарается. Замѣтивъ однакожъ, что это огорчило Елисавету, Князь сказалъ ей, что онъ богатъ, приданаго ему не надобно, и потому *можетъ* она предложить часть свою въ деревнѣ, принадлежавшей ей вмѣстѣ съ Катериною, сестрѣ своей; что черезъ это положеніе Катерины улучшится, а со временемъ, *можетъ быть*, онъ выхлопочетъ Аглаеву хорошее мѣсто. Та-

кое великодушіе привело въ восторгъ Елисавету: она тотчасъ послала нарочно за Аглаевымъ, побѣжала къ матери, сообщила ей предложеніе Князя Рамирскаго, и, вмѣстѣ съ Катериною, приступила къ убѣжденіямъ. Холмская еще не рѣшалась, хотѣла возражать, потому что и уступка части Елисаветиною была незначительна для обезпеченія будущаго состоянія Катерины; но Аглаевъ прискакалъ опрометью, умолялъ на коленяхъ, плакалъ; Катерина также плакала, Елисавета цѣловала руки матери. Все это поколебало старушку, и — она благословила Катерину. Сватѣба обѣихъ сестеръ назначена была въ одинъ день.

О приданомъ для Катерины сдѣлано было особое распоряженіе. Холмская думала, что безразсудно употребить для нея столько-же денегъ на наряды, сколько издержано для Елисаветы. Катеринѣ купили только самое необходимое, безъ чего обойтись было невозможно, а

остальные деньги отдали ей, съ тѣмъ, чтобы она берегла ихъ на случай нужды.

Князь Рамирскій съ непріятною надменностію выслушалъ благодарность Аглаева, и холодно, съ покровительнымъ видомъ, обѣщался быть ему и впередъ полезнымъ. Съ перваго взгляда можно было увѣриться, что новые родные не будутъ большими друзьями между собою.

Князь объявилъ намѣреніе свое: тотчасъ послѣ свадьбы ѣхать въ Москву, чтобы познакомить молодую жену съ родными своими. Полагая пробытъ тамъ, можетъ быть, долго, Князь не вѣлѣлъ отдавать Московскаго дома своего въ наемъ. Въѣстъ съ тѣмъ предложилъ онъ Холмской, и дочери ея Софьѣ, сопутствовать ему, говоря, что Елисаветъ будетъ на первый случай тяжело разстаться съ семействомъ своимъ, что домъ у него обширный, и всѣмъ помѣститься будетъ можно.

Аглаевъ между тѣмъ ни о чемъ болѣе не могъ думать, кромѣ Катерины. Сердце его наполнено было сладостнымъ, неизъяснимымъ упоеніемъ. Вся вселенная, всѣ блага заключались для него въ ней одной. Онъ останется съ нею, одинъ, въ смиренномъ своемъ домикѣ. . . . Эта мысль приводила его въ восторгъ. Притомъ-же, думалъ онъ, надобно заняться на свободѣ украшеніемъ новаго жилища Катерины. Судьба его устроилась такъ неожиданно. Онъ не имѣлъ времени приготовиться къ сватъбѣ и будущей жизни съ женою. Аглаевъ чертилъ планы; рассказывалъ, что думаетъ передѣлать въ домѣ, какъ меблировать которую комнату; хотѣлъ переселить одинъ крестьянскій дворъ, чтобы изъ дома былъ открытый видъ вдаль; находилъ необходимымъ распространить садъ, отдѣливъ нѣсколько десятинъ отъ пашни; думалъ пустить рѣку въ садъ, запрудить ее и сдѣлать каскадъ. Также хотѣлось ему построить бесѣдку, подъ названіемъ:

Храмъ Гименея, на одномъ возвышеніи, близъ дома, откуда видны были уѣздный городъ, нѣсколько селъ и домъ въ Шадежинѣ. Аглаевъ напередъ восхищался храмомъ Гименея. Холмская давно замѣчала въ немъ склонность къ мотовству, и это, можетъ быть, всего болѣе останавливало согласиться на его предложеніе. Но, въ успокоеніе свое, думала она, что у Аглаева доброе сердце, и что разсудительная Катерина, въ которую онъ такъ страстно былъ влюбленъ, удержитъ его отъ пустыхъ издержекъ. Холмская хотѣла на досугъ объяснить ей, что съ небольшимъ ихъ имѣніемъ совсѣмъ можно раззориться, если она не обратитъ вниманія на недостатокъ будущаго ея мужа, впрочемъ—столь обыкновенный и общій почти всѣмъ Русскимъ дворянамъ: жить выше своихъ способовъ.

Разность состоянія жениховъ вскорѣ обнаружилась. Князь Рамирскій сдѣлалъ,

какъ намъ уже извѣстно, богатые подарки своей невѣстѣ. Бѣлая шаль, съ прекрасными букетами, стоила нѣсколько тысячъ. Бриллианты, жемчугъ, модная, четверомѣстная, откидная карета, цугъ вороныхъ лошадей, щегольски одѣтые кучеръ и Форейторъ, богатая ливрея съ княжескими гербами—все это приводило въ восхищеніе Елисавету. Увы! Аглаеву наистрожайше запрещено было отъ матери, и отъ самой невѣсты, дѣлать пустыя издержки на подарки: это невольно возбудило въ немъ непріятное чувство, какой-то родъ зависти къ Князю Рамирскому; однакожъ, страстная любовь къ Катеринѣ скоро изгладила это временное впечатлѣніе, и онъ радостно повторялъ ей стихи Жуковского, изъ Балады:

Алина и Альсимъ:

Что пользы въ платьѣ золотое

Себя рядить?

Богатство на землѣ прямое,

Одно—любить!

«Къ этимъ стихамъ прибавилъ онъ еще, что дарить невѣстѣ своей гораздо болѣе — посвящаетъ ей всю жизнь, клянется всѣмъ жертвовать для ея счастія, принимаетъ на себя обязанность заботиться объ ея спокойствіи, и пр. и пр. Аглаевъ говорилъ при этомъ случаѣ опять все то, что страстные любовники-поэты обыкновенно общаются. По тѣснотѣ дома въ Надежинѣ, не возможно было приѣхать на свадьбу родной сестрѣ Князя Рамирскаго, Графинѣ Хлестовой, и прочимъ его роднымъ. Расположились обвѣнчаться утромъ и тотчасъ, послѣ ранняго обѣда, разъѣхаться молодымъ по домамъ. Черезъ нѣсколько дней потомъ хотѣлъ Князь Рамирскій, изъ подмосковной своей, отправиться съ женою въ Москву, и уже по возвращеніи оттуда дѣлать визиты сосѣдямъ той деревни, гдѣ онъ имѣлъ всегдашнее пребываніе, а потомъ пригласить ихъ къ себѣ и дать праздникъ.

Елисавета одѣлась къ вѣнцу очень про-

сто, такъ-же, какъ и сестра ея. Бѣлыя платья и букеты цвѣтовъ составили весь нарядъ ихъ. Но возвратясь изъ церкви, и приготовляясь въ дорогу, Елисавета надѣла модную шляпку, съ перьями, дорогой кружевной вуаль, и многое другое, что казалось ей мило. Она очень досадовала, что не кстати надѣвать въ дорогу подаренные ей брильянты и жемчугъ.

Обѣдъ кончился. Новое лондо, съ гербомъ и вензелемъ Княгини Рамирской, запряженное въ шесть прекрасныхъ вороныхъ лошадей, подвезено было къ крыльцу; особая, также новая, щегольская коляска назначена была для старой няни, которую уже переименовали въ *экономки*; нѣсколько бричекъ, съ хорошею упряжью, запряженныхъ одношерстными, красивыми лошадьми, определено было для горничныхъ дѣвушекъ и для приданого. Новые экипажи, сытые, вычищенные лошади, хорошо одѣтые слуги и кучера, нѣсколько колокольчиковъ, привязанныхъ къ

бричкамъ — все это было такъ хорошо, такъ хорошо, что сердце Елисаветы сильно билось отъ радости.

Мать, со слезами, благословила ее образомъ; священникъ отслужилъ молебенъ; вся дворня пришла прощаться и провожать ее. Во всякомъ другомъ случаѣ, какъ это прощанье, такъ и то, что она вступаетъ на поприще совсѣмъ новое, принимаетъ на себя обязанность весьма важную, должно-бы растрогать Елисавету; но она была въ какомъ-то очарованіи, ничего не чувствовала, равнодушно простилась съ матерью и сестрами, забыла даже поклониться священнику и дворовымъ людямъ, и подала торжественно руку своему мужу. Сѣли въ карету; зазвенѣли колокольчики; пристяжныя завились; пыль поднялась столбомъ, и — гордо проскакали княжескіе экипажи мимо толпы народа, собравшагося изъ Надежина и другихъ деревень посмотреть на молодыхъ и на экипажи ихъ.

Въ противоположность этому, нѣсколь-
ко крестьянскихъ тѣлегъ повезли прида-
ное Катерины въ Пріотово (такъ назы-
валась деревня Аглаева). Шесть разно-
шерстныхъ, худыхъ лошадей запряжены
были для молодыхъ въ старомодную ка-
рету Холмской. Но Катерина съ чувствомъ
молилась за молебномъ, со слезами при-
ложила къ образу, нѣжно цѣловала ру-
ки у матери, когда она благословляла ее,
простила со всѣми дворовыми людьми
и женщинами, и, въ одно время съ Кня-
гинею Рамирскою, отправилась въ сми-
ренный домикъ своего мужа. Аглаевъ, въ
восторгѣ, что ѣдетъ съ молодою женою,
не замѣтилъ разности въ экипажахъ, и
не видалъ состраданія на лицахъ дво-
ровыхъ людей, при прощеньѣ.

На другой день Холмская отправилась
обѣдать въ Пріотово къ Катеринѣ, а
Софья поѣхала къ Елисаветѣ.

ГЛАВА IV.

Чей скорбный духъ воспринять къ Богу,
Кто вѣры пламеникъ зажжетъ,
И бездны скользскую дорогу
Съ крестомъ Спасителя пройдетъ,
Въ пучинѣ зомъ тотъ не погибнетъ....

И. Козловъ.

Холмская, по возвращеніи отъ Аглаевыхъ къ себѣ домой, почувствовала тягостнѣйшую грусть. Послѣ шума, хлопотъ, безпрестаннаго развлеченія, приготовленій къ двумъ свадьбамъ, настала теперь въ

домъ ея глубокая тишина: изрѣдка кашель или нѣсколько словъ, раздававшихся въ дѣвичей и лакейской, да лаяніе, ласкавшей къ ней, Болонской ея собачки напоминали старушкѣ, что она не одна въ домъ. Холмская ходила по всѣмъ комнатамъ, какъ будто отыскивая дочерей своихъ. Тоска и несносная пустота вездѣ преслѣдовали ее.

Со слезами на глазахъ ушла старушка въ свою комнату, хотѣла читать, взяла книгу, смотрѣла въ нее, но ничего не видала и не понимала. Ей представились всѣ обстоятельства, такъ скоро и неожиданно совершившагося замужства двухъ ея дочерей. Хотя дѣло было кончено, и въ утѣшеніе свое старалась она увѣрять себя, что поправить уже ничѣмъ не лзя, и, слѣдовательно, позднее раскаяніе будетъ бесполезно; однакожъ, противъ воли, печалила ее мысль, что слишкомъ скоро и необдуманно согласилась она на бракъ Катерины. Но можно-ли было

противостоять убѣжденіямъ и сильнымъ настояніямъ любви и молодости! — Впрочемъ, почему-жъ предполагать, что Катерина будетъ несчастлива? Приданая ея деревня, вмѣстѣ съ частию, уступленною ей Елисаветою, можетъ, если только Аглаевъ займется приведеніемъ въ устройство имѣнія, давать хорошій доходъ. Катерина разсудительна; ей было извѣстно, что выходитъ она за небогатаго человѣка; сужденія ея были основательны; она ясно видѣла, въ какомъ положеніи назначено ей прожить свой вѣкъ. Образъ жизни, хозяйство, будущія занятія свои описывала она въ самомъ прелестномъ видѣ. Всѣ увѣряли, что Князь Рамирскій не оставитъ Аглаева безъ пособія и постарается доставить ему выгодное мѣсто. Хотя Холмская и замѣтила, что Князь былъ довольно холоденъ, и отдалялся отъ Аглаева, но онъ честный и добрый человѣкъ. Можно-ли, чтобы оставилъ безъ вниманія столь близкихъ родныхъ?

Въ такомъ отношеніи смотрѣла Холмская на положеніе Аглаева, когда оба зятя ея были еще женихами; притомъ-же шумъ множества гостей, шитье приданого, приготовленія къ сватъбамъ, не оставляли ей ни одной минуты свободной.

Часто, въ продолженіе этого времени, Холмская, по цѣлымъ ночамъ, молилась со слезами Богу о счастіи дочерей. Упованіе на благодѣль Божію и молитва подкрѣпляли ее. Мысль, что во всѣхъ случаяхъ жизни, и особенно въ супружествѣ, всю надежду свою возлагать должно на милость Божію, успокоивала ее. Очень часто (разсуждала она) видимъ мы браки, при заключеніи которыхъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, должно-бъ было ожидать самой благополучной жизни, а напротивъ того бываютъ несчастливы. Внезапная болѣзнь мужа, или жены, смерть дѣтей, или какая нибудь перемѣна въ обстоятельствахъ, разрушаютъ счастіе. Словомъ: вся человѣческая премудрость ничтожна, и во

всѣхъ должно полагаться на милосердіе Бога.

Такъ думала Холмская въ то время. Но теперь, когда осталась она одна, и въ мрачномъ расположеніи духа, все представлялось ей въ противномъ видѣ. Она вспомнила, что кромѣ равнодушія Князя Рамирскаго къ Аглаеву, на предложеніе: утвердить уступку Елисаветою части ей въ пользу Катерины, настоящимъ актомъ, отвѣчалъ Князь, что еще терпитъ время, и что онъ подумаетъ и сдѣлаетъ послѣ. Воспоминаніе это заставило Холмскую содрогнуться и сильно укорять себя въ слабости своей. Сынъ ея, вышедшій въ то время изъ опеки и поступившій подъ попечительство, совсѣмъ не оправдалъ хорошаго мнѣнія матери о добромъ сердцѣ его и привязанности къ сестрамъ. Онъ оканчивалъ послѣдній курсъ въ Университетѣ и находился во время помолвки сестеръ въ Москвѣ. Мать, увѣдомляя его, что Катерина выходитъ за небогатаго

человѣка, присоединяла въ письмѣ своемъ, что она твердо увѣрена въ добротѣ его и въ томъ, что когда онъ будетъ въ правѣ самъ располагать своимъ имѣніемъ, то не оставитъ сестры безъ помощи. Добрый Алеша отвѣчалъ двусмысленно, и доказалъ на самомъ опытѣ, что, не смотря на молодость свою, онъ имѣлъ одинакія правила съ Княземъ Рамирскимъ: Алеша ничего не обѣщалъ, и отвѣчалъ только, что самъ будетъ. Однакожь, за нѣсколько дней до свадьбы, прислалъ нарочнаго съ письмомъ, что ему приѣхать не лѣзя. Письмо его заключало холодное поздравленіе сестрамъ. Просто, безъ всякихъ причинъ, писалъ онъ, что на свадьбѣ ихъ быть не можетъ; хвалилъ Елисавету за сдѣланный ею выборъ; подшучивалъ, со всѣмъ не побратски, надъ Катериною, что она выходитъ за стихотворца, у котораго ничего нѣтъ; говорилъ, что они отправляются на Парнассъ, и представлялъ въ смѣшномъ видѣ будущую ихъ жизнь. Письмо

оканчивалъ совѣтомъ Софѣ: переселиться къ будущей Княгинѣ Рамирской, потому, что у нея въ домѣ найдется скорѣе богатый женихъ.

Воспоминаніе объ этомъ усилило грусть Холмской. Ей было досадно, что она отпустила отъ себя Софью. Твердый и основательный разсудокъ Софьи, любовь къ ней и нѣжныя попеченія, неоднократно и прежде услаждали горестъ матери. Холмская сожалѣла также, что уѣхала отъ Катерины: счастье этой дочери, въ настоящемъ ея положеніи, подкрѣпило и разсѣяло-бы ее, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время.

Казалось, уныніе распространилось на всѣ окружавшіе Холмскую предметы. Прежде слышала она въ домѣ своемъ повсюду веселыя восклицанія и смѣхъ; теперь же, напротивъ, казалось ей вездѣ гробовое спокойствіе, и тишина въ ея комнатѣ прерывалась только единообразнымъ стукомъ

маятника стѣнныхъ часовъ, умножавшимъ тоску ея.

Холмская сидѣла въ глубокой задумчивости; бывшая въ рукахъ ея книга упала на полъ; она ничего не чувствовала, и слезы градомъ текли изъ глазъ ея. Въ это время человѣкъ вошелъ съ докладомъ о приѣздѣ стариннаго, истиннаго друга Холмской, двоюродной сестры, Прасковьи Васильевны Свѣяжской. Добрую Свѣяжскую приглашали на свадьбу; но она отвѣчала, что тогда будетъ тѣсно и шумно, а что она лучше явится въ Надежино, когда всѣ разъѣдутся, и тѣмъ болѣе, что въ то время Наталья Алексѣевна вѣрно больше обрадуется ея посѣщенію. Точно: съ сердечнымъ удовольствіемъ расцѣловала ее Холмская, и поспѣшила сообщить ей все, что было на душѣ. Бесѣда съ другомъ, участіе и хладнокровное возраженіе противъ опасеній о судьбѣ дочерей, облегчили и подкрѣпили Холмскую. Очень пріятно провели старыя подруги вечеръ,

и расположились ѣхать вмѣстѣ въ Приютово, къ Аглаевымъ.

Прасковья Васильевна Свѣяжская принадлежала къ сословію *пожилыхъ дѣвушекъ*. Хотя она и довольно поустарѣла, но еще видны были остатки прежней красоты ея. Она была ровнаго и тихаго характера, въ обращеніи привѣтлива, во всѣхъ поступкахъ и чертахъ ея лица видно было какое-то особенное *доброжелательство*. Это отличительное выраженіе лица принадлежитъ только женщинамъ. Въ чемъ оно состоитъ, объяснить не лѣзя: но на лицѣ мужчины рѣдко видно это *доброжелательство*. Удивлялись, что Свѣяжская не замужемъ, тѣмъ болѣе потому, что она была богата, осталась еще въ молодыхъ лѣтахъ независимою и имѣла право сама располагать собою. Непредвидѣнныя препятствія положили преграду къ соединенію ея съ однимъ человекомъ, къ которому чувствовала она большую привязанность. Воспоминаніе о немъ

предохранило Свіяжскую отъ супружества. Въ послѣдствіи времени много представлялось ей *партій*, но она отказывала, и приняла рѣшительное намѣреніе — никогда не выходить за-мужъ. Холмская воспитывалась въ домѣ ея родителей, и выросла вмѣстѣ съ нею; онѣ были истинными, неизмѣнными друзьями, съ самыхъ юныхъ лѣтъ, и Свіяжская многими опытами доказала привязанность свою къ Холмской.

«Ты напрасно горюешь и придумываешь Богъ знаетъ что, за тѣмъ, чтобы по пустому мучить себя» — сказала Свіяжская. — «Разсмотри сама хладнокровно положеніе твоихъ дочерей. Князя Рамирскаго я не знаю; но ты говоришь, что онъ добрый человекъ. Состояніе у него большое, и въ этомъ важномъ отношеніи ты можешь быть увѣрена, что твоя Елисавета ни какого горя имѣть не будетъ. Агласвъ бѣденъ — но только по сравненію съ Княземъ Рамирскимъ. Впрочемъ, онъ

имѣть изрядное состояніе, и ежели онъ и жена его благоразумно устроить себя, и не будутъ роскошны, то, получивъ мѣсто и хорошее жалованье, Аглаевъ можетъ жить порядочно. Притомъ-же и впередъ надежда: богатый, холостой дядя его, о которомъ ты мнѣ сказывала, также вѣрно что нибудь ему оставить. До сихъ поръ не понимаю — въ чемъ тебѣ раскаяваться, что ты позволила твоей Катинкѣ выйти за Аглаева? Мнѣ кажется, счастье въ супружествѣ зависитъ болѣе отъ характеровъ и склонностей, чѣмъ отъ богатства или бѣдности. Катинька, о которой ты безпокоишься, любитъ жизнь тихую и уединенную. Не можетъ быть, чтобы, зная такъ давно Аглаева, дочь твоя не увѣрилась, что и онъ имѣетъ одинакія съ нею склонности. Онъ авторъ: жизнь уединенная и скромная вѣрно не будетъ тяготить его. Елисавета веселаго характера, и любитъ разсѣяніе: состояніе позволить ей вести такой образъ жизни;

слѣдовательно, каждая изъ дочерей твоихъ поставлена судьбою на своемъ мѣстѣ. Прочее зависитъ отъ нихъ самихъ и отъ обстоятельствъ, за которыя никто отвѣчать не можетъ. Софья, моя *фаворитка*, надѣюсь.... Но, я не знаю: не пожелать-ли ей моего счастливаго состоянія—то есть, остаться вѣкъ въ дѣвкахъ!»

— Стало быть, ты полагаешь, что въ дѣвкахъ можно прожить счастливѣе, чѣмъ за-мужемъ?

«Хотя ты можешь мнѣ сказать тоже, что Мольеръ въ своей комедіи: *Vous êtes orfèvre, Mr. Josse.* — (Вы золотыхъ дѣлъ мастеръ, Г-нъ Жоссъ).... Но къ чему говорить много? Ты сама была за-мужемъ. Отвѣчай сама себѣ, по совѣсти, на свой вопросъ.»

— Правда твоя—сказала Холмская, со вздохомъ. — Но примѣръ мой не можетъ служить общимъ правиломъ.

«И конечно—продолжала Свѣжская.— Впрочемъ, слово: *счастіе*, есть выраженіе

неопредѣленное. Всякій разсуждаетъ по своему о томъ, въ чемъ оно состоитъ. Счастіе такъ подвержено обстоятельствамъ и разнымъ случаямъ, что одна только опытность, кажется, дастъ средства утвердить его, открывая намъ, что счастіе зависитъ именно отъ насъ самихъ, и что, ежели какія-либо непредвидѣнныя бѣдствія нарушаютъ его, то остается намъ большимъ утѣшеніемъ, когда мы сами не виноваты. Примѣняя эту мысль къ нашему разговору, ты сама согласишься, что тебѣ рѣшительно не въ чемъ упрекать себя. Еще повторяю: по всѣмъ вѣроятностямъ, ожидать должно, что замужество твоихъ дочерей будетъ счастливо. Ежели случится противное, ты не будешь виновата. Ты не уговаривала и не принуждала ихъ: онѣ сами выбрали, и ты, по разсудку, одобрила и утвердила ихъ выборъ.»

Такая бесѣда чрезвычайно облегчила Холмскую, и возвратила ей спокойствіе,

котораго она совсѣмъ было лишилась. Подруги весело разошлись спать, и во снѣ представились Холмской дочери ея въ самомъ пріятномъ видѣ.

На другой день начались поздравительныя посѣщенія сосѣдей Холмской. Они хотѣли, кромѣ душевнаго *желанія*—поздравить почтенную сосѣдку, но и провѣдать, зная, что ея дочери уѣхали и она осталась одна. Разумѣется, настоящая цѣль посѣщеній была та, чтобы посмотреть, какіе подарки сдѣлали Холмской зятья, покритиковать, посмѣяться, и потомъ рассказывать по своему, что слышали и видели. Эти гости были весьма непріятны для Свіяжской и для Холмской, останавливая поѣздку въ Пріотово, гдѣ ихъ уже ожидали. Русская пословица справедлива: не во время гость хуже Татарина. Отъ иныхъ гостей въ деревнѣ не лѣзя отдѣлаться такъ, какъ въ городѣ, ве-

лѣвъ сказать просто, что дома *нѣтъ*. Кроме убытка, потому, что многіе прѣзжаютъ съ кучею людей и лошадей, деревскія посѣщенія нарушаютъ обыкновенный образъ жизни, ставятъ хозяевъ въ затруднительное положеніе *занимать гостей*, т. е. или играть въ карты, которыхъ иные не любятъ, или что нибудь болтать. Не во гнѣвъ будь сказано, а, право, у насъ въ деревняхъ гораздо болѣе злословія и праздности, нежели въ городахъ, и — даже въ столицахъ.

Но обратимся къ сосѣдямъ Холмской. Пожилыя дамы выхваляли *благоразуміе* Елисаветы. «Она сдѣлала *прекрасную партію*», говорили онѣ, «вышла за-мужъ за человѣка знатнаго и богатаго, и вѣрно будетъ счастлива.» Напротивъ того, молодья дѣвушки, которыя завидовали Елисаветѣ, и были на нее въ досадѣ, восхищались поступкомъ Катерины и превозносили его. Онѣ называли ее героинею, потому, что она, не смотря ни на что,

сохранила твердо данное ею слово, предпочла любовь всему въ міръ, и рѣшилась соединить судьбу свою съ небогатымъ, но любезнымъ для нея человекомъ.

«Вотъ чувства прямо благородныя! Вотъ настоящая любовь!»—воскликала пожилая дѣвушка, Авдотья Павловна Фіалкина. — «И что значить богатство, въ сравненіи съ истинною, страстною любовью!»—Все это вздоръ — отвѣчала тетушка ея, Варвара Филоновна Хандрина.—Можно и съ большимъ состояніемъ любить другъ друга. Чувствительность, страстная любовь—все это сущее сумасбродство!

Авдотья Павловна прибавила, съ нѣжнымъ вздохомъ, относясь къ Свіяжской, что она предпочла-бы пустыню, съ любезнымъ человекомъ, пышнымъ чертогамъ; что знатность и богатство—ничтожны, и что одна только любовь дѣласть насъ счастливыми. Свіяжская посмотрѣла на нее, понюхала табаку, и ничего не отвѣ-

чала на эту напыщенную, обветшалую, такъ называемую, *чувствительность*.

«Я думаю» — сказала мать Фіалкиной — «вашей Катеринѣ Васильевнѣ не очень пріятно было видѣть, что сестрица ея отправилась въ модномъ, откидномъ лондо, на прекрасныхъ лошадяхъ, въ тоже самое время, когда ей должно было ѣхать съ мужемъ въ вашей старомодной каретѣ. Мнѣ рассказывали объ этомъ ключница моя и кружевницы: онѣ просились у меня посмотрѣть, какъ поведутъ молодые. Я очень пожалѣла о Катеринѣ Васильевнѣ. Впрочемъ, кто знаетъ? Можетъ быть, дастъ Богъ, и она будетъ счастлива. Только воля ваша, а мнѣ кажется, какъ-то страшно выдавать дочерей! Я, можетъ быть, даже слишкомъ была разборчива, и отказала многимъ женихамъ, которые, въ другихъ семействахъ, вѣрно-бы съ удовольствіемъ были приняты.»

Холмская не могла удержаться, чтобы не посмотрѣть на Свіяжскую, которая

— Кажется, совсѣмъ и не за что сердиться — возразила Глафира, повертываясь на стулъ, съ досадою и нетерпѣніемъ.— Я отвѣчала-бы вамъ тоже, что гораздо прежде объявила самому Князю, то есть — совсѣмъ противное тому, что вы думали.

«Удивляюсь, съ чего пришелъ тебѣ въ голову такой вздоръ»—сказала Сундукова, покраснѣвъ отъ досады.—«Дочери мои получили воспитаніе, имѣютъ таланты и хорошее приданое. Онѣ найдутъ жениховъ и безъ твоего страннаго сватовства. Ежели-бы Князь Рамирскій былъ и гораздо искательнѣе и постояннѣе въ желаніи своемъ войти въ наше семейство, то и тогда получилъ-бы навѣрное отказъ. Дочерямъ моимъ внушено съ малолѣтства, что не одно только богатство нужно для счастливой жизни, а характеръ Князя Бориса Матвѣевича извѣстенъ.... Ахъ! извините—я совсѣмъ забыла....»

Холмская ни мало не обидѣлась и не потревожилась такою неумѣстною выходкою Сундуковой. Злоба, зависть и желаніе кольнуть были слишкомъ очевидны, и ничего, кромѣ презрѣнія, не заслуживали.

«Имѣете - ли вы извѣстія отъ молодыхъ?»—продолжала Сундукова, обращаясь къ Холмской, для того, чтобы переменить предметъ разговора, и не дожидаясь отвѣта, она прибавила: «Я думаю, вашей Катеринѣ Васильевнѣ было непріятно, что состояніе мужа не позволило и ей также ѣхать веселиться въ Москву? И то правду сказать: она хорошо сдѣлала. По возвращеніи домой, положеніе ея казалось-бы ей тягостнѣе; да не лѣзя-же всѣмъ невѣстамъ безъ приданого выходить за богатыхъ!»

— Однакожъ нѣтъ правила безъ исключенія — возразилъ Сундуковъ, желая нарочно кольнуть свою жену: и дома, и въ гостяхъ, онъ безпрестанно ссорился и

перебранивался съ нею.—Ты видишь по замужству Елисаветы Васильевны, что красота и любезность побѣдили богатство.

Сундукова хотѣла отвѣчать, но закусилась губы и удержалась. Глаза ея наполнились кровью; на лицѣ выступили багровыя пятна отъ злобы. Посѣщеніе этихъ гостей, пріѣхавшихъ браниться и говорить колкости другъ другу, было для Холмской весьма непріятно. Къ счастью, они вскорѣ оставили ее въ покоѣ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, Сундукова повторила съ холодностію поздравленіе Холмской, встала, расцѣловалась, и, въ сопровожденіи дочерей своихъ, вышла изъ гостиной. Мужъ остался еще на нѣсколько минутъ, чтобы пригласить хозяйку и Свѣяжскую къ себѣ на именины. Тутъ изъ лакейской раздался голосъ жены его, что пора ѣхать и что она его дожидается. Мужъ и жена начали браниться и снова говорить колкости другъ другу, когда сѣли въ карету у крыльца, а окон-

чили ихъ уже дома, когда разошлись спать. Такой примѣръ родителей предвѣщалъ дочерямъ, что и онѣ, со временемъ, если выйдутъ за-мужъ, будутъ премилыми женами.

ГЛАВА V.

«I rejoice that the person, who it was my
«duty to love, good or bad is such, that I
«can love him, with a willing mind.»

ADDISON.

«Я счастливъ, что та особа, которую я
«обязанъ любить, какія-бы она ни имѣла
«свойства, точно любви достойна.»

АДДИНСОНЪ.

Безполезно рассказывать, что Аглаевы были въ полной мѣрѣ счастливы. — Но долго-ли это продолжится? Черезъ нѣсколько дней послѣ свадьбы ничего вѣрнаго предположить не лзя. Свѣяжская,

какъ тетка ихъ и другъ матери, принята была съ уваженіемъ и радостію. Она привезла молодымъ, въ подарокъ на новоселье, не модныя бездѣлки, а вещи, которыя никогда цѣны своей не теряютъ: серебряныя, чайный и столовый приборы, прекрасной работы.

Для молодой хозяйки все еще было ново: она водила гостей своихъ по дому, изъ комнаты въ комнату, рассказывала какъ все удобно и хорошо расположено, и какія перемѣны и перестройки должно будетъ еще сдѣлать.

Свѣяжская совсѣмъ не знала Аглаева. Теперь она разсматривала его внимательно, наблюдала за нимъ втайнѣ, и вскорѣ замѣтила, что онъ довольно легкомысленъ, но въ жену свою влюбленъ страстно. Лишь только Катерина предлагала что нибудь, Аглаевъ, не давъ ей даже досказать, тотчасъ соглашался, и находилъ, что мысль ея прекрасна.

«Вотъ здѣсь, милый другъ мой» — говорилъ Аглаевъ — «мы выломаемъ стѣну, и изъ этой комнаты выйдетъ прекрасный для тебя кабинетъ. Далѣе пристроимъ маленькую оранжерею и цвѣточную, такъ, чтобы ходъ былъ прямо изъ твоего кабинета. Посрединѣ сдѣлаемъ птичникъ: ты охотница до канареекъ, и мы разведемъ ихъ. Прекрасный запахъ отъ цвѣтовъ, зеленыя деревья въ оранжерей — все это будетъ прелестно, и зимою, среди трескучихъ морозовъ, мы будемъ жить, какъ будто на Югѣ. Этѣ тяжелыя, толстыя колонны сломаемъ, и сдѣлаемъ легкій, чугунный балконъ. Много занятій и работы намъ будетъ; по крайней мѣрѣ, года два надобно будетъ употребить на перестройки.»

— И твой кабинетъ, дружочикъ мой, должно также совсѣмъ передѣлать вновь — говорила Катерина. Онъ мнѣ кажется тѣмъ. Надобно сдѣлать Итальянское окно, и дверь, чтобы ходъ былъ прямо отъ тебя въ садъ. Шкафы, для книгъ твоихъ, не

очень красивы; письменный столъ также малъ; сверхъ того. . . .

«Я слышала» — прервала разговоръ ихъ Свѣяжская, съ важнымъ видомъ — «что вы ищете мѣста, а когда будете опредѣлены, то надобно оставить деревню.

— Конечно правда — отвѣчалъ Аглавъ. — Но пока я получу мѣсто, должно такъ устроить, чтобы жить было спокойно. Притомъ-же, еще Богъ знаетъ, когда я буду опредѣленъ; думаю даже: не лучше-ли мнѣ остаться въ деревнѣ, и пуститься въ какіе нибудь обороты, чтобы улучшить свое состояніе?

Холмская улыбнулась, и совѣтовала не спѣшить, обдумывать свои предпріятія, быть осторожною, и не забывать, что безъ неусыпной дѣятельности всякіе обороты принесутъ не барышнѣ, а убытокъ. Свѣяжская, хотя замѣчала излишнюю пылкость и недостатокъ разсудительности въ Аглавѣ, но не бывъ коротко знакома съ нимъ, не рѣшилась говорить ему пря-

мо. Она хотѣла сообщить замѣчанія свои Холмской, предостеречь ее, и посоветовать принять всѣ мѣры, чтобы остановить при самомъ началѣ наклонность Аглаева къ пустымъ издержкамъ, которыя могутъ не только разстроить, но и совсѣмъ раззорить его. Что касается до Катерины, то Свѣяжская нашла домашнее хозяйство ея въ такомъ отличномъ порядкѣ, и такъ все хорошо было устроено, не смотря на недавнее вступленіе Катерины въ домъ мужа, что если, въ послѣдствіи времени, Аглаевы разстроятся—думала она—то не Катерину должно будетъ винить въ этомъ. О мужѣ ея была она совсѣмъ противнаго мнѣнія.

Заключеніе свое сдѣлала Свѣяжская не по одному первому посѣщенію: оно было слѣдствіемъ наблюденій ея за Аглаевымъ. Притомъ-же, не хотѣлось ей только огорчить Холмскую, рассказавъ слышанное ею въ Москвѣ, въ то время, когда она получила письмо о помолвкѣ Катерины. Ей

говорили, что Агласъ вѣтренъ, мотовать, любить карты, и уже много проигралъ. Она думала, что все это пустые слухи. Теперь на опытъ увѣрилась Свіяжская, что слышанное ею — едва-ли не было справедливо.

Въ продолженіе этого времени, часто получали извѣстія отъ Елисаветы и Софьи, изъ Москвы. Письма Княгини Рамирской наполнены были изъясненіями чрезвычайнаго ея благополучія. Она говорила, что нѣтъ женщины счастливѣе ея во всемъ мірѣ; описывала кротость и угодливость своего мужа, и прибавляла, что къ полному ея удовольствію не достаетъ только того, чтобы маменька и сестра Катенька были свидѣтелями ея благополучія. Балы, визиты, наряды, ласковость родныхъ Князя Рамирскаго, его нѣжное вниманіе—все, въ подробности, было описано. Письма Елисаветы адресованы были къ матери, а Софья писала отъ себя особенно къ Катеринѣ слѣдующее:

«Я должна откровенно сказать тебѣ мнѣ-
 «ніе мое о нашемъ. Князь Борисъ Матвѣ-
 «вичъ, хотя навѣрное ничего еще утверж-
 «дать не лзя, и, можетъ быть, скоро со-
 «общу тебѣ, что я ошиблась. До сихъ
 «поръ кажется мнѣ, что нашей Лизанькѣ
 «надобно будетъ имѣть необыкновенную
 «твердость, и сохранить врожденную свою
 «веселость, чтобы привыкнуть къ стран-
 «ному характеру своего мужа. Пока онъ
 «еще очень угодливъ, исполняетъ всѣ ея,
 «иногда весьма необдуманная желанія; но
 «кажется мнѣ, что въ самомъ согласіи его
 «видна какая-то принужденность и *фаль-*
 «шивость, доказывающія, что онъ совсѣмъ-
 «бы иначе поступалъ, ежели-бы не было
 «обычая—сначала супружества угождать
 «молодой женѣ. Притомъ, можетъ быть,
 «онъ боится, что его назовутъ скупцомъ,
 «или совѣстится сестры и родныхъ сво-
 «ихъ; но я уже замѣтила, что онъ тяго-
 «тится, и, пока еще про себя, ворчитъ на
 «большія издержки жены своей. Видно

«внутреннее боре́ние скупоски съ желані-
 «емъ казаться роскошнымъ. До сихъ поръ
 «наша молодая покушаетъ безпрестанно
 «все, что ей понравится. Ежедневно пу-
 «тешествуетъ она на Кузнецкій мостъ, и
 «мнѣ, противъ воли моей, надарила мно-
 «жество нарядовъ. Самъ-же знатный и
 «великолю́бный нашъ зять, къ счастью,
 «не такъ щедръ. Кромъ подарка, сдѣлан-
 «наго, по обыкновенію, послѣ сватьбы,
 «ничего болѣе онъ не дарить, и я этому
 «чрезвычайно рада, потому, что непріят-
 «но быть обязанною человѣку, котораго
 «уважать и любить, какъ роднаго брата,
 «я не могу.

«Мы живемъ здѣсь довольно весело. Са-
 «ми выѣзжаемъ, и къ намъ многіе ѣздятъ.
 «Кромъ того, что я пользуюсь люби-
 «мымъ моимъ удовольствіемъ: ѣзжу ча-
 «сто въ Театръ, мнѣ удалось быть и на
 «нѣсколькихъ балахъ. Графиня Авдотья
 «Матвѣевна Хлестова (родная сестра Кня-
 «зя Рамирскаго) давала, нарочно для мо-

«тя сцена эта, какъ говорятъ, едва-ли не
 «кончится весьма непріятнымъ, трагиче-
 «скимъ пропеществіемъ. Одна злополучная
 «(Княгиня Альцестова, какъ я узнала по-
 «слѣ) представляла въ живыхъ картинахъ
 «Дидону. Ей должно было стоять непод-
 «вижно; но, къ несчастію, въ самое то
 «время, когда открылся занавѣсъ, никакъ
 «не могла она удержаться отъ чиханья и
 «кашля. Надобно-бъ было опустить зана-
 «вѣсъ, и тѣмъ-бы все кончилось; но, какъ
 «будто нарочно, не могли отыскать распо-
 «рядителя праздника. На сценѣ сдѣлалось
 «смятеніе, занавѣсъ не закрывался, а не-
 «счастливая Дидона продолжала чихать и
 «кашлять. Ты можешь себѣ представить,
 «какой всеобщій смѣхъ раздался по замъ!
 «Это такъ смѣшало и поразило Дидону,
 «что она упала въ обморокъ. Мужъ ея,
 «бывшій въ числѣ зрителей и сидѣвшій
 «назадъ, растолкавъ всѣхъ, вскочилъ на
 «сцену, и на рукахъ своихъ вынесъ ее въ
 «другую комнату. Опомнившись отъ обмо-

«рока, она тотчасъ уѣхала домой, и те-
 «перь ей, бѣдной, никуда показаться не
 «льзя: ее иначе не называютъ въ обще-
 «ствѣ, какъ *чихающею Дидоною*. Сколько
 «было разныхъ толковъ и слуховъ объ
 «этомъ, точно можно сказать, несчастномъ
 «происшествіи! Всякій рассказываетъ по
 «своему. Между прочимъ слышала я, что
 «будто открывается самая дерзкая злоу-
 «мышленность. Наглый шалунъ *Эней*, го-
 «ворять, былъ влюбленъ въ Княгиню
 «Альцестову, сватался, получилъ отказъ,
 «и вздумалъ отмстить ей такимъ гласнымъ
 «посрамленіемъ. Передъ самымъ подняті-
 «емъ занавѣса, бросилъ онъ на воздухъ
 «горсть крыкаго нюхательнаго табаку, и,
 «какъ утверждаютъ, уговорилъ распоря-
 «дителя праздника нарочно уйдти на это
 «время со сцены. Взыщенный мужъ, ска-
 «зываютъ, хочетъ вызвать на дуэль обо-
 «ихъ дерзкихъ шалуновъ. Но къ чему
 «приведетъ дуэль? Альцестова уже на вѣкъ
 «сохранить названіе *чихающей Дидоны*.

«Странно, что всѣ такого рода увеселенія: благородные спектакли, шарады въ дѣйствіи, живыя картины, сюрпризы, почти всегда оканчиваются какимъ нибудь неудовольствіемъ. При мнѣ разсказывала одна, незнакомая мнѣ дама, что въ какомъ-то городѣ случилась, при представленіи живыхъ картинъ, совсѣмъ неожиданно, большая непріятность, которую съ трудомъ могли окончить милолюбиво. Передъ началомъ представленія былъ Прологъ, въ которомъ хотѣли сказать нѣсколько комплиментовъ дамамъ, взявшимъ на себя роли—хвалили, разумеется, ихъ красоту; но чтобы и зрительницы не обидѣлись, сказано было и на ихъ счетъ нѣсколько привѣтствій; въ этомъ-же отношеніи упомянули въ Прологѣ о дамахъ, которыя отказались отъ участія въ представленіи, назвавъ и ихъ по именамъ. Разсказывавшая намъ дама утверждала, что точно не имѣли въ виду—и это весьма вѣроятно — не только

«оскорбленія ихъ, но, напротивъ, думали
«оказать вѣжливость, и сказанное на ихъ
«счесть въ Прологъ: жестокосердыя кра-
«савицы, слѣдовало имъ принять за ком-
«плиментъ. Но все истолковано было въ
«противномъ смыслѣ: многіе перессорились
«между собою, и даже доходило было до
«дуэлей. Насиму, кое-какъ, уладили и по-
«мирились; но нѣсколько старинныхъ дру-
«жескихъ связей разрушилось навсегда
«черезъ этотъ неудачный Прологъ.

«Всякій имѣетъ свой образъ мыслей, и
«смотреть на вещи по своему. Я еще по-
«вторю: мнѣ кажется, что женщинъ на-
«добно вооружиться необыкновеннымъ му-
«жествомъ, рѣшившись выставить себя на
«показъ, при множествѣ незнакомыхъ ей
«людей. Обращаюсь опять лично къ себѣ.
«Ты сама знаешь, что разсыянная жизнь
«мнѣ всегда скоро надоѣдаетъ, и остав-
«ляетъ въ душѣ какую-то тягостную пу-
«стоту. Мнѣ очень не хочется бѣжать съ
«нашими молодыми въ ихъ Никольское,

«деревню Князя Рамирскаго, гдѣ готовят-
 «ся весьма большіе праздники. Очень-бы
 «желала я поскорѣе къ вамъ; особенно-
 «же съ тѣхъ поръ, какъ я узнала, что
 «тетушка Прасковья Васильевна прѣвха-
 «ла въ нашу сторону. Съ удовольствіемъ
 «готова отказаться, и не быть свидѣтель-
 «ницею торжественнаго прибытія моло-
 «дыхъ въ ихъ великолѣпные чертоги, въ
 «Никольскомъ. О заведеніяхъ своихъ, о ка-
 «менномъ большомъ домѣ, о садѣ, расска-
 «зываетъ часто Князь Борисъ Матвѣевичъ,
 «съ особенною охотою. Лизанька наша на-
 «передъ восхищается, воображая себѣ,
 «какъ прѣдугъ къ нимъ сосѣди, и какъ
 «она будетъ принимать и угощать ихъ.
 «Она убѣдительно проситъ меня ѣхать
 «съ нею; но мнѣ въ десять разъ было-бы
 «пріятнѣе поскорѣе съ тобою увидѣться.
 «Скромный, небольшой вашъ домикъ, про-
 «стота въ обращеніи, непритворная весе-
 «лость твоего мужа, твое счастье, и вооб-
 «ще вашъ образъ жизни, гораздо при-

«сличнѣе и ближе къ моимъ сердечнымъ
«склонностямъ, нежели высокомеріе, напы-
щенность и принужденная улыбка вы-
сокопочтеннаго и надменнаго Сіятельства,
«Князя Бориса Матвѣевича....»

Такого мнѣнія была Софья о знатномъ
зятѣ своемъ, но она просила Катерину
не показывать писемъ ей матери, «потому
«что,» прибавляла Софья, «я еще не такъ
«хорошо узнала характеръ Князя, и, мо-
«жетъ быть, ошибаюсь въ моемъ заклю-
«ченіи. Зачѣмъ-же, безъ всякой нужды и
«преждевременно, тревожить маменьку?»
Въ письмахъ своихъ къ матери сообщала
Софья только, что ей весело; описы-
вала, съ кѣмъ изъ старыхъ знакомыхъ
встрѣтилась, у кого была, и проч.

Черезъ нѣсколько дней, послѣ получе-
нія Катериною письма отъ Софьи, моло-
дые наши, а также и Софья, совсѣмъ не-
ожиданно, пріѣхали изъ Москвы къ ма-
тери, въ Надежино. Князь Рамирскій, по
убѣдительной просьбѣ жены своей, со-

гласился сдѣлать сюрпризъ старушкѣ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, доставить сестрамъ удовольствіе повидаться съ братомъ, который пріѣхалъ тогда, на короткое время, изъ степныхъ деревень своихъ. Софья, сверхъ того, имѣла большое желаніе видѣться поскорѣе съ крестною своею матерью, Прасковьею Васильевною Свіяжскою: она уважала ее, и была привязана къ ней еще изъ дѣтства. Аглаевы тотчасъ явились, узнавъ о пріѣздѣ сестеръ, и Холмская, среди всего семейства своего, видя кругомъ себя милыя для нея, довольныя и веселыя лица, была въ полной мѣрѣ счастлива.

ГЛАВА VI.

« Femmes, n'aspirez point à l'empire; obtenez le crédit. »

St. LAMBERT.

« Женщины! старайтесь не властвовать, но приобрести доверенность. »

СЕНТЪ-ЛАМБЕРТЪ.

Во время бытности Софьи въ Москвѣ, предсталъ къ матери ея, совсѣмъ неожиданно, чудесный женишокъ, ближній соседъ Аглаева, отставной 14-го класса чиновникъ, Князь Яковъ Сергѣевичъ Старовѣковъ. Онъ былъ человекъ молодой, не

Сем. Хол. Ч. I. 5

дурень собою, имѣлъ порядочное состояніе: все это хорошо. Но самыя главныя и существенныя достоинства его состояли въ томъ, что онъ былъ, за непонятливость къ наукамъ и совершенную неспособность, выпущенъ 14-мъ классомъ изъ Кадетскаго Корпуса, былъ въ гласной враждѣ и ябедническомъ процессѣ съ родными братьями, обходился дурно съ своими крестьянами, велъ какой-то странный образъ жизни, ни съ кѣмъ не былъ знакомъ и, какъ носился слухъ, не рѣдко пилъ запоемъ. Онъ часто видалъ Софью у обѣдни, въ приходской своей церкви; Софья давно ему нравилась, но никакъ не собралъ онъ до того времени смѣлости — попросить кого нибудь, чтобы его познакомили въ домъ Холмской.

Всегда, послѣ обѣдни, Князь заходилъ на рюмку ерофенча къ Священнику, и теща Священника, старая попадья, замѣтивъ привязанность Его Сіятельства къ Софьѣ, взялась хлопотать за него. Она

была имъ уполномочена, и тотчасъ, въ видѣ свахи, отправилась къ старой Холмской. Прежде всего, разумѣется, объяснила сваха: сколько за Его Сіятельствомъ душъ, земли. лѣсу, покосовъ, лошадей, рогатаго скота и овецъ; далѣе пересчитала все серебро его, въ разныхъ издѣліяхъ. Вообще увѣряла она, что у Князя видимое и невидимое множество разнаго богатства. Потомъ, слегка коснулась нравственныхъ его свойствъ. «Правда» — сказала сваха — «Его Сіятельство немного своеобычливъ и не такъ-то хорошо обходится съ своими людьми; но какъ-же быть, матушка? Людямъ надобенъ страхъ. — Шила въ мышь не скроешь», прибавила сваха. — «Вы вѣрно изволили слышать, что Его Сіятельство иногда также придерживается рюмочки, и что у него много сударокъ. Печего грѣха таить — и это все правда; но молодая жена, такая разумница, какъ Софья Васильевна, остановитъ его отъ всякаго художества. А она такъ-

то ему приглянулась, что, не смотря на княжество и *богатство* свое, и спать и видеть Князь какъ-бы на ней жениться.» Холмская насилу могла удержать негодование свое, потому, что дурная нравственность, сумасбродство и глупость этого 14-ти класснаго Князя были слишкомъ гласны. Свіяжская замѣтила, что Холмская краснѣетъ отъ досады, и приняла на себя трудъ отвѣчать свахѣ. Она просила поблагодарить Князя за честь, и сказать, что Софья Васильевна слишкомъ еще молода, и что нескоро расположены отдавать ее за-мужъ.

Въ то-же время, когда попадья такъ удачно исполняла свое порученіе, женихъ, бывъ увѣренъ изъ словъ краснорѣчивой свахи, въ неперемѣнномъ успѣхѣ, отправился, по совѣту ея, рекомендовать себя, какъ уже близкаго будущаго родню, къ сосѣдямъ своимъ Агласвымъ. Они съ изумленіемъ слышали о предложеніи его. Катерина вспыхнула отъ досады, но удерж-

жалась, и, какъ будто предвидя отвѣтъ, сдѣланный свяхъ, тоже сказала Князю, что Софья еще очень молода, и ей известно навѣрное, что маменька не отдастъ Софьи теперь, тѣмъ болѣе потому, что она осталась одна при ней.

Тотчасъ, по отъѣздѣ Князя, Аглаевъ съ женою отправился къ матери. Въ смѣшномъ видѣ разсказалъ онъ о предложеніи и рекомендаціи Князя Старовъкова, представляя въ лицахъ всю сцену, передразнивалъ, говорилъ его языкомъ: всѣ отъ души смѣялись.

«Да что это за чудакъ?»—спросила Свѣяжская.—«Я давно слышу объ его проказахъ; онъ-же еще, говорятъ, при всей глупости своей, большой ябедникъ. Прежде мало интересовалась я знать подробности его жизни; теперь-же пришлось кетати. Разскажи мнѣ, Петръ Ѳедоровичъ, объ этомъ прелестномъ женничкѣ нашей Сонички. Вотъ какую чудесную побѣду она сдѣлала, совсѣмъ не думавши!»

«Трое братьевъ, Князья Старовъковы — сказалъ Аглаевъ — точно необыкновенное явленіе въ наше время. Они служатъ доказательствомъ, что не смотря на всѣ усилія благонамѣреннаго Правительства о распространеніи общаго просвѣщенія, во всѣхъ состояніяхъ, и тѣмъ болѣе въ дворянскомъ сословіи, сохранились еще у насъ — хотя, благодаря Бога, весьма немногіе — остатки нравовъ и обычаевъ, надъ которыми, въ свое время, забавлялись, которые обнаруживали и предавали общему посмѣянію — Великая Екатерина, въ своихъ комедіяхъ, Издатели прекрасныхъ и остроумныхъ Журналовъ *Живописца* и *Всякой всячины*, Фонъ-Визинъ, въ безсмертномъ *Недоросль*, и, назадь тому лѣтъ 40, Крыловъ и Клушинъ въ *Зритель*. Впрочемъ, эти несчастные Князья не виноваты: папенька воспиталъ ихъ въ нравахъ 15-го столѣтія. Старикъ недавно кончилъ жизнь, и заслуживаетъ вниманіе, какъ чудесный феноменъ въ моральномъ мірѣ. Надобно

дать вамъ нѣкоторое понятіе объ немъ самомъ.—Послѣ отца досталось ему большое состояніе и множество денегъ. Началь онъ, казалось, весьма романтически: послѣ смерти родителя своего вздумалъ жениться на бѣдной сиротѣ, воспитанной въ ихъ домѣ; но желалъ, чтобы невеста его соединилась съ нимъ брачными узами не иначе, какъ дозволивъ себя увезти. Онъ поставилъ лѣстницу къ ея окошку, и настоятельно требовалъ, чтобы она избрала этотъ путь: иначе никакъ не хотѣлъ онъ жениться. Восмеркою въ каретѣ проскакалъ онъ верстъ 20, и обвѣнчался тайно, въ чужомъ приходѣ. Онъ ни отъ кого не зависѣлъ, ему не было нужды скрываться, и сумасбродство его было неопостижимо. Но можно-ли было ожидать, послѣ такого романческаго вступленія въ супружество, слѣдствій совершенно противоположныхъ! Вообразите себѣ, что изъ всего огромнаго дома своего избралъ онъ одну самую дурную комнату, въ верхнемъ эта-

жѣ, гдѣ была вотчинная контора при его отцѣ. Тридцать лѣтъ никуда почти не выходилъ онъ изъ этой комнаты. Безпечность его простиралась до такой степени, что не только все было расхищено изъ дома дворовыми его людьми, но онъ равнодушенъ былъ и къ тому, что они выломали всѣ полы, и даже подлѣ той комнаты, гдѣ онъ имѣлъ всегдашнее свое пребываніе. Время свое Князь проводилъ слѣдующимъ образомъ. Онъ взялъ въ управители пьяницу, небогатаго дворянина, соседа своего. Всякій день тѣдили они въ гости другъ къ другу, то есть: въ комнату, по угламъ, опредѣлили они свои дома; на каждомъ окошкѣ были назначены постоянные дворы, или жительство котораго либо изъ соседей. Съ утра поставлены были на окошкахъ и по угламъ ерофейчъ, разныя водки, наливки, пиво, икра, ветчина, полотки, и всякаго рода закуски и напитки. День начинался тѣмъ, что каждый, выпивъ въ своемъ домѣ, по

два, или по три стакана сбитню, съ перцомъ и съ водкою, пускался въ *путь*, въ гости одинъ къ другому. Собесѣдники останавливались на каждомъ *перепутьѣ*, довершали дѣло въ *гостяхъ*, выпивъ по нѣскольку стакановъ пуншу, и оканчивали тѣмъ, что обоихъ, мертвецки пьяныхъ, клали безъ чувствъ въ постели. *Похищенная героиня*, жена Князя, съ горя, отъ такого образа жизни мужа, лишилась ума. Можно вообразить, какое воспитаніе получили дѣти отъ пьянаго отца и сумасшедшей матери! Они жили на своей волѣ, въ особомъ людскомъ флигелѣ, безъ всякаго надзора, и были несчастные дѣтей послѣдняго изъ слугъ своихъ, потому, что объ нихъ рѣшительно никто не имѣлъ никакого попеченія. Надъ двумя старшими сжалился Предводитель, взялъ ихъ изъ родительскаго дома, и опредѣлилъ въ Кадетскій Корпусъ. Меньшаго, семилѣтняго мальчика, хотѣлъ онъ также, года черезъ два, отдать туда-же; но, къ

несчастно, вскорѣ этотъ почтенный человекъ умеръ: мѣсто его замѣнилъ нынѣшній представитель нашего сословія, который хлопочетъ только объ одномъ себѣ. Злополучный Князекъ дошелъ наконецъ до того, что весь гардеробъ его, и зимній и лѣтній, состоялъ только въ одномъ заячьемъ тулупѣ. Онъ долженъ былъ даже и пропитаніе доставать себѣ воровствомъ, похищая пищу, или у поваровъ на кухнѣ, или у дворовыхъ людей. Изъ состраданія добрый дьячекъ выучилъ его кое-какъ Русской грамотѣ. По всему можно было предвидѣть, чего слѣдовало ожидать отъ молодаго человека, столь благовоспитаннаго.

«Но и тѣ два брата, которые были отданы въ Кадетскій Корпусъ, вскорѣ на самомъ опытѣ доказали, что они достойны родителей своихъ. Старшій, прелестный женишокъ сестры Софьи Васильевны, за лѣность, совершенную неспособность и нездоровье, отставленъ 14-мъ

классомъ, а другой выпущенъ въ армію офицеромъ, но также не долго служилъ. По возвращеніи 14-ти класснаго Князя въ родительскій домъ, сумасшедшая его маменька скоро скончалась, а отца, семидесяти-лѣтняго старика, принялъ онъ самъ въ руки, и началъ поступать съ нимъ такъ *деликатно*, что и тотъ въ непродолжительномъ времени отправился въ поля Елисейскія. Тутъ открылись новыя, блистательныя достоинства Князя: онъ захватилъ себѣ всѣ, оставшіяся послѣ отца, наличныя деньги и засмныя письма, сдѣлавъ на нихъ фальшивый переводъ на свое имя. Сверхъ того, самовольно, съ пособіемъ друзей, которые всегда въ такихъ случаяхъ являются, выдѣлилъ онъ себѣ лучшую часть въ имѣніи. Но друзья, желая воспользоваться большею частію отцовскихъ денегъ, такъ хорошо умѣли совѣтовать ему, что запутали его въ самый раззорительный процессъ. Средній братъ попался въ передѣлъ извест-

ному въ здѣшнихъ мѣстахъ ябеднику, отставленному за *подозрѣніе* во взяткахъ Секретарю. Старшій братъ избралъ себѣ такихъ-же достоинствъ руководителя. Къ меньшому, который еще до сихъ поръ недоросль, опредѣлень былъ того-же разбора опекунь. Всѣ эти достойные люди, съ пособіемъ Земскаго Суда, подвизались весьма успѣшно, и сдѣлались настоящими наслѣдниками родительскаго достоянія, въ наличныхъ деньгахъ и векселяхъ состоявшаго, и котораго братья раздѣлить сами между собою не умѣли.

«Недавно, приведя въ совершенное разстройство доставшесся имъ имѣніе, и войдя по процессу въ долги, кое-какъ раздѣлили они дѣревни. И вотъ, какой образъ жизни этѣхъ трехъ сіятельныхъ фигуръ:

«Старшій братъ мнѣ самый ближній сосѣдъ; наши земли смежны между собою. Мнѣ очень извѣстны подвиги его.

Онъ позволяетъ себѣ всѣ возможныя неистовства съ своими крестьянами; привелъ ихъ въ совершенную нищету, а что всего лучше и ссть обыкновенное послѣдствіе такого управленія имѣніемъ, онъ самъ черезъ то разстроился, и не получаетъ никакого дохода. Мужики его, безъ присмотра, спились съ круга, не занимаются земледѣльствомъ и устройствомъ домовъ. а воруютъ безсовѣстно у помѣщика своего лѣсъ, который въ здѣшнихъ мѣстахъ довольно дорогъ, продаютъ краденое за безцѣнокъ, и оставляютъ всѣ пріобрѣтенныя такимъ образомъ деньги въ кабакахъ. До какой степени простирается невѣжество этого Князя, можетъ показаться невѣроятнымъ. Онъ ведетъ самую странную, уединенную жизнь, никуда не ѣздитъ, и самъ никого къ себѣ не принимаетъ. Говорятъ, впрочемъ и весьма вѣроятно, что онъ пьетъ запоемъ. Очень рѣдко, можетъ быть разъ, или два въ годъ, бываетъ онъ у меня;

посвященія его продолжаются часа по четыре, и вы можете вообразить, какъ онъ мнѣ надоѣдаетъ, потому, что поддерживать съ нимъ разговоръ очень затруднительно. Однажды, говоря о томъ и о другомъ, спросилъ я: любить-ли онъ заниматься чтеніемъ, и какіе авторы ему нравятся? Онъ отвѣчалъ, что иногда читаетъ старинныя книги, найденныя имъ въ библіотекъ его покойнаго дѣдушки. А новѣйшіе авторы извѣстны-ли вамъ? спросилъ я у него. Въ это время читалъ я, вновь вышедшій тогда, послѣдній томъ *Исторіи государства Россійскаго*, Карамзина, и мнѣ хотѣлось знать: слыхалъ-ли онъ объ его сочиненіяхъ? Князь отвѣчалъ, что нѣтъ. На-смѣхъ, самъ не знаю, зачѣмъ, спросилъ я у него: извѣстны-ли ему творенія новѣйшихъ авторовъ, какъ-то, напримѣръ, *Сократа*? Онъ очень спокойно объявилъ мнѣ, что не любитъ читать, и никогда не читаетъ новыхъ авторовъ, и что вѣрно Сократъ, о кото-

ромъ я его спрашиваю, такой-же *фармазонъ*, какъ и прочіе.»

Всѣ помирали со смѣху. Свѣяжская сказала Аглаеву, расхохотавшись до слезъ, что этого быть не можетъ, и что онъ, просто, выдумалъ отъ себя такой вздоръ.

— Очень понимаю — продолжалъ Аглаевъ — что вамъ должно показаться невѣроятнымъ: какъ, въ наше время, Русскій дворянинъ можетъ быть до такой степени невѣждою? Но, я божусь вамъ, что это истинная правда. Впрочемъ, я сначала предупредилъ васъ, что рассказываю вамъ о Князьяхъ Старовѣковыхъ, какъ о необыкновенномъ явленіи въ наше время. Послушайте далѣе. Средній братъ, повѣрившій судьбу свою, какъ я вамъ прежде говорилъ, ябеднику и взяточнику, отставному Секретарю, попалъ въ полную его зависимость. Секретарь вздумалъ женить его на своей дочери, и однажды этотъ Князь, проведя цѣлый день у Секретаря, въ душеспасительномъ употреб-

ленія ерофеича и разныхъ наливокъ, очень удивился, узнавъ, въ то время, когда очнулся, что онъ женатъ, и что Анфиса Гавриловна, весьма некрасивая дочь Секретаря, сдѣлалась Княгинею Старовѣковою, подругою его на весь вѣкъ. Дѣло такъ и осталось. Но не смотря на всѣ прелести и настояніе своей супруги, Князь ведетъ такой-же образъ жизни, какъ старшій братъ, то есть—никуда не ѣздитъ и никого къ себѣ не принимаетъ; однакожъ расположился совсѣмъ иначе. Въ Корпусъ получилъ онъ нѣкоторыя познанія, и почитаетъ себя ученымъ, особенно-же въ *Математикѣ* весьма сильнымъ. Нѣсколько разъ удавалось ему слышать о бесполезныхъ усиліяхъ достигнуть изобрѣтенія вѣчнаго движенія (*perpetuum mobile*). Князь предпринялъ доказать, что это вещь возможная, и, не думавъ долго, приступилъ къ дѣлу: выстроилъ себѣ въ лѣсу небольшой домикъ, удалился отъ всѣхъ, собралъ разныхъ

мастеровыхъ своихъ, и уже нѣсколько лѣтъ занимается съ ними составленіемъ *вѣчнаго движенія*, изобрѣтаетъ, переправляетъ, вновь передумываетъ. Къ счастью его, что онъ предался такому *невинному* занятію, потому, что черезъ это, по крайней мѣрѣ, пересталъ онъ пьянствовать.

«Меньшой братъ ихъ, недоросль до сихъ поръ, малый лѣтъ слишкомъ двадцати, высокій, толстый, румяный, перешеголялъ всехъ братьевъ. Страсть его воровать, къ чему въ юности долженъ онъ былъ прибѣгать по необходимости, для пропитанія, усилилась до такой степени, что онъ обворовываетъ потихоньку собственныхъ своихъ крестьянъ, крадетъ у нихъ медъ, куръ, яицы, и прочій всякій вздоръ, и бываетъ часто отъ нихъ битъ за воровство; но онъ къ этому привыкъ съ малолѣтства. Любимыя его занятія состоятъ въ томъ, что съ другомъ своимъ, оставленнымъ за пьянство и дурное поведеніе Прапорщикомъ, ѣздитъ онъ

по одностороннимъ селамъ, особенно-же въ то время, когда бывають тамъ, подлѣ кабаковъ, мірскія сходки. Оба друга вмѣшиваются въ предметъ сужденія на такихъ сходкахъ, напиваются вмѣстѣ съ сельскими стариками до пьяна, и слѣдствіемъ этого бывають часто драки. Князь выстроилъ себѣ жилище особеннаго рода, собственнаго изобрѣтенія (дѣдовскій, огромный, каменный домъ никѣмъ не занятъ, и почти совсѣмъ развалился). Онъ выкопалъ въ землѣ яму, обложилъ ее кирпичемъ, сдѣлалъ въ ней сводъ, и назвалъ ее кузницею. Сверху ямы выстроилъ онъ, для собственнаго своего помѣщенія, двѣ или три комнаты, и надъ всѣмъ этимъ сдѣлалъ—что вы думаете?—вътрешнюю мѣльницу! Однакожь, при такомъ построеніи, имѣлъ онъ необыкновенную предусмотрительность и соображеніе: въ такъ называемой кузницѣ—курить онъ потихоньку хлѣбное вино, для собственнаго употребленія и для корчемства, а въ вътрешной

мѣльницѣ, какъ въ благонадежномъ убѣжищѣ, сохраняетъ, что успѣеть гдѣ украсть. Такой помѣщикъ сокровище для Земскаго Суда; просьбы, разумѣется, подають на него безпрестанно, и слѣдствія никогда не прекращаются. Если въ уѣздѣ нѣтъ никакой другой поживы, то Судъ отправляется для прокормленія въ деревню Князя, которая до сего времени называется: *имѣніе малолѣтняго.*»

Холмская и Свіяжская утверждали, что не лѣзя върять, въ наше время, существованію между дворянами такихъ мерзавцевъ и дураковъ, какими описалъ онъ трехъ братьевъ Князей Старовѣковыхъ. Аглаевъ подтвердилъ, что онъ рѣшительно ничего отъ себя не выдумалъ; но если рассказъ его можетъ казаться невѣроятнымъ, то спорить объ этомъ не станетъ. «Къ счастью» — прибавилъ Аглаевъ — «мое повѣствованіе можетъ уже казаться *выдумкою*; но что есть еще такого рода дворяне, хотя, благодаря Бога, весьма и

весьма ихъ немного, то это точно справедливо. Впрочемъ, совсѣмъ не интересный разсказъ мой объ этихъ трехъ братьяхъ не служить-ли доказательствомъ, что не въ одной Англіи бываютъ чудачки? И у насъ, въ обширномъ нашемъ отечествѣ, чего хочешь, того просишь: найдутся молодцы всякаго разбора. Но, замѣьте однакожъ, что всѣ подвиги братьевъ Князей Старовѣковыхъ имѣютъ свой собственный отпечатокъ *національности* и нравовъ прошедшаго столѣтія. Въ Англіи сумасбродство бываетъ совсѣмъ другаго рода.»

По пріѣздѣ Софьи сѣвшили возвѣстить ей о побѣдѣ. Аглаевъ долженъ былъ опять повторить повѣствованіе свое. Всѣ снова отъ души смѣялись, кромѣ Князя Рамирскаго: онъ хладнокровно выслушалъ, ни разу не улыбнулся, и сказалъ, что все это довольно забавная выдумка, но что онъ никакъ не можетъ повѣрить существованію въ наше время такихъ дворянъ. Сомнѣніе свое Князь изъяснилъ въ вы-

раженіяхъ весьма неосторожныхъ. Алексѣй Холмскій былъ того-же мнѣнія, и, совсѣмъ не кстати, вздумалъ убѣждать Софью—не отказывать богатому жениху. Она преодолѣла справедливое негодованіе противъ брата, и замѣтивъ притомъ, что Агласъ обидѣлся словами Князя Рамирскаго, старалась все обратить въ шутку, давая постепенно другое направленіе общему разговору, стала рассказывать Московскія новости, и наконецъ умѣла все уладить и заставить позабыть глупое сватовство, которое впрочемъ не имѣло никакихъ дальнѣйшихъ послѣдствій. Князь Яковъ Сергѣевичъ, возвратясь домой, прибилъ, отъ досады на неудачу свою, нѣсколько людей, понавшихся ему кстати подъ руку, пьянствовалъ съ горя недѣли двѣ, и тѣмъ все кончилось. Обратимся къ Рамирскимъ.

«Какой пріятный сюрпризъ ты намъ сдѣлала, милая Лизанька,» — сказала ей

Катерина, прогуливаясь вмѣстѣ съ нею и Софьею въ саду, въ Надежинѣ.—«Какъ добръ мужъ твой, что согласился на твое желаніе, нечаянно насъ обрадовать!» Елисавета посмотрѣла на Софью, и улыбнулась.—«Что значить эта улыбка?» спросила Катерина.—Ничего—отвѣчала Елисавета.—Мы съ супругомъ моимъ имѣли маленькій. . . . ничего болѣе — маленькій, дружескій разговоръ объ этомъ посѣщеніи.—«Но никакой непріятности, надѣюсь, между вами не было?»—Совсѣмъ никакой; я объяснялась осторожно, и ничего лишняго не сказала. Софья была свидетельницею, хотя она и молчитъ теперь. Впрочемъ, довольно-бы смѣшно было, молодой и недурной собою женщиной, и еще въ первые мѣсяцы супружества, не пользоваться своимъ правомъ! Я крепко стояла за себя и, какъ видишь, одержала побѣду. Не знаю, Софья, отъ чего ты такъ сердито смотришь? Я ссылаюсь на самое тебя: не правда-ли, что я объясня-

лась съ мужемъ моимъ покорно и вѣжливо?

— Прекрасная вѣжливость и покорность! отвѣчала Софья. — Ты просто смѣялась надъ нимъ, и безъ всякихъ околнчностей говорила, что настоятельно требуешь исполненія твоего желанія. Я не понимаю, какъ ты не замѣтила, что мужъ твой принялъ съ большою непріятностію ироническій, и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительный тонъ твой. Повѣрь, что онъ недолго будетъ терпѣть такое странное обращеніе. Послушайся моего совѣта: разсмотри сама характеръ твоего мужа и будь впередъ осторожнѣе.

«Видно тебѣ вѣкъ оставаться въ дѣвкахъ!» — отвѣчала съ неудовольствіемъ Княгиня Рамирская. — «Вотъ въ чемъ дѣло» — продолжала она, обращаясь къ Катеринѣ: «супругъ мой большой охотникъ до лошадей, и любить беречь ихъ; ему казалось, что забзжать сюда будетъ крюку верстъ пятьдесятъ, что дорога тяже-

ла, и лошади его измучатся, а занимать въ сторону, говорилъ онъ, дорого. Можно-ли было слушать равнодушно такой вздоръ? Я имѣла-бы право просто разсердиться за мелочную его расчетливость, но удержалась, и шутила только надъ великимъ его благоразуміемъ и бережливостію. Терпѣть не могу скупости, и, во что-бы то ни стало, непременно хочу исправить мужа отъ этого порока. Пока, прошу тебя, Софья, вмѣстѣ съ нами въ Никольское, потому, что нѣжная привязанность Князя къ лошадямъ, можетъ быть, не допустить его прислать сюда за тобою экипажъ.

— Я подумаю объ этомъ — отвѣчала Софья; — при томъ же у маменьки есть свои лошади, и мы можемъ обойтись безъ присылки. Мнѣ, признаюсь, очень-бы хотѣлось пожить съ Катинькою здѣсь, пока окончатся всѣ ваши визиты, балы и угощенія: отъ всего этого благодаря Бога, она избавлена.»

«У меня немного было хлопотъ,» сказала, съ веселою улыбкою, Катерина. «Домикъ у насъ небольшой; принимать многихъ не лзя; приехали родные и нѣсколько добрыхъ пріятелей; я угостила ихъ, безъ всякихъ церемоній, чѣмъ могла. Шампанскаго у насъ нѣтъ, а домашнія наши наливки всѣмъ понравились. Нарядиться мнѣ не было нужды, да ежели-бы я и хотѣла, то не во что. Въ обыкновенномъ всѣдневномъ платьѣ принимала я гостей моихъ. Впрочемъ, будь у насъ и великолѣпный домъ, щегольскіе экипажи, дорогія вещи, — кажется мнѣ, все это не прибавило-бы ничего къ моему счастью.»

— Однакожь —возразила Елисавета — ты должна признаться, что гораздо пріятнѣе жить въ спокойномъ, тепломъ домѣ, нежели въ какой нибудь хижинѣ, ѣздить въ каретѣ, а не въ бричкѣ, или на дрожкахъ, носить жемчугъ и брильянты, вмѣсто какого нибудь ожерелья изъ ко-

Сем. Хол. Ч. I. 6

рольковъ. Впрочемъ, у всякаго свой вкусъ, и мы обѣ съ тобою счастливы, имѣя то, чего мы желали и что любимъ.

Софья старалась скорѣе перервать этотъ разговоръ, замѣтивъ, что Катерина оскорбилась словами сестры, и всего болѣе пототу, что приѣхала съ мужемъ на дрожкахъ, и на ней было ожерелье изъ корольковъ.

Въ это время мужа сестеръ ея подошли къ нимъ.

«Я удивляюсь, Княгиня,» сказалъ мужъ Елисаветы, «что ты, вскорѣ послѣ дождя, когда еще не просохло, и съ деревьевъ капить, вышла гулять въ шляпкѣ, которая стоитъ слишкомъ сто рублей, въ кружевномъ вуалѣ и въ шелковыхъ, цвѣтныхъ башмакахъ! Все это однимъ разомъ такъ можно испортить, что послѣ никуда не будетъ годиться.»

— Правда—отвѣчала Елисавета.—Притомъ-же я промочила ноги, и у меня вѣр-

но будетъ насморкъ, а башмаки мои (она указала на нихъ) теперь надобно бросить.

«Бросить? А вы, сударыня, кажется, изволили заплатить за нихъ десять рублей ассигнаціями, на вашемъ Кузнецкомъ мосту!» продолжалъ Князь съ явнымъ негодованіемъ.

— Ахъ, да, я точно заплатила эту ужасную цѣну! — отвѣчала Елисавета со смѣхомъ.

«Совсѣмъ нѣчему смѣяться» — возразилъ Князь Рамирскій, съ величайшею запальчивостію. «Небрежность ваша, невниманіе, мотовство вовсе не забавны. Почему не надѣть колошъ, или башмаковъ на толстой подошвѣ?»

— Какое нѣжное вниманіе о моемъ здоровьи! — сказала Елисавета съ насмѣшливою улыбкою. — Думаю такъ потому, что ни чему другому не должна я приписывать твою запальчивость; это конечно очень лестно для меня; но на что мнѣ калоши? Я до сихъ поръ простуды не

знаю, да и ходить не большая охотница; я люблю больше ѣздить, и воронымъ твоимъ порядочно достанется, когда мы будемъ жить въ Никольскомъ. Будь увѣренъ, что я, по крайней мѣрѣ, по двадцати верстъ всякій день стану кататься на нихъ.

Князь Рамирскій хотѣлъ было отвѣчать, но увидя, что Свѣяжская подходитъ къ нимъ, скрѣпился и поблѣднѣлъ отъ досады. Елисавета, не смотря ни на что, продолжала насмѣхаться надъ его бережливостію и привязанностію къ лошадямъ. Свѣяжская, подошедшая въ это время, замѣтила, что между ними вышла какая нибудь непріятность.

«А! здравствуйте, тетушка! Вы что-то задумались?—продолжала спокойно Елисавета.—Не хотите-ли, мы васъ развеселимъ? Послушайте важное сужденіе наше о цѣнѣ башмаковъ и о воронихъ лошадяхъ.»

— Насмѣшливость не есть признакъ ума и доброты сердца — сказалъ Князь

Рамірскій, и пошелъ прочь большими шагами.

Катерина, съ мужемъ и съ братомъ, еще прежде ушла въ другую аллею. Софья, со слезами на глазахъ, смотрѣла на Свѣяжскую. «Что все это значить?» спросила старушка.

— Ничего, сушій вздоръ! — отвѣчала Елисавета, принужденно улыбаясь. Она сама была изумлена неожиданнымъ запальчивостью своего мужа. Это былъ еще первый для нея опытъ!

«Совсѣмъ не вздоръ.» возразила Софья. «Другъ мой Лизанька! остерегись; ты готовишь себѣ много горя, ежели не перемѣнишь своего обращенія съ мужемъ. Ты вывела его изъ терпѣнія и сильно оскорбила вѣтренностью и безразсудностью своею. У него такой характеръ, что ежели ты будешь далѣе также поступать съ нимъ, то сама на опытъ увидишь, какія изъ этого могутъ быть послѣдствія. Послушайся меня: поди къ нему, поста-

райся успокоить его и окончить эту неприятность, а болѣе всего побереги маменьку! Сохрани Богъ, ежели она замѣтитъ, что вы начинаете ссориться. . . . Это убьетъ ее!»

— Мнѣ подойти къ нему!—отвѣчала Елисавета. — Мнѣ совѣтуешь ты первой уступить! Но ты не знаешь, что теперь-то настоящее время показать настойчивость и силу характера: надобно, чтобы онъ пришелъ просить у меня прощенія.

«Настойчивость и силу характера!» — сказала Свѣжская. — «Эти безразсудныя слова, несвойственныя ни въ какомъ отношеніи женщинъ, часто нарушаютъ супружеское счастье. И тебѣ угрожаетъ тоже, ежели ты заблаговременно не остережешься. Несчастный и жалкій характеръ той жены, которая хочетъ взять поверхность надъ своимъ мужемъ; да и вообще, кажется мнѣ, разсудительной женщинѣ не должно даже и думать о томъ, чтобы власт-

зовать: это совсѣмъ не нашъ удѣлъ. Сила характера женщины обнаруживается въ смиреніи и въ твердомъ исполненіи обязанностей здѣшной жизни. А въ чемъ состоятъ обязанности замужней женщины? Способствовать всѣми силами счастію чело-вѣка, съ которымъ соединила она судьбу свою вѣчными, неразрывными узами. Разсмотри сама хладнокровно: исполняешь ли ты свою обязанность? Послушайся меня, другъ мой, Лизанька: я помню, какъ ты родилась, и имѣю право, по дружбѣ моей съ твоею матерью, говорить тебѣ такимъ языкомъ. Постарайся примириться съ мужемъ; теперь еще это легко; но, можетъ быть, въ скоромъ времени будетъ уже поздно! Повѣрь, другъ мой, что укротить оскорбленное самолюбіе мужчины—совсѣмъ не бездѣлица.»

Елисавета привыкла съ малолѣтства уважать Свѣяжскую. Она тотчасъ пошла къ мужу, и увидѣла, что онъ разсердился на нее гораздо болѣе, нежели она ду-

мала. Съ трудомъ могла она уговорить его и помириться съ нимъ.

«Ты обидѣла и оскорбила меня,» сказалъ ей Князь. «Не могу скрыть отъ тебя не только огорченія моего, но и большаго удивленія. Подумай: можно-ли обходиться такимъ образомъ съ мужемъ? Насмѣхаться надъ нимъ, и выставять его передъ всѣми дуракомъ! Вообще, я ненавижу колкія шутки; блестящее, мнимое остроуміе на счетъ другаго очень обидно; и какая цѣль обидѣть человѣка—и кого еще? Мужа, который, ежели бы и въ самомъ дѣлѣ былъ виноватъ, то имѣеть право требовать уваженія и снисходительности отъ жены. Но кончимъ. Ты говоришь, что сама жалѣешь и раскаиваешься въ своей вѣтренности; я . . . постараюсь забыть твое оскорбленіе.»

Миръ, совсѣмъ не отъ души, и холодный поцѣлуй—вотъ все, до чего достигнула Елисавета, смирившись и унижившись передъ мужемъ!

Князь Рамирскій старался скрыть передъ Холмскою чувство своего неудовольствія; но разсудительная и прощительная Софья наблюдала за нимъ втайнѣ. Запальчивость его сдѣлала надъ нею впечатлѣніе гораздо сильнѣе, нежели надъ самою Елисаветою; она замѣтила, что Князь притворяется, хочетъ казаться веселымъ, но негодованіе его совсѣмъ не прошло. Она увѣрилась, что мужъ Елисаветы злопамятенъ, и — не ошиблась, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи сего.

ГЛАВА VIII.

« La vengeance s'éteint, le justice fait grâce,
« l'orgueil blessé ne pardonne jamais. »

ДЕМОУТИЯ.

« Мщеніе гаснетъ, правосудіе милуетъ, но оо-
« боръзненная гордость не прощаетъ никогда. »

ДЮМЬЕКЪ.

Нѣсколько дней продолжался гнѣвъ
Князя Рамирскаго; жена его съ горестію
увѣрилась, что повелѣвать имъ совсѣмъ
не такъ легко, какъ она воображала. Но,
урокъ, данный ей мужемъ, хотя грубо

и безъ всякой нѣжности, не остался безполезнымъ.

Во все время пребыванія своего у матери, Елисавета строго наблюдала за собою, и никакого неудовольствія между ею и мужемъ не произошло. Только передъ самымъ отъѣздомъ, предложеніе, сдѣланное Свіяжскою, и согласіе Елисаветы, безъ позволенія мужа, было поводомъ къ возобновленію прежней сцены. Свіяжская, собираясь въ свою подмосковную, хотѣла взять Софью, съ тѣмъ, чтобы Рамирскіе, въ проѣздъ домой, заѣхали за нею. Елисавета согласилась, тѣмъ болѣе, что они должны были и безъ того побывать съ визитомъ у Свіяжской.

«Вы совсѣмъ забыли, сударыня, что лошади мои и такъ измучены," сказалъ Князь Рамирскій женѣ своей, «и что заѣзжать къ Прасковѣ Васильевнѣ будетъ около ста верстъ крюку. Притомъ же, приѣхавши въ Никольское, надобно намъ опять путешествовать, нѣсколько дней сря-

ду, съ визитами къ сосѣдямъ, а лошади у меня совсѣмъ не желѣзныя: испортить ихъ очень легко. Женщины понятія не имѣють о дорогахъ; по вашему, заѣхать отсюда въ Кіевъ не будетъ никакого лишка! И что за фантазія? Почему Софья Васильевна не ѣхать вмѣстѣ съ нами, какъ мы располагали прежде, и не пробыть у насъ нѣсколько дней, пока всѣ разъѣдутся? Веселости будутъ совсѣмъ не такъ продолжительны, какъ вы думаете. Сестра, Графиня Авдотья Матвѣевна, придетъ изъ Москвы, съ дочерьми; сосѣдей новой хозяйкѣ также пригласить надобно; но все это, надѣюсь, кончится въ нѣсколько дней. Тетушка отказалась быть у насъ на это время, но она, сдѣластъ одолженіе, придетъ послѣ: тогда и можетъ она взять съ собою сестру Софью Васильевну.

— Намъ должно не шутя объясниться — отвѣчала Елисавета, съ горькою улыбкою. — Мнѣ хочется знать, до какой

степени могу я располагать собою: могу-ли я чего нибудь желать, или не должна имѣть вовсе ни какой собственной воли? До сихъ поръ, кажется, на самомъ опытѣ совершается со мною старинная пословица: «Счастливъ тотъ, кто не имѣетъ никакихъ желаній.»

«Это такая истина, противъ которой я спорить не буду,» сказалъ Князь Рамирскій, съ неудовольствіемъ. «Очень радъ, что хоть въ этомъ мы согласны.»

Елисавета сдѣлала надъ собою большое усиліе, и не произнесла ни одного слова. Молчаніе продолжалось нѣсколько минутъ. «Ты поѣдешь съ нами, Софья? Не правда-ли? Ты сдѣлаешь мнѣ это удовольствіе?» сказала она наконецъ, умоляющимъ голосомъ, со слезами на глазахъ. Софья желала-бы гораздо лучше пробывать это время съ Свѣяжскою и съ сестрою Катериною; но она поставила правиломъ: всегда предпочитать полезное пріятному. Думая, что ея присутствіе въ

Никольскомъ, и довѣренность и уваженіе къ ней Елисаветы предупредятъ, можетъ быть, много неудовольствій, она рѣшилась ѣхать съ Елисаветою.

По распоряженію Князя Рамирскаго, ей должно было сѣсть въ бричку, съ горничною дѣвкою, потому, что прочіе экипажи, и людей, отправилъ онъ заблаговременно домой, и для сбереженія лошадей велѣлъ ѣхать шагомъ, а самъ, съ женою, остался на легкѣ, въ одной коляскѣ и бричкѣ. Но и эта глупость и невѣжливость Князя не остановили Софьи. Она утвердилась въ мнѣніи своемъ о надменности и ничтожности Князя Рамирскаго, который полагалъ, что сдѣлалъ большую честь Холмскимъ, женившись на Елисаветѣ безъ приданаго, и за то почиталъ себя въ правѣ требовать отъ нихъ безусловнаго и слѣпаго повиновенія. Софья знала характеръ сестры своей, и, по всей справедливости, опасалась, что вѣтренность ея и склонность къ власто-

любію завлечь ея далеко, и могут имѣть самыя несчастныя послѣдствія. Свѣ-
 яжская была одного мнѣнія съ Софьею, одобрила ея намѣреніе ѣхать съ сестрою и общалась, когда окончатся веселости въ Никольскомъ, сама приѣхать туда за нею.

Но Катеринѣ такое распоряженіе совсѣмъ не понравилось. Мысль о долго-
 временной разлукѣ съ Софьею была ей тягостна. Она любила ея и дружеская связь ихъ утвердилась съ самаго дѣтства.—Скажемъ нѣсколько словъ объ Аглаевыхъ.

Катерина смотрѣла въ это время на свое положеніе въ настоящемъ только времени, и ей казалось, что она избрала ближайшій путь къ счастію. Хотя была увѣрена, что ни въ какомъ состояніи въ мірѣ нѣтъ вѣрнаго и совершеннаго благополучія; но надѣялась, что покорностію воли мужа, вниманіемъ, угодливостію и бережливостію, столь необходимою при

небольшомъ ихъ состояніи, достигнеть она своей цѣли. Ей казалось, что у мужа ея тихій и добрый характеръ. Хотя она сама замѣчала, еще прежде, нѣкоторую склонность его къ мотовству, но думала, что съ лѣтами все это пройдетъ. Съ самаго дѣтства она была приучена къ хозяйству и бережливости. Примѣръ матери, которая, съ небольшимъ состояніемъ, умѣла жить всегда порядочно, не разстроивая себя и не дѣлая долговъ, былъ у нея передъ глазами. Впрочемъ, уже давно привыкла Катерина ограничивать свои желанія самымъ тѣснымъ кругомъ; она надѣялась, что мужъ ея не будетъ тяготиться тихою, уединенною жизнію, и роптать на ея бережливость; притомъ-же хотѣла она воспользоваться склонностью его къ Литтературѣ, думала поощрить и направить его на это поприще.

Сколько удовольствій представляло ей воображеніе! У нихъ была комната, которую они называли *библіотекою* (и въ

самомъ дѣлѣ, въ послѣдствіи времени, по милости Свѣжской, эта комната носила не пустое названіе). Какъ часто Аглаевъ, сидя въ ней, съ женою, которая занималась своею работою, и читая ей стихи свои, или любимыхъ его Французскихъ Авторовъ: Милльвуа, Ламартина, и Русскихъ Поэтовъ того-же разряда, клялся, что нѣтъ человека счастливѣе его во всей вселенной, и что онъ желаетъ только весь вѣкъ прожить такъ, какъ живетъ теперь!

Предполагаемая имъ передѣлки въ домѣ, по мнѣнію его, были необходимы, и долженствовали стоять бездѣлицу. Пылкое воображеніе Аглаева представляло ему все въ прелестномъ видѣ. Онъ краснорѣчиво доказывалъ, какъ имъ будетъ послѣ того спокойно. Катерина видѣла, что мысль объ этомъ дѣлала его счастливымъ; притомъ-же и сама думала, что предполагаемая перемѣны и перестройки точно будутъ стоять сущую бездѣл-

ку, и что мужу ея надобно еще какое-нибудь другое занятіе, кромѣ Литтературы: одно и тоже можетъ наскучить.

Холмская улыбнулась, и подтвержда-
ла: не спѣшить, не разомъ все передѣлы-
вать; совѣтовала и напоминала о благора-
зуміи и осмотрительности. «Но это такія
добродѣтели,» возразилъ Аглаевъ, «кото-
рыя всегда и во всемъ меня руководству-
ютъ.» Словомъ: Катерина, по всемъ вѣ-
роятностямъ, предполагала, что ей пред-
стоитъ спокойная и счастливая жизнь.
Но. . . . увы! Неудача мужа ея на попри-
щѣ Словесности, жестокія критики Жур-
налистовъ на новыя его стихотворенія,
отказъ принять на Театръ трагедію, ко-
торую почиталъ онъ образцемъ совершен-
ства—все это надобно ему и отвратило
его отъ охоты писать. Несбывшіяся на-
дежды на пособіе Князя Рамирскаго и
богатаго дяди совсѣмъ его перемѣнили.
Къ несчастію, легкомысліе и слабость

характера завлекли его въ противоположную сторону. . . .

Не говоримъ ни слова о томъ, что родные его не сдѣлали ему никакого пособія: это очень обыкновенно; но мы обращаемся къ вамъ, жестокосердые, неумолимые рецензенты-насмѣшники! Ежели-бы знали вы, сколько дѣлаете горя, и какъ, однимъ разомъ, насмѣшками своими разрушаете вы иногда всѣ надежды, всѣ сладостныя мечты стихотворца, которыя дѣлали его счастливымъ! Не чувствуете вы, что оскорбляя самолюбіе поэта, вы наносите смертельный ударъ въ глубину сердца его! А кому дѣлаетъ онъ вредъ своими стихами? Хорошіе читають и тотчасъ раскупають; дурные — лежатъ преспокойно въ книжныхъ лавкахъ! Пускай играетъ всякій своею любимою игрушкою. Не грѣхъ-ли обижать и огорчать *невинныхъ*? — Выходка сія противъ привязчивыхъ рецензентовъ здѣсь очень прилична. Важныя дѣйствія бываютъ отъ маловаж-

ныхъ причинъ. Журналисты были много виноваты въ нарушеніи супружескаго счастья Аглаевыхъ.

Но не будемъ спышнить преждевременнымъ разсказомъ. Мы желаемъ, не одними словами, а самымъ ходомъ происшествій раскрыть характеры нашихъ дѣйствующихъ лицъ. Повѣствованіе наше не представитъ ничего чрезвычайнаго: нѣтъ въ немъ никакихъ романтическихъ, невѣроятныхъ приключеній. Но, смѣемъ надѣяться, многіе мужья и жены, войдя сами въ сердце свое, отдадутъ намъ справедливость, и согласятся, что повѣсть наша заключаетъ истины, которыя, можетъ быть, извѣстны имъ на опытъ. Увѣрятся также и въ томъ, что въ супружеской жизни надобно имѣть непрерывное вниманіе за собою, не пренебрегать никакими мелочами, и что иногда, какъ кажется по видимому, бездѣлицы—влекутъ за собою самыя пагубныя послѣдствія. И это весьма понятно. Большая часть су-

супруговъ, соединяясь на вѣкъ, точно одушевлены одинакими чувствами и взаимнымъ желаніемъ способствовать счастью другъ друга. Никакой важной непріятности сначала между ними быть не можетъ. Какаянибудь *бездѣлица*, какое нибудь вздорное невниманіе, бываютъ первымъ поводомъ къ неудовольствію. Если не имѣть за собою строгаго наблюденія, если не остановить себя съ самаго начала въ *бездѣлицѣ*, то часто повторяемыя, маленькія непріятности постепенно охлаждаютъ сердца супруговъ другъ къ другу, и слѣдствіемъ *бездѣлицъ* часто бываетъ совершенное разрушеніе супружескаго счастья, и — навсегда. — Возвратимся къ Рамирскимъ.

Князь и Княгиня, пробывъ нѣсколько дней въ Надежинѣ, отправились въ Никольское, съ Софьею и Алексѣемъ Холмскимъ. Алексѣю очень понравился Князь Рамирскій. Холодность и угрюмый видъ его почиталъ онъ знакомъ глубокомыслія.

Вообще характеры ихъ были сходны, и Алексѣй скорѣе сошелся съ нимъ, чѣмъ съ Аглаевымъ.

Онъ былъ молодъ, неопытенъ, и не умѣлъ судить и различать людей. Мелочная расчетливость, приличная Аглаеву, по небольшому его состоянію, была напротивъ очень смѣшна при богатствѣ Князя Рамирскаго. Но Алексѣй думалъ иначе; притомъ-же, щедрость и великодушіе были чувства, совсѣмъ ему неизвѣстныя. Онъ поспѣшилъ согласиться съ мнѣніемъ Князя Рамирскаго о склонности Аглаева къ мотовству, и подъ снмъ предлогомъ не сдѣлалъ сестрѣ своей Катеринѣ денежнаго подарка, какъ сначала думалъ и говорилъ матери. Тенерь сказалъ онъ ей, узнавъ покороче Аглаева, *именно* затѣмъ не дать ничего, чтобы не поощрить его къ пустымъ затѣямъ, и не утвердить въ мнѣніи, что и впредь, въ безразсудныхъ своихъ предпріятіяхъ, можетъ онъ надѣяться на пособіе шурина.

Вообще, Алексѣй, во время нынѣшняго пребыванія въ семействѣ своемъ, умѣлъ всѣмъ надосадить. Онъ думалъ важничать, и, бывъ моложе всѣхъ, требовалъ общаго уваженія, котораго, напротивъ, никто не хотѣлъ имѣть къ нему. Высокомѣріе, внутреннее большимъ богатствомъ, отдаляло его отъ родныхъ; онъ мечталъ, что имѣетъ право обходиться гордо, но никто не былъ расположенъ смиряться предъ нимъ. Съ богатою и знатною сестрою своею, Княгинею Рамирскою, ставилъ онъ иногда себя наравнѣ; но съ Катериною и Софьею не говорилъ ни слова, и ежели иногда и удостоивалъ обращать рѣчь свою къ нимъ, то позволялъ себѣ, очень глупо и некстати, подшучивать и насмѣхаться надъ ними. Алексѣй былъ столь невѣжливъ, что не пригласилъ сестру Софью ѣхать въ Никольское, вмѣстѣ съ нимъ, въ дормезъ, подъ ничтожнымъ предлогомъ, будто ему необходимо заѣхать въ одну деревню по дорогѣ. Очень равнодушно

смотря на Алексѣя, какъ она садилась въ бричку, съ служанкою, и самъ, весьма спокойно, расположился одинъ въ дормезѣ. Такая безчувственность возстановила противъ него всѣхъ. Софья имѣла-бы больше другихъ права быть въ негодованіи; но она почитала его пустымъ, неопытнымъ мальчишкою, только что вышедшимъ изъ школы, сожалѣла объ немъ, и думала, что не стоитъ того, чтобы на него сердиться.

ГЛАВА VIII.

« Tout se mesure par l'opinion et l'opinion offense
« se plus, que le mal, et notre impatience nous
« fait plus de mal, que ceux, dont nous nous
« plaignons. »

СИДРОН.

« Все измѣряется мнѣніемъ, и мнѣніе иногда
« сильнѣе оскорбляетъ насъ, нежели насто-
« ящее зло; нетерпѣніе дѣлаетъ намъ го-
« раздо болѣе вреда, чѣмъ тѣ, на кого мы
« жалуемся. »

ШАРРОНЪ.

Домъ, садъ и вообще всѣ строенія въ
Никольскомъ не заслуживали особеннаго
вниманія. Мѣстоположеніе не представля-
ло ничего хорошаго. Съ одной стороны
былъ обширный, старинный садъ, съ

однообразными, регулярными аллеями, подстриженными лианами, подчищенными, въ разныхъ видахъ, ёлками: все это наводило какое-то уныніе. Оранжереи, грунтовые сараи и парники были въ запущеніи. Князь Рамирскій не былъ охотникъ до нихъ, потому что не приносили дохода. Съ другой стороны, передъ домомъ, находился большой прудъ, стояли—мельница, винокуренный заводъ, и для рабочихъ нѣсколько избъ, крытыхъ соломой и почти развалившихся.

Лугъ передъ домомъ не былъ загороженъ: тутъ ходили, на свободѣ, крестьянскія лошади, телята и свиньи. Дымъ, непріятный запахъ отъ завода, безпрестанная ѣзда мимо дома, съ дровами и бардою, разбитая отъ частаго проѣзда грязь, завязнувшіе возы, крикъ при вытаскиваніи ихъ—все это для другаго было-бы очень непріятно; но винокуренный заводъ давалъ большой доходъ Князю Рамирскому. Онъ не беспокоился такимъ близкимъ сосѣд-

ствомъ, и весьма былъ равнодушенъ къ тому, что строенія около дома некрасивы. Къ довершенію-же всего, изъ угловой диванной, гдѣ обыкновенно всѣ сидѣли, былъ видъ, съ одной стороны на скотный дворъ, а съ другой на людскіе, старые, каменные флигеля, почти развалившіеся. Половина сгнившей на нихъ тесовой крыши замѣнена была соломою и разбитыя стекла были заклеены бумагою, или заткнуты замаранными тряпками. Около флигелей настроены були закуты для скота и птицъ дворовыхъ людей. Вездѣ видны были нечистота и неопрятность. Дворовые ребяташки ходили босикомъ, по колѣна въ грязи около людскихъ. Каменный огромный, въ два этажа, домъ, построенъ былъ дѣдушкою Князя Рамирскаго, еще во времена царствованія Елисаветы Петровны. Внутри убранный былъ по тогдашнему, и служилъ предметомъ удивленія сосѣдей. Отецъ Князя сохранилъ въ домъ все въ прежнемъ

видъ, и нынѣшній владѣтель, изъ уваженія къ памяти родителей своихъ, какъ онъ говорилъ, а болѣе изъ благоразумнаго желанія беречь деньги, ничего не переѣмывалъ. Живши долго холостымъ, въ уединеніи, не принимая къ себѣ почти никого, занималъ онъ нѣсколько внутреннихъ комнатъ въ сторонѣ, а парадныя, большіе чертоги его открывались только въ торжественныхъ случаяхъ. Все оставалось въ нихъ въ томъ-же видѣ и порядкѣ, какъ было при покойномъ его дѣдушкѣ. Старинныя шпалеры — можетъ быть, еще первый опытъ Петербургской Шпалерной Фабрики — украшали стѣны большой гостиной. Старомодныя, тяжелыя креслы, обитыя малиновымъ штофомъ, стояли болѣе полустолѣтія на однихъ мѣстахъ. Большія зеркала, въ рѣзныхъ, позолоченныхъ рамахъ, и полъ — шахматный паркетъ, изъ разноцвѣтнаго дерева, были также большою рѣдкостью въ свое время. Высокія, толстыя дубовыя панели

около стѣнъ, почернѣвшія отъ времени, довершали украшеніе этой комнаты, которую Князь Рамирскій почиталъ чудомъ. Остальная часть дома была въ большемъ запущеніи и нечистотѣ, а нижній этажъ, со сводами и каменнымъ поломъ, гдѣ прежде жилали привѣзжіе гости у старика Рамирскаго, и гдѣ помѣщались шуты его, прихлѣбатели и разная челядь, служилъ теперь вмѣсто кладовыхъ и анбаровъ. Князь Рамирскій, передъ привѣздомъ съ молодою женою, послалъ приказаніе старому прикащику, чтобы все было вымыто, вычищено, и парадныя комнаты были отперты. Волю помѣщика исполнили; сверхъ того, прикащикъ отъ себя придумалъ: усыпать крыльцо и парадную лѣстницу пескомъ и ёлками. Самъ онъ нарядился, для встрѣчи господъ, въ старинный праздничный, голубой сюртукъ, съ большими пуговицами, подаренный ему еще отцомъ Князя Рамирскаго. Дворня была одѣта въ лучшее платье: женщи-

ны были въ красныхъ, желтыхъ, розовыхъ платкахъ на головахъ, и въ ситцевыхъ кофточкахъ, ребятишки босикомъ, но въ бѣлыхъ рубашкахъ. Все это толпилось и ожидало прибытія господъ у крыльца.

Восхищенный и довольный собою Князь Рамирскій шелъ торжественно, съ молодою своею сунругою, раскланивался, и подавалъ на обѣ стороны руки, для цѣлованія дворовымъ. Онъ былъ доволенъ встрѣчею, и воображалъ себѣ, что и жена его въ восторгѣ. «Какое-же сильное дѣйствіе произведетъ на нее,» думалъ онъ, «великолѣпная гостиняя!»

Но какъ ошибся Князь въ своемъ ожиданіи! Погода была пасмурная и холодная, когда приѣхали въ Никольское. Елисавета чрезвычайно озябла въ коляскѣ; молчаливый и угрюмый сунругъ ея былъ не весьма веселымъ спутникомъ; взглядъ на домъ, садъ и всѣ строенія, привелъ ее въ уныніе; встрѣча дворни, старинныя платья, песокъ и ёлки на крыльцѣ, вну-

шли ей какое-то мрачное предчувствіе. Притомъ-же, прикащикъ, зная бережливость своего барина, и опасаясь брани за то, что по пустому тратить дрова, не велѣлъ истопить печекъ, и въ домъ было холодно и сыро. Словомъ: вмѣсто восхищенія, при входѣ въ парадную гостиную, и вмѣсто радостныхъ восклицаній, которыхъ ожидалъ Князь Рамирскій, Елисавета съ неудовольствіемъ отняла у него руку, и поразила его словами: «Помилюйте, сударь! въ какую тюрьму привезли вы меня. Здѣсь можно совсѣмъ замерзнуть. Отведите меня куда нибудь, гдѣ-бы я могла отогрѣться, или велите подать мнѣ шубу; здѣсь быть нѣтъ никакого средства!» Можно себѣ вообразить изумленіе и замѣшательство Князя Рамирскаго? Онъ въ бѣшенствѣ отошелъ къ окну, не отвѣчая ни слова. Между тѣмъ Елисавета, грубымъ и непріятнымъ голосомъ, велѣла старику прикащику тотчасъ затопить каминъ въ диванной. Онъ хотѣлъ отвѣ-

чать, что каминъ давно не топлень, и потому не сталь-бы дымиться, но, не слушая его, Елисавета повторила приказаніе.

Добрая Софья, огорченная вѣтренностью и безразсудностью сестры, приближилась къ ней и указала ей на мужа, поблѣднѣвшаго отъ досады.

Елисавета тотчасъ почувствовала всю неосторожность свою, и подошла къ нему; но онъ отворотился и продолжалъ разговаривать съ Алексѣемъ Холмскимъ, и вмѣстѣ съ нимъ отиравился смотреть захромавшую дорогою лошадь. Елисавета съ горестію возвратилась на свое мѣсто. Она видѣла, что Софья намѣрена говорить, и, предупреждая ее, просила пощады, признавалась, что чувствуетъ себя кругомъ виноватою, и ничего къ оправданію своему сказать не можетъ.

Она горько плакала (какъ обыкновенно бываетъ съ *проказницами* такого рода), и должна была согласиться съ Софьею, что ея предиріятіе перевоспитать му-

жа, было очень затруднительно, и что ей самой надобно совсѣмъ передѣлать свой собственный характеръ. Тотчасъ, по легкомыслию своему, утѣшилась она и стала смотрѣть на все другими глазами: находила, что домъ и старинное украшеніе гостиной совсѣмъ не такъ ужасны, какъ ей сначала показалось. Она дивилась даже, отъ чего все это такъ сильно ее поразило.

Между тѣмъ запылалъ огонь въ каминѣ, и доложили, что кушанье поставлено. Вкусный обѣдъ, фарфоровый, прекрасный, хотя и старинный, сервизъ — совсѣмъ разсѣяли горе Елисаветы. Она развеселилась, сдѣлалась разговорчива; любезности не было въ ней недостатка, когда она была въ хорошемъ нравѣ. Она занялась мужемъ, ласково, мило, и Софья, замѣтивъ съ удовольствіемъ такую перемену, помогала ей всѣми силами.

«Какъ нравится мнѣ вашъ садъ,» сказала Софья Князю Рамирскому, «и какой

прекрасный видъ отсюда! Лѣтомъ, въ жары, должны быть очень хороши крытыя ваши аллеи. Жаль, что не много сыро; я тотчасъ послѣ обѣда пошла-бы гулять. Но завтра, можетъ быть, погода будетъ лучше.»

— Я радъ — отвѣчалъ Князь Рамирскій—что хотя кому нибудь и что нибудь здѣсь нравится. Очень позволительно мнѣ любить здѣшнія мѣста. Я здѣсь родился; все напоминаетъ мнѣ мою молодость; все сдѣлано трудами моихъ родителей. Матушка была уважаема въ нашей сторонѣ; она жила почти безвыѣздно въ Никольскомъ, и зимою принимала въ гостиной; но никто не находилъ, что она *похожа на шорьму*, и что въ ней *можно замерзнуть*.

«Въ этихъ комнатахъ давно не жили,» сказала Софья. «Впрочемъ, здѣсь должно быть тепло и сухо.»—При этихъ словахъ встали изъ-за стола; Князь Рамирскій подаль руку Софьѣ, и всѣ пошли въ ди-

ванную.—«Какъ становятся дни коротки!» прибавила Софья, желая переменить разговоръ. «Почти смерклось—а отсюда долженъ быть прекрасный видъ!»

— Въ самомъ дѣлѣ, видъ долженъ быть прелестный — сказала Елисавета, искавшая уже давно случая вступить въ общій разговоръ. — По огонь въ каминѣ имѣетъ также свою пріятность. — Какой прекрасный фарфоръ! — продолжала она, взявши чашку кофе, который подавали послѣ обѣда.—Скажи, другъ мой, это долженъ быть Саксонскій фарфоръ? Я отъ роду лучше этого не видывала.

Послѣ предковъ и великопняго дома въ Никольскомъ, Князь Рамирскій болѣе всего гордился коннымъ заводомъ и отличнымъ фарфоромъ своимъ. Онъ заблаговременно писалъ ключницѣ, чтобы въ первый день приѣзда ихъ выдала она къ столу фарфоровый сервизъ и любимыя его чайныя чашки, назначивъ ихъ по именамъ и примѣтамъ. Онъ надѣялся, что

все это приведетъ въ удивленіе молодую жену его. Удачное замѣчаніе и похвала чашкамъ имѣли гораздо болѣе дѣйствія надъ нимъ, чѣмъ все остроуміе и любезность ея; онъ съ удовольствіемъ смотрѣлъ, то на жену, то на чашки.

«Да, моя милая,» сказалъ онъ, «фарфоръ точно чудесный. Вотъ, напримѣръ, эта старинная чашка и молочникъ такъ хороши, что врядъ-ли и теперь могутъ сдѣлать лучше. Это была любимая чашка покойнаго дѣдушки, и сохранилась до сихъ поръ въ цѣлости. Я желаю, чтобы она дошла до дѣтей моихъ; увѣренъ, что даже и тогда будетъ она рѣдкостью, по необыкновенной легкости своей и живописи.»—«Это, кажется, видъ Дрездена? Въ самомъ дѣлѣ, какая чудесная живопись!»—«Точно. Ты, видно, другъ мой, любишь хорошій фарфоръ?»

Елисавета была рада, что такъ легко могла вернуть благосклонность мужа. Она распространилась въ похвалахъ и

увѣряла въ привязанности своей къ фарфору, на который, сказать мимоходомъ, а въ особенности на такой старинный, глядѣла весьма равнодушно. Князь Рамирскій, во всей подробности и съ явнымъ удовольствіемъ, рассказывалъ исторію каждой чашки, гдѣ, когда и къмъ которая изъ нихъ была куплена; наконецъ, общался на другой день показать весь свой фарфоръ, сохранявшійся въ большомъ порядкѣ, въ особой кладовой. Вечеръ прошелъ въ такихъ и тому подобныхъ разговорахъ. Въ одиннадцатомъ часу, поужинавъ, разошлись спать.

Горе Елисаветы возобновилось опять, когда она, вмѣстѣ съ Софью, вошла въ свою спальню. Эта комната была расписана, или, лучше сказать, размалевана самымъ смѣшнымъ образомъ. Старинные ландшафты нарисованы были грубыми красками и безъ всякаго соблюденія пропорцій. Рыбакъ представленъ былъ гораздо менѣе, чѣмъ его удочка. брошенная

на половину рѣки; коровы и овцы были выше деревьевъ и домовъ; на потолкѣ изображена была, въ видѣ Венеры, какая-то толстая, уродливая женщина. Большая печь, на деревянныхъ, точеныхъ подножкахъ, складена была изъ старинныхъ изразцевъ, на которыхъ представлены были разныя птицы въ каррикатурномъ видѣ. Мебели и зеркала соответствовали живописи. Все это заставило Елисавету чуть, чуть не заплакать. «Можно-ли жить въ такихъ закутахъ! Успѣю-ли я когда нибудь уговорить умнаго мужа моего, чтобы онъ избавилъ меня отъ этой мерзости!—Но, во что-бы то ни стало — прибавила Елисавета, съ горячностью—я на своемъ поставлю!»

— А я думаю — отвѣчала Софья—что всѣ твои хлопоты будутъ бесполезны; навѣрное предвидѣть можно, что мужъ твой не согласится ни на какія перемѣны. Мнѣ кажется, лучше и не начинать твоихъ убѣждений.

«Можно-ли быть несчастнѣе меня! Какъ жестоко я ошиблась! И, къ сожалѣнію, какъ поздно я его узнала! Онъ казался настоящимъ Ангеломъ, когда былъ женихомъ, а теперь—какъ онъ перемѣнился! Можно-ли было повѣрить, что онъ такъ упрямъ, такъ несговорчивъ, такой деспотъ!»

— Мнѣ кажется, мужъ твой — возразила Софья, съ улыбкою—точно въ такомъ-же удивленіи, и имѣеть такое-же мнѣніе о тебѣ самой, какое ты объ немъ. Надобно правду сказать: я никогда не замѣчала въ немъ преклоннаго и тихаго характера. Тебѣ должно было напередъ обдумать это, но ты была въ какомъ-то очарованіи, и смотрѣла на все не въ настоящемъ видѣ. Умъ у него не самый обширный, а люди такого рода всегда бываютъ упрямы. Онъ провелъ большую часть жизни съ матерью, въ уединеніи, а покойница, какъ мнѣ сказывали, была

довольно скупа и своевольна. Онъ видѣлъ, что старинная мебель и украшенія дома, не только ей нравились, но что она даже гордилась ими. Какъ-же не досадовать ему на тебя, когда ты находишь напротивъ все мерзкимъ, и слишкомъ откровенно и скоро объявила ему мнѣніе свое, что домъ его похожъ на тюрьму? Можетъ быть, я ошибаюсь, но, кажется, мужъ твой никогда не забудетъ, что онъ женился на тебѣ безъ приданого, а потому онъ почитаетъ себя вправѣ требовать отъ жены, чтобы она не имѣла собственныхъ желаній, угождала ему и слѣпо повиновалась, какъ благодѣтелю. Ты въ затруднительномъ положеніи. Что дѣлать, милая Лизанька! Ты никого упрекнуть не можешь: ты сама выбрала. Не только никто не уговаривалъ тебя выйти за Князя Рамирскаго, но, напротивъ, маманька совѣтовала не спѣшить и обдумать твое намѣреніе. Теперь все кончено, и поправить уже ни чѣмъ нельзя.

Надобно вооружиться терпѣніемъ, и дѣйствовать, соображаясь съ обстоятельствами, въ которыя ты сама себя поставила. Тетушка Прасковья Васильевна часто повторяетъ, и весьма справедливо: *Il faut partir du point, où l'on est* (надобно начинать съ той точки, гдѣ мы находимся). Твоя судьба рѣшена навѣкъ. Ты соединена неразрывными узами съ этимъ человѣкомъ, и одна только смерть разлучитъ васъ. Разсмотри характеръ его, старайся сообразить и согласить съ нимъ собственныя твои свойства, дѣйствуй по разсудку, и имѣй прежде всего строгое вниманіе за собою. Первый опытъ наблюденій твоихъ долженъ увѣрить тебя, что если ты вздумаешь вдругъ и настоятельно обременять мужа требованіями своими, то все испортишь. Но поступая искусно, льстя его самолюбію, удивляясь какому нибудь вздору, который ему нравится, ты навѣрное сдѣлаешь изъ него все, что тебѣ захочется.

«То есть: мнѣ должно быть въ восторгъ и хвалить дрянной, старинный фарфоръ его?» отвѣчала Елисавета. «Какъ отвратительна въ мужчинѣ такая мелочная привязанность къ пустякамъ! Откровенно скажу тебѣ, Соничка, что льстить и притворяться выше силъ монаховъ, и я даже удивляюсь, что ты дѣлаешь мнѣ такое предложеніе!»

— Какъ-же быть? Если ты можешь довольствоваться твоимъ настоящимъ положеніемъ, можешь равнодушно смотреть на старомодныя мебели и покориться необходимости— что было-бы всего лучше— то, конечно, нѣтъ никакой нужды употреблять лесть и притворство. Но ежели ты хочешь непременно поставить по своему, и думаешь *переупрямить* мужа, то очень ошибаешься! Сколь ни низка лесть, но кажется все она лучше, чѣмъ открытыя, безпрестанныя ссоры и непріятности между мужемъ и женою. Для сохраненія мира и согласія въ супружествѣ,

мнѣ кажется, это средство позволительнымъ. Притомъ-же—продолжала Софья—обдумай, и обрати вниманіе еще на весьма важный предметъ. Если ты первая, и при всѣхъ, будешь насмѣхаться надъ страннымъ вкусомъ своего мужа и ставить его въ дураки, то какъ-же ты хочешь, чтобы другіе уважали его? Ты гораздо умнѣе своего мужа—это не лесть, а точная правда—слѣдовательно, отъ тебя, именно отъ тебя зависить, сдѣлать изъ него все, что ты захочешь. Если только будешь ты умно и искусно поступать, то можешь скрыть его недостатки и обратить на него общее уваженіе. Не насмѣхайся надъ нимъ, показывай, напротивъ, что чего ему хочется, и что ему нравится, то одинаково и ты, вмѣстѣ съ нимъ, одобряешь. Впрочемъ, мудро давай совѣты въ подобныхъ случаяхъ. Говорятъ однакожь всѣ, что будто-бы молодая, умная, смѣтливая и прекрасная собою женщина все можетъ сдѣлать, что захочетъ.

При этихъ словахъ , сестры услышали , что идетъ Князь Рамирскій, и Софья поспѣшила отправиться въ свою комнату.

ГЛАВА IX.

« Slavín oder frey, ein schönes Weib das seine
« Macht kennt und sie gelten zu machen weiss, ist
« allenthalben Königin, wohin sie kommt.»

W I L L A N D.

« Невольница, или свободная, прелестная женщи-
« на, знающая и умѣющая поддержать власть свою,
« всюду царствуетъ, гдѣ-бы она ни явилась »

В И Л Л А Н ДЪ.

На другой день, утро прошло въ боль-
шомъ согласіи между супругами. Дурная
погода помѣшала идти гулять, и, казалось,
Князь Рамирскій былъ очень этому радъ.
Онъ спѣшилъ показать фарфоръ свой.

Всѣ отправились въ кладовую, и, опять со всею подробностію, онъ разсказалъ исторію каждаго чайника, кофейника и чашки. Елисавета, искавшая случая нравиться мужу и развеселять его, дѣлая потихоньку знаки Софьѣ, и пожимая плечами, восхищалась знаменитымъ фарфоромъ. Она очень удачно хвалила, именно то, что болѣе нравилось ей мужу, и, къ довершенію побѣды своей, сказала, что изъ всего ею видимаго должно заключить, что его покойная матушка была женщина отличнаго ума и имѣла много вкуса. Такая похвала могла-бъ быть принята просто за насмѣшку, но Князь Рамірскій не понималъ, и пріятно улыбнулся. За осмотромъ фарфора послѣдовало обозрѣніе всего дома. Елисавета хвалила хорошую пропорцію комнатъ, а всего болѣе удобность и спокойное расположеніе. Словомъ: ободряемая и поддерживаемая Софьею, она превзошла сама себя, хотя притомъ, искусно и кстати, намекнула о нѣкоторыхъ

перебѣнахъ въ мебели и въ украшеніи дома.

Князь Рамирскій хранилъ глубокое молчаніе при сихъ *искусныхъ намекахъ*; однакожь не было замѣтно, чтобы онъ сердился и принималъ ихъ съ неудовольствіемъ. Софья боялась, что сестра ея не выдержитъ роли своей, и опять выйдетъ ссора; пожатіемъ потихоньку руки и взглядами, она умоляла ее продолжать, и сама, съ своей стороны, всеми силами поддерживала Елисавету.

Но въ бильярдной комнатѣ едва было не испортилось все дѣло. Въ ней висѣли на стѣнахъ фамилные портреты. Предки Князя изображены были, иные въ латахъ и большихъ парикахъ, другіе во Французскихъ кафтанахъ, причесанные, въ букляхъ; нѣкоторые написаны были во весь ростъ, въ самыхъ каррикатурныхъ позиціяхъ, съ вытянутыми впередъ руками и ногами. Отецъ Князя Рамирскаго, снятый въ молодости его, въ голубомъ кафтанѣ,

желтомъ камзолѣ и фіолетовомъ исподнемъ платьѣ, распудренный, перегнувшійся передъ своею женою и подающій ей розу; Княгиня, одѣтая въ роборонъ, съ фижмами, съ высокою, старинною прическою, и также распудренная, держащая на рукахъ сына, нынѣшняго Князя Рамирскаго, изображеннаго въ видѣ Амура—всѣ на одной картинѣ—были до такой степени уродливы, что не только вѣтрена Елисавета, но и сама разсудительная Софья насилу могли удержаться отъ смѣха! Однакожъ, портреты, и вообще все украшеніе дома, въ особенности же старинныя, тяжелыя кресла, которыя съ трудомъ можно было сдвинуть съ мѣста, приводили въ отчаяніе Елисавету. . . . ея терпѣніе истощалось. Но, къ счастью, Князь повелѣлъ Алексѣя Холмскаго смотрѣть заводскихъ лошадей. Сестры остались вдвоемъ.

— И это называется счастливая и выгодная партія! — сказала Елисавета, со слезами на глазахъ.—А почему-же думать

иначе?—возразила Софья.—Не настоящее-ли ребячество: приходить въ отчаяніе отъ того, что въ домъ старинныя мебели?

«Въ числѣ выгодъ и благополучія, которыми я наслаждаюсь въ счастливомъ моемъ супружествѣ, сдѣлай одолженіе, не забудь упомянуть объ умномъ и пріятномъ разговорѣ моего супруга. Какъ красно-рѣчиво рассказывалъ онъ о прелестномъ своемъ фарфорѣ! Съ какимъ восторгомъ подставлялъ онъ ухо, слушая звонъ славныхъ своихъ чашекъ! Какъ ясно доказывалъ онъ, что по звуку можно узнавать достоинство фарфора! Я не сердилась-бы за странную его привязанность къ этому вздору, ежели-бы притомъ не былъ онъ еще упрямъ и скупъ, ежели-бы не мѣшалъ и мнѣ также имѣть свои собственныя желанія. Но, сама посуди: можно-ли принять кого нибудь въ этомъ сараѣ, называемомъ *гостиною*? Это настоящая площадь: не слышать на одномъ концѣ, что говорятъ на другомъ, а креселъ не доста-

нетъ никакой силы тронуть съ мѣста. Какъ насмѣхался-бы надо мною Петруша Аглаевъ, если-бы онъ былъ здѣсь!»

— Вспомни, что ты сама подшучивала надъ легонькими его стульчиками, на которыхъ, говорила ты, очень желала-бы посмотреть, какъ помѣстится тучный Сундуковъ! Твои кресла двоихъ Сундуковыхъ подымутъ; притомъ-же у тебя есть нѣсколько высокихъ, здоровыхъ лакеевъ, которые, по твоему приказанію, переставятъ ихъ, куда ты захочешь. Но оставимъ шутки. Еще напоминаю тебѣ: сама подумай—не сущее-ли ребячество огорчаться такимъ вздоромъ? Признайся, важная причина горести твоей заключается въ словахъ, которыми оканчивается Грибоѣдовъ *Горе отъ ума*.

Ахъ, Боже мой! что будетъ говорить
Графиня Марья Алексевна!

Милый другъ мой! что-бы ты ни сдѣлала, и какъ-бы ты ни расположилась,

отъ злословія, зависти и насмѣшекъ никакъ не уйдешь. Впрочемъ, ты напрасно объ этомъ и беспокоишься. Повѣрь, что вся великая ответственность за старомодныя ваши мебели падеть не на тебя. Всѣ знаютъ, что у тебя нѣтъ недостатка въ щегольствѣ и хорошемъ вкусѣ. Посрамленіе обратится на счетъ твоего мужа.

«Но мнѣ хотѣлось-бы, чтобъ никто и надъ нимъ не насмѣхался, и чтобы, напротивъ, онъ былъ всѣми уважаемъ. Это сама ты вчера, очень справедливо, говорила мнѣ.»

— Желаніе твое, любезная Лизанька, меня чрезвычайно радуетъ. Еще тебѣ повторяю: если ты сама не станешь показывать при всѣхъ должнаго вниманія къ мужу, то его никто уважать не будетъ. Одни только глупцы и шалуны ободряютъ жену, когда она захочетъ насмѣхаться и блистать умомъ на счетъ своего мужа. Повѣрь, что единственно только покорностью, привязанностью и уваженіемъ

къ нему, ты можешь заслужить хорошее о себѣ мнѣніе людей разсудительныхъ.

Елисавета согласилась въ справедливости сужденій Софьи, расцѣловала ее, и обѣщавалась слѣдовать во всемъ ея совѣтамъ.

Въ этотъ день расположились наши молодые, послѣ ранняго обѣда, ѣхать съ визитомъ, за пять верстъ отъ Никольскаго, къ роднымъ своимъ, помѣщикамъ Свѣтланинымъ. Елисавета слышала о женѣ Свѣтланина, что она очень милая и привѣтливая женщина. Свѣжская была съ нею знакома, и совѣтовала Елисаветѣ сблизиться съ нею.

Изъ памяти Елисаветы не изгладился еще разговоръ съ сестрою. Она была очень мила за обѣдомъ, оказывала большое вниманіе мужу, не перебивала его словъ, соглашалась на все, и даже смѣялась нѣкоторымъ довольно плоскимъ шуткамъ его, поддерживала ихъ, и давала имъ умомъ своимъ забавный смыслъ. Тотчасъ

послѣ обѣда пошла она одѣваться, и нарядилась чрезвычайно къ лицу, что при красотѣ ея, молодости и свѣжести было совсѣмъ не трудно. Князь Рамирскій былъ восхищенъ; Софья находила ее прелестною; даже самъ холодный братецъ, Алексѣй Васильевичъ, удостоилъ согласиться, что Елисавета очень не дурна собою.

Земли Князя Рамирскаго и Свѣтланина были смежны, и тотчасъ какъ скоро вѣхали во владѣніе послѣдняго, замѣтна была большая разница. У Князя Рамирскаго близъ самаго дома насплу могли проѣхать отъ чрезвычайной грязи и толчковъ, особенно-же подлѣ винокуреннаго завода. Подъ гору спускались съ большою опасностію; надобно было имѣть очень смирныхъ лошадей и необыкновенное искусство кучера, чтобы на косогорѣ не взвалить въ рытвины, по обѣимъ сторонамъ дороги. На мостахъ вездѣ должно было отпрягать пристяжныхъ, и, не

смотря на то, чуть держались под тяжестью кареты. Напротивъ того, во владѣніи Свѣтланина горы были скрыты, рывины завалены, прекрасная аллея, усыпанная пескомъ и хрящемъ, вела къ его усадьбѣ. Крестьянскія избы, службы, хозяйственные строенія, все было въ порядкѣ и хорошихъ фасадовъ. Оба дома, Князя Рамирскаго и Свѣтланина, строили дѣдушки ихъ, въ одно время и по одному плану; но Свѣтланинъ передѣлалъ дѣдушкинъ домъ по новѣйшей архитектурѣ, и далъ, сколько можно было, хорошую наружность. Князь Рамирскій осуждалъ прежде излишнюю роскошь сосѣда, называлъ ее мотовствомъ, и находилъ, что старинный его домъ былъ гораздо лучше, но теперь долженъ былъ признаться, что между домомъ его и Свѣтланина большая разница.

Внутри дома Свѣтланиныхъ было все чисто, и хотя не великолѣпно, но со вкусомъ убрано. Гостей не ждали, но въ лакейской нашли они нѣсколько людей,

опрятно одѣтыхъ; это большая рѣдкость въ деревенскихъ господскихъ домахъ, гдѣ если невзначай кто приѣдетъ, то, или никого не найдетъ въ передней, или встрѣтитъ какого нибудь замараннаго мальчишку, либо толпу запачканныхъ слугъ.

Хозяйка занималась съ дѣтьми, въ то время, когда Рамирскіе приѣхали. Она приняла ихъ привѣтливо, просила Елисавету полюбить ее, и была такъ ласкова и мила, что плѣнила ее. Вскорѣ явился и хозяинъ изъ своего кабинета. Хотя умомъ и характеромъ былъ онъ несходенъ съ Княземъ Рамирскимъ, но соблюдалъ все приличіе, обращался съ нимъ, какъ съ роднымъ, и между ними никогда никакой непріятности не бывало. Вообще замѣтно было, по обхожденію Свѣтланина съ женою, по уваженію сосѣдей и по порядку въ его деревнѣ и домѣ, что онъ былъ умный, добрый человекъ, счастливый мужъ и отецъ, и хорошій хозяинъ.

Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій и деревенскаго общаго разговора—объ урожаѣ, замолотѣ, посѣвѣ хлѣба — предложилъ Свѣтланинъ воспользоваться хорошою осеннею погодою, идти гулять, и посмотреть его оранжереи и садъ. Все одно другому соответствовало. Пространный лугъ передъ домомъ, искусно расположенныя куртины, съ цвѣтами, большой прудъ, на которомъ стояли суда съ разноцвѣтными флагами, птичный дворъ хорошаго фасада, мостики, бесѣдки—все было прелестно; въ особенности-же оранжереи нашли гости въ большомъ порядкѣ. Видно было, что хозяинъ охотникъ и мастеръ своего дѣла.

Возвратясь домой послѣ прогулки, гостямъ подали чай; потомъ Свѣтланина сказала Елисаветъ, что она слышала о большомъ искусствѣ ея на фортепіано, и что хотя совѣстно было при первомъ знакомствѣ просить ее, но она намѣрена обходиться съ нею, какъ съ родною, и безъ

всякой церемоніи просить сыграть что нибудь.

Елисавета не была застѣнчива и съ удовольствіемъ воспользовалась случаемъ блеснуть своимъ дарованіемъ. Она легко и искусно сыграла нѣсколько трудныхъ пассажей изъ концертовъ Фильда, и, по всей справедливости, заслужила общее одобреніе. Вскорѣ послѣ того, Свѣтланинъ повелѣлъ Князя Рамирскаго смотрѣть недавно купленную имъ заводскую лошадь, и, шедши съ нимъ къ манежу, поздравляя его съ такою милою женою, хвалилъ ея необыкновенное музыкальное искусство, и находилъ, что Князь очень счастливъ, составивъ такую прекрасную партію. Свѣтланинъ говорилъ это по добротѣ своей: онъ зналъ характеръ Князя Рамирскаго, и желалъ, по возможности, поселить въ немъ уваженіе къ Елисаветѣ. Въ самомъ дѣлѣ, похвала Свѣтланина, котораго Князь Рамирскій почиталъ ум-

нымъ человекомъ, сдѣлала въ немъ большое впечатлѣніе въ пользу жены.

По возвращеніи въ комнаты, Свѣтланина, также совсѣмъ не думавши, оказала Елисаветѣ большую услугу. Она начала шутить надъ стариннымъ украшеніемъ Княжескаго дома. «Я уже нѣсколько разъ говорила тебѣ,» сказала Свѣтланина, «что шпалеры твои въ гостиной, тяжелыя кресла, и вся мебель, слишкомъ обветшали, и что давно-бы пора перемѣнить все это. Ты отговаривался прежде, что ты человекъ холостой, и въ парадныхъ комнатахъ никогда не бываешь; теперь, женившись, уже вѣдь для тебя никакихъ отговорокъ. Какъ хочешь, а тебѣ съ антиками своими разстаться надобно!» Елисавета не говорила ни слова; Князь Рамирскій отшучивался кое-какъ, но, замѣтно, безъ всякаго неудовольствія. Елисавета очень искусно обратила разговоръ на прекрасные Французскіе обои въ гостиной

Свѣтланиныхъ; она разспрашивала, гдѣ, когда и по какой цѣнѣ они куплены.

Стало смеркаться, и молодые наши отправились домой. Князь Рамирскій былъ ласковъ и разговорчивъ дорогою, рассказывалъ Елисаветѣ, какъ хорошо живутъ между собою Свѣтланины; ставилъ ихъ въ примѣръ супружескаго согласія и самъ былъ очень внимателенъ къ ней на это время. Онъ даже вышелъ на косогоръ, и поддерживалъ карету, чтобъ она не скатилась въ рывтвину.

Вечеромъ, въ Инкольскомъ, напившись чаю, обѣ сестры принялись за свои рукодѣлья. Алексѣй Холмскій приглашалъ было Князя Рамирскаго, по обыкновенію, играть въ шахматы; но Князь самъ вызвался держать шелкъ, который жена его хотѣла разматывать, смотрѣлъ на нее съ участіемъ и нѣжностію, и привелъ въ изумленіе слѣдующими словами:

«Обѣ мои сестры, и Графиня Хлестова и Свѣтланина, уже давно говорить

мнѣ, что пора переменить старомодныя мои мебели; онѣ точно правы. Когда я былъ не женатъ, то не находилъ въ этомъ никакой нужды; но теперь вижу самъ, что бывшее хорошимъ при бабушкѣ и при матушкѣ, не годится намъ съ тобою, другъ мой! Я хочу совсѣмъ перedѣлать нашъ домъ; только, чтобы не истратить много денегъ, спынить не буду. На первый случай хочу я начать съ гостиной и залы. Снять шпалеры и расписать стѣны теперь не возможно; я думаю, и хотѣлъ спросить твоего совѣта: не обить-ли ихъ штофомъ, или какими-же Французскими обоями, какъ у Свѣтланиныхъ? Только не знаю, можно-ли ихъ отыскать въ Москвѣ?»

Елисавета, внѣ себя отъ удовольствія, бросилась цѣловать его, увѣряя, что онъ прекрасно вздумалъ. Она рассказала ему, гдѣ такіе обои въ Москвѣ продаются. На самомъ опытѣ увидѣла Елисавета, какъ хорошо сдѣлала, что послушалась Софьи,

не надоѣдала мужу просьбами о перемѣнахъ, и предоставила ему самому предложить объ этомъ. Тотчасъ приступили къ дѣлу, размѣряли и рассчитали, сколько чего надобно. Залу расположились обить Французскими обоями, а гостиную малиновымъ штофомъ.

Князь Рамирскій принялся со всею важностію за дѣло: взялъ бумагу, перо, чернилицу, рассчитывалъ, записывалъ, размѣривалъ, пригласилъ на совѣщаніе и Софью, которая была въ большой радости, видя взаимное согласіе между супругами. Она при этомъ случаѣ совершенно убѣдилась, что у Князя Рамирскаго, кромѣ ограниченаго ума, и понятія были очень тупы, такъ, что даже Ариѳметику зналъ онъ плохо, и безпрестанно ошибался въ простыхъ исчисленіяхъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, увѣрилась Софья, что у него доброе сердце, и что кротостію и терпѣніемъ можно все изъ него сдѣлать.

ГЛАВА X.

« The great point of honour in man is courage and
« in woman chastity. If a man loses his honour in
« one rencontre, it is not impossible for him to re-
« gain it in another; a slip in woman's honour is irre-
« vocable.»

ADDISON

« Первая честь мужчинъ неустрашимость, а жен-
« щинъ непорочность. Но, если въ какомъ нибудь
« случаѣ мужчина помрачить честь свою, еще есть
« ему возможность возратить ее при другомъ де-
« лѣ; женщина—одною ошибкою губить честь свою
« невозвратно.»

АДДИСОНЪ.

У Князя Рамирскаго точно было доброе сердце. Похвалы Свѣтланина Елисаветѣ сдѣлали на него сильное впечатлѣніе. Онъ укорялъ себя, что не умѣлъ от-
дать ей должной цѣны, и сердился за

вздорныя неудовольствія, которыя должно было приписывать ей молодости и вѣтренности. Онъ ставилъ себѣ въ примѣръ самаго Свѣтланаина, который старался всегда угождать женѣ своей, и, исполняя желаніе ея, тотчасъ передѣлалъ домъ, не жалья никакихъ издержекъ. Князю хотѣлось не отстать отъ Свѣтланаина; онъ желалъ, чтобы и объ немъ тоже самое говорили.

Въ тотъ-же вечеръ принялся онъ писать къ своему Московскому управителю, назначилъ, что именно и гдѣ купить, какія деньги употребить, и на какихъ подводахъ отправить мебель. Обойщика и драпировщика, съ штофомъ для обивки стѣнъ, обоями, и другими матеріалами, велѣлъ онъ прислать на почтовыхъ, съ тѣмъ нарочнымъ, котораго въ ту-же ночь отправилъ въ Москву.

Елисавета была въ восторгѣ. Любезность мужа имѣла на нее сильное дѣйствіе. Она сама старалась угождать ему,

и нѣсколько дней сряду прошло для нихъ пріятно и миролюбиво. Въ продолженіе этого времени, они ѣздили съ визитами къ сосѣдямъ, а изъ Москвы все привезли къ нимъ. Гостиная и зала, къ совершенному удовольствію Елисаветы, очень скоро преобразились, и были убраны со вкусомъ. Молодая хозяйка не могла радоваться на такую перемѣну. Хотя, въ противоположность тому, спальня и другія комнаты, оставшіяся въ прежнемъ положеніи, казались ей еще ужаснѣе; но она утѣшала себя мыслию, что скоро все передѣлается. Съ восхищеніемъ ожидала она гостей своихъ. Сестра ея мужа, Графиня Авдотья Матвѣевна Хлестова, обѣщала приѣхать изъ Москвы, съ дочерьми своими, ко дню рожденія брата; къ этому же дню приглашены были и сосѣди.

Наконецъ, наступилъ этотъ давно ожидаемый, счастливый день. Графиня Хлестова приѣхала наканунѣ, и расхвалила новое украшеніе комнатъ. Къ обѣду ста-

ли съѣзжаться и другіе гости. Всѣ находили прелестною отдѣлку гостиной и залы, отдавая справедливость хорошему вкусу Елисаветы; но она говорила, что все это сдѣлано и придумано не ею, а мужемъ ея.

Князь Рамирскій былъ скупъ; но въ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда имѣлъ, какъ говорилъ онъ, *безразсудность* звать къ себѣ гостей и давать праздники, не жалѣлъ онъ ничего. Елисавета, въ полномъ удовольствіи, среди многочисленнаго общества, сидѣла, еще въ первый разъ отъ роду, какъ хозяйка, на первомъ мѣстѣ за столомъ, угощала, распоряжала всѣмъ.... Какое счастье! Сердце ея билось отъ радости. Полковая музыка, вызванная изъ уѣзднаго ихъ города, гремѣла во все время обѣда. Потомъ, по обыкновенію, были танцы и фейерверкъ, въ которомъ горѣли вензеля Князя и Княгини Рамирскихъ. Садъ и домъ были прекрасно иллюминированы. Рѣшительно, по мнѣнію Ели-

саветы, праздникъ былъ чудесный; ей казалось, что она перещеголяла самаго Сундукова.

Въ числѣ гостей были и Свѣтланинъ съ женою. Софья, предупрежденная Свѣтланскою въ пользу Свѣтланиной, скоро подружилась съ нею. Они провели время очень пріятно.

Веселости въ Никольскомъ продолжались нѣсколько дней. Наконецъ гости стали разъѣзжаться. Дочери Графини Хлестовой любили танцовать; Елисавета тоже. Сверхъ того, какъ она говорила мужу, ей должно было доставлять удовольствіе добрымъ и милымъ племянницамъ, которыхъ называла она *кузинами*. Пожилыхъ соседей, умѣвшихъ только играть въ вистъ, по *маленькой*, и пить травникъ, или пиво, равнодушно отпускала Елисавета отъ себя; но убедительнѣйше просила оставаться танцоровъ и молодыхъ офицеровъ Гусарскаго полка, стоявшаго въ нихъ уездъ. Всякій вечеръ были танцы, или игра въ

фанты и шарады въ дѣйствиі. Но въ продолженіе этого времени, съ величайшимъ изумленіемъ увидѣла Елисавета, что старшая дочь Хлестовой, Софья, дѣвушка лѣтъ 25-ти, не только дѣлала глазки и кокетствовала съ гусарскимъ корнетомъ Угаровымъ, мальчишкой лѣтъ восемнадцати, но замѣтила даже, что онъ и она тихонько между собою шепчутся и передають записочки.

Угаровъ, ни въ какомъ отношеніи, не могъ быть *партіею* для дочери Графини Хлестовой; лѣтами былъ онъ ея моложе, ничего не имѣлъ, и былъ притомъ чловѣкъ самаго дурнаго тона, не воспитанный, и привязанностію къ водкѣ и пуншу предвѣщалъ онъ, что въ скоромъ времени сдѣлается большимъ негодяемъ.

Елисавета не знала, что ей дѣлать; она боялась попасть въ повѣренныя въ этомъ безразсудномъ дѣлѣ, а съ Хлестовой, думала она, не такъ легко будетъ раздѣлаться. Софья, сестра ея, также все это

замѣтила, и совѣтовала ей, чтобы какъ можно скорѣе отдыматься отъ гостей, сказаться больною, подвязать щеку, и жаловаться на мучительную боль зубовъ.

Между тѣмъ и Князь Рамирскій началъ тяготиться гостями и продолжительными веселостями. Все это стоило довольно дорого; онъ замѣтилъ большой ущербъ въ деньгахъ, которыя такъ долго и такъ усердно копилъ, бывши холостымъ. По разсчету его, свадьба, подарки, экипажи, поѣздка въ Москву, передѣлки въ домѣ, и угощеніе на его праздникъ, стоили ему—тысячъ около сорока! Это совсѣмъ не шутка. Онъ съ ужасомъ повѣрялъ *итоги* въ своей расходной книгѣ, и рѣшительно расположился прожить нѣсколько лѣтъ, безвыѣздно, въ деревнѣ, чтобы вознаградить значительные свои убытки.

Наконецъ, всѣ гости разъѣхались; осталась только одна Графиня Хлестова, съ дочерьми. *Необыкновенная* эта женщина имѣла въ послѣдствіи времени большое

вліяніе, совѣтами и интригами своими, на судьбу Елисаветы и Софыи. Почитаемъ долгомъ познакомить покороче съ нею нашихъ читателей.

Утверждаютъ, что женщины гораздо склоннѣе ко всякимъ крайностямъ, нежели мужчины, и что страсти, добродѣтели и пороки сильнѣе надъ ними дѣйствуютъ. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ того пожертвованія, къ которому-бы добродѣтельная женщина не была способна. Самоотверженіе, готовность перенести всякія страданія, силу характера, все это гораздо скорѣе увидимъ мы въ женщинѣ, нежели въ мужчинѣ. Но за то—злость, коварство, хитрость, лицемерство, простираются также въ женщинахъ до высшей степени. Никакому мужчинѣ никогда въ голову не придетъ то, что можетъ придумать и на что можетъ рѣшиться женщина!

Графиня Хлестова принадлежала къ словію злыхъ во всей силѣ и во всемъ пространствѣ слова. Она подвизалась, уже

болѣе пятидесяти лѣтъ, неутомимо на этомъ попрницѣ, и общее мнѣніе рѣшило, что подобную ей развратную лицемѣрку, и такую злую сплетницу и охотницу вредить и ссорить, врядъ-ли гдѣ нибудь отыскать можно!

Она была красавица въ молодости. Графъ Хлестовъ, богатый и знатный человѣкъ, влюбился въ нее, предложилъ ей руку, и—заплатилъ страданіемъ всей жизни за свою неосмотрительность. Развратная жена его не имѣла недостатка въ любовникахъ смолodu; когда-же сдѣлалась постарѣе, и красота ея увяла, то большія денежныя пожертвованія доставляли ей наемныхъ обожателей. Она разстроивала свое состояніе, и была до такой степени безстыдна, что даже нисколько не скрывала порочнаго своего поведенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, изыскивала она всякія средства дѣлать мужу все на-перекоръ, отъ самой бездѣлицы до важнѣйшихъ дѣлъ, то есть, до замужства дочерей. Стоило только ему

пожелать, онъ навѣрное находилъ упорнѣйшее сопротивленіе отъ жены своей. Сверхъ того, не чувствуя никакой привязанности къ нему, она безпрестанно мучила его ревностью, выдумывала невѣроятныя клеветы, жаловалась всѣмъ—даже старалась возстановить противъ него дѣтей!

Графъ Хлестовъ терпѣливо сносилъ величайшее наказаніе, какое только можетъ испытывать человѣкъ въ здѣшней жизни; но терпѣніе его истощалось: онъ готовъ былъ нѣсколько разъ разойдтись съ женою. Одна только мысль, что гласная исторія можетъ повредить *репутации* дочерей, и отвлечь отъ нихъ жениховъ, останавливала Графа. Какой порядочный человѣкъ—думалъ онъ—захочетъ вступить въ семейство, гдѣ несогласіе и вражда столь явны? Но тягостныя, и часто повторяемыя непріятности имѣли сильное вліяніе на здоровье Графа Хлестова: онъ окончилъ преждевременно жизнь свою.

Оставшись вдовою, въ короткое время довершила Графиня разстройство своего состоянія, потому, что она умѣла только проживать деньги, а не управлять имѣніемъ. Она основывала всѣ надежды свои на наслѣдство послѣ брата, и ей очень непріятно было, что онъ женился. Нѣсколько разъ, прежде того, искусно отклоняла и разстроивала она партіи, которыя Князь Рамирскій имѣлъ въ виду. Сватовство и потомъ женитьба его въ семействѣ Холмскихъ совершились внезапно. Князь Рамирскій не спрашивалъ совѣта сестры, и, не желая даже чтобы она была на сватьбѣ, увѣдомилъ, будто по тѣснотѣ дома будущей тещи, онъ не можетъ пригласить ее, но что женившись, тотчасъ привезетъ жену свою въ Москву и познакомить съ нею.

Все это бѣсило Графиню. Дѣлать было нѣчего: она расположила планъ дѣйствій своихъ сообразно съ обстоятельствами. Кромѣ адскаго удовольствія вредить

и ссорить, въ настоящемъ случаѣ соединены были и собственныя ея выгоды: она надѣялась, что частыя непріятности произведутъ, можетъ быть, разводъ, и все имѣніе брата достанется ей. Слѣдуя своему плану, начала она дѣйствовать при первомъ свиданіи: осыпала ласками и привѣтствіями Елисавету, употребила все средства пріобрѣсть ея довѣренность и дружбу; брату также хвалила ее, находила, что она очень мила и прекраснаго характера; но вмѣстѣ съ тѣмъ Графиня сѣяла сѣмена будущаго раздора между супругами. Елисаветъ внушала она, что судя по характеру ея мужа, настойчивостію все можно изъ него сдѣлать, одобряла насмѣшки ея и шутки на счетъ мужа, поощряла ее, и наединѣ сама смѣялась, вмѣстѣ съ нею, надъ скупостію и мѣлочною его расчетливостію. Князю Рамирскому также, издалика, среди похвалъ Елисаветъ, намекала, что жена его довольно вѣтрена и склонна къ мотовству;

что надобно съ самаго начала положить ей перегородку, потому, что вѣтренность можетъ завлечь ее далеко и имѣть дурныя послѣдствія, и что, наконецъ, онъ очень хорошо сдѣлаетъ, ежели проживетъ нѣсколько лѣтъ сряду въ деревнѣ. Это было сходно съ мыслями Князя, и онъ одобрилъ совѣтъ сестры. Такимъ образомъ планъ Графини Хлестовой начиналъ приходить въ исполненіе. Впрочемъ, по легкомыслію Елисаветы и ограниченности ума Князя Рамирскаго, Графиня легко было дѣйствовать съ ними. Она пріѣхала изъ Москвы, съ намѣреніемъ довершить начатое.

Время пребыванія своего въ Пикольскомъ употребила Графиня съ большою для себя пользою. Въ дружескихъ, откровенныхъ объясненіяхъ съ Елисаветою, наединѣ, она успѣла изгладить изъ сердца ея все, что совѣты Софьи произвели было хорошаго. Опять Графиня поставила по своему, и утвердила Елисавету въ томъ,

что мужъ ея самаго слабаго характера, что всегда на первый случай не согласится, разсердится, наговорить грубостей; но настоятельностью можно потомъ изъ него сдѣлать все, что захочешь. Тѣмъ-же болѣе, говорила Графиня, что онъ страшитъ быть смѣшнымъ въ общемъ мнѣніи, хочетъ соблюсти всю свѣтскую наружность, и, при всей скупости, желаетъ казаться щедрымъ. Вообще — твердила Графиня—самое лучшее оружіе противъ него—настоятельность и насмѣшка. Брату, напротивъ того, говорила *по дружбѣ и родственной любви*, что часъ отъ часу болѣе утверждается въ мнѣніи своемъ о вѣтренности и необдуманности Елисаветы. Она успѣла даже болѣе: возбудила въ немъ чувство ревности, обращая вниманіе его на Угарова, съ которымъ, какъ она замѣчала, обходится Елисавета... очень неосторожно.

Но благопріятный случай сдѣлалъ эту клевету доброй Хлестовой безуспѣшною

и открылъ глаза Князю Рамирскому. Онъ нечаянно встрѣтилъ Графиню Софью Хлестову съ Угаровымъ, наединѣ въ саду, спрятался за дерево, и подслушалъ разговоръ ихъ. Они клялись другъ другу во взаимной вѣрности и соглашались тайно обвѣнчаться. Князь Рамирскій явился внезапно передъ любовниками, наговорилъ Угарову множество грубостей, выгналъ его, и въ первомъ движеніи гнѣва, въ присутствіи жены своей, брата ея и сестры, объявилъ Хлестовой о похвальныхъ намѣреніяхъ ея дочери.

Хлестова привыкла къ такимъ подвигамъ дочерей; это не въ первый уже разъ съ нею случилось. Притомъ-же, она не имѣла ни къ которой изъ нихъ никакой привязанности, и какъ изъ предыдущаго описанія свойствъ ея съ достовѣрностію заключать можно, она и неспособна была любить кого нибудь. Но такая *гласная* исторія была слишкомъ оскорбительна для ея самолюбія. Желая соблюсти при-

личіе, и показать, что она поражена этимъ происшествіемъ, Графиня признала нужнымъ унасть въ обморокъ. Потомъ, опомнившись, плакала, проклинала дочь свою; наконецъ постепенно успокоилась; только съ материнскою пѣжностію укоряла ее, доказывала, что она ее любитъ, желаетъ ей добра, и что по здравому разсудку и приличіямъ, Угаровъ не можетъ быть ея мужемъ. Дочь раскаявалась, просила прощенія, плакала, клялась, что она его забудетъ; словомъ: все дѣло шло своимъ порядкомъ, со стороны матери и дочерей, и — до первой встрѣчи еще съ какимъ нибудь Угаровымъ, все миролюбиво окончилось. Но Хлестова не хотѣла долѣе оставаться въ Никольскомъ, опасаясь, чтобы *раскаявающаяся* дочь ея вновь чего не затѣяла. На другой день отправилась она въ Москву, поклявшись въ душѣ своей отмстить жестоко Софьѣ, которую возненавидѣла съ первой встрѣчи, и которую въ настоящемъ случаѣ подо-

зрѣвала, думая, что она открыла все Князю Рамирскому. Передъ отъѣздомъ, начала было Графиня дѣйствовать *по своему* противъ Софьи: вздумала увѣрять брата, что всему причиною Софья; что она способствовала интригъ, и передавала записки Угарова; что будто-бы сама дочь ея призналась въ этомъ. Но злость и невѣроятность были слишкомъ явны. Князь Рамирскій уже давно зналъ, и могъ, по многимъ опытамъ, отдать должную справедливость душевнымъ свойствамъ милой своей сестрицы. Клевета на Софью, которую онъ душевно уважалъ, не имѣла надъ нимъ никакого дѣйствія.

Наконецъ, Графиня Хлестова, къ общему всѣхъ удовольствію, уѣхала изъ Никольскаго, но *благонамеренные* совѣты и внушенія, сдѣланные Графиней Елисаветъ, остались, и сильно подѣйствовали, тѣмъ болѣе, что они соответствовали врожденнымъ склонностямъ Елисаветы къ властолюбію и насмѣшкамъ.

Послѣ отъѣзда гостей, первая перепалка между супругами открылась, когда объявилъ Князь, что они не только нынѣшнюю зиму не поѣдутъ въ Москву, но что онъ намѣренъ нѣсколько лѣтъ сряду прожить въ деревнѣ, для поправленія обстоятельствъ и вознагражденія большихъ, сдѣланныхъ имъ издержекъ. Елисавета спорила съ нимъ, употребляла обыкновенное оружіе женщинъ — слезы; но ни жалобы, ни слезы, ни насмѣшки, ни даже предвѣщанія, что всѣ будутъ называть его *гнуснымъ скупцемъ* — ничего не могло поколебать упорства ея супруга. Миръ между ними заключенъ былъ на томъ условіи, что хотя въ Москву они не поѣдутъ, но въ Декабрѣ, ко дню рожденія Елисаветы, пригласятъ опять много гостей.

ГЛАВА XII.

«La pace in casa è un gran bene.»

ГОЛДОН.

«Миръ въ домѣ большое благо.»

ГОЛДОН.

Вскорѣ, новое происшествіе было поводомъ къ нарушенію мирнаго трактата между супругами. Елисавета, всякое Воскресенье, видала въ приходской церкви семейство сосѣдей, состоявшее изъ отца, матери и трехъ дочерей. Хорошій тонъ, одежда, экипажи, ливрея на лакеяхъ обра-

тили ся вниманіе; она спросила у мужа: кто эти сосѣди, и почему они незнакомы съ нимъ? Князь отвѣчалъ, что Фамилія ихъ *Арбатывы*; но почему они незнакомы и не ѣздятъ другъ къ другу, ничего не сказавъ, и старался обратить разговоръ на другой предметъ. Елисавета повторила вопросъ свой, и узнала, что они въ ссорѣ, и что уже давно завязалось между ними тяжёлое дѣло. Начало процесса было самое ничтожное. Нѣсколько крестьянскихъ бабъ и ребятишекъ Арбатова зашли въ лѣсъ Князя Рамирскаго, за грибами и ягодами, были пойманы его караульщиками, а онъ представилъ ихъ въ Земскій Судъ, съ жалобою, что они потоптали у него сѣнокосъ. Такой, совсѣмъ не сосѣдскій поступокъ взбѣсилъ Арбатова. Подъячіе въ уѣздномъ городѣ постарались, для собственныхъ выгодъ своихъ, еще болѣе усилить его негодованіе, и научили его подать просьбу на Князя Рамирскаго, о землѣ, которая у нихъ въ

одномъ мѣстѣ была черезполосная. Изъ нѣсколькихъ десятигъ возникла раззорительная для обоихъ помѣщиковъ тяжба. Разъ пять привзжали Землемѣры *повѣрять въ натурѣ* землю; нѣсколько лѣтъ тянулось дѣло по инстанціямъ, гдѣ рѣшалось въ пользу то одного, то другаго соперника; наконецъ возвращено было опять для *новаго переслѣдованія*. Все это возстановило Князя Рамирскаго противъ Арбатова, и онъ не могъ равнодушно слышать его имени. Елисавета старалась примирить ихъ; говорила, что ненавидитъ всякія ссоры; просила Князя прекратить непріятную и убыточную тяжбу; но съ неудовольствіемъ увѣрилась она, что супругъ ея большой ябедникъ. Часто конторщикъ приносилъ ему подписывать просьбы на сосѣдей, то о пойманныхъ, въ хлѣбъ или на лугахъ, лошадахъ сосѣдскихъ, то о порубленномъ лѣсѣ. Онъ никогда не соглашался оканчивать миролюбиво, по сосѣдски, самыя маловажныя дѣла, и для подъячихъ

такой помѣщикъ былъ сокровище! Секретари часто къ нему ѣздили, и были принимаемы съ большимъ уваженіемъ; за то сосѣди отдалялись отъ него, и Елисавета замѣтила, что на приглашенія посѣщать ихъ, всѣ отвѣчали довольно холодно, а многіе, не смотря на ея привѣтствія, никогда у нихъ не бывали. Это чрезвычайно огорчало Елисавету. Открытіе новаго достоинства въ мужѣ: склонности къ ябедѣ—усилило ее грусть. Она сильно стала раскаиваться, что не подумавши, плѣнясь только знатностію и богатствомъ Князя Рампскаго, вышла за него. Въ это время завидовала она Катеринѣ, и находила, что сестра гораздо ее счастливѣе.

Однакожъ, желая показать, что имѣетъ совѣтъ противный образъ мыслей, и не участвуетъ во враждѣ мужа своего, Елисавета, не только всегда кланялась въ церкви съ Арбатовыми, но подходила и разговаривала съ ними. Князь Ра-

мирскаго, по обыкновенію своему, съ грубостью укорялъ ее, что она всегда и все дѣлаетъ ему на зло, и теперь знакомится съ людьми, для него непріятными. Елисавета, смотря по тому, въ какомъ была нравѣ, отвѣчала иногда сама грубо, или смѣялась и подшучивала надъ нимъ. Тщетно Софья останавливала сестру; безпрестанныя ссоры ея съ мужемъ сдѣлались наконецъ несносны, и Софья написала къ Свіяжской, чтобы она пріѣхала за нею, обѣщаясь, съ позволенія матери, прожить у нея всю зиму, а поѣздку къ сестрѣ Катеринѣ, располагая, по желанію Свіяжской, отложить до весны.

«Неуже ли ты хочешь ѣхать отъ насъ?» сказала Елисавета. «Ты сама видишь, какъ нужно здѣсь твое присутствіе: не смотря на умные твои совѣты, я безпрестанно дѣлаю глупости! Чтожъ будетъ, когда ты увидишь?»

— Елисавета! — отвѣчала Софья съ важнымъ видомъ — ты гораздо старѣе ме-

ня. Я на самомъ опытѣ вижу, что совѣты мои бесполезны. Дружба къ тебѣ завлекла меня. Я думала, что имѣю право говорить тебѣ правду; но ты такъ мало уважаешь моими словами, что точно заставляешь меня одуматься. Если-бы я была увѣрена, что пребываніе мое здѣсь можетъ отворотить большія бѣдствія, которыя ты сама себѣ готовишь, то не поколебалась-бы ни на одну минуту остаться; но вижу, что я тебѣ не нужна. Напротивъ, думаю, что когда ты останешься одна, то будешь осторожнѣе, станешь размышлять, и не подвергнешься непріятностямъ, которыя отворотить я не имѣю ни силъ, ни способовъ.

«Но, помилуй, Софья, сама разсуди: кого совѣтуешь ты мнѣ щадить и уважать? Найдется-ли гдѣ нибудь въ мірѣ чловѣкъ сварливѣе и глуше его? Онъ со всѣми ссорится, всѣхъ отдаляетъ отъ меня, и до такой степени сумасброденъ, что хочетъ лишить меня даже удовольствія

быть въ связи съ людьми, которые мнѣ нравятся! Что можетъ быть ужаснѣе моего положенія? Я ненавижу ссоры, и должна весь вѣкъ прожить съ лбедникомъ и дуракомъ!»

— Не знаю — отвѣчала Софья, съ улыбкою — имѣешь ли ты право говорить, что ненавидишь ссоры: въ отношеніи къ своему мужу, ты доказываешь совсѣмъ противное. Правда, когда мы жили вмѣстѣ у матушки, точно была ты пріятнаго и миролюбиваго характера; но съ тѣхъ поръ, какъ вышла за-мужъ, не лзя упрекнуть тебя въ снисходительности и уступчивости. Послѣдній разъ говорю тебѣ, какъ другъ: остерегись! Безпрестанныя твои несогласія съ мужемъ кончатся очень дурно.

«Но, я увѣрена, что поступки его противъ Арбатовыхъ несправедливы; я должна взять ихъ сторону.»

— Еще тебѣ повторяю: вѣшиваясь въ это дѣло, ты навлечешь на себя много

непріятностей, безъ всякой пользы. Впро-
чемъ, дѣлай, что ты хочешь; я сказала
тебѣ все, что было у меня на душѣ. Но
и ты позволъ-же поступить, какъ мнѣ
хочется. Я обѣщалась тетускѣ прожить
съ нею нынѣшнюю зиму, и *непремѣнно*
исполню это обѣщаніе. Войди сама въ
мое положеніе: каково мнѣ слышать без-
престанныя твои жалобы на мужа, и
быть свидѣтельницею пустыхъ вашихъ
ссоръ? Я говорю: *пустыхъ*; онѣ еще по-
кажутся точно вздорныя, но безпрерыв-
ное повтореніе одного и того-же вздора
можетъ въ послѣдствіи времени обрати-
ться въ рѣшительное отвращеніе другъ
къ другу.

Три дня спустя послѣ этого разгово-
ра, Свіяжская приѣхала въ Никольское.
Совѣты Софьи опять сдѣлали довольно
сильное впечатлѣніе на Елисавету. Во все
время пребыванія Свіяжской, не было
между супругами никакихъ непріятностей.
Свіяжская поѣхала отъ нихъ въ твердой

увѣренности, что Князь и Княгиня избрали ближайшія средства для достиженія счастія въ супружествѣ: взаимное уваженіе другъ къ другу, уступчивость и снисходительность.

Прощаніе сестеръ было для нихъ обѣихъ тягостно. Елисавета знала, что разсудительность и хладнокровіе Софьи имѣли большое вліяніе на Князя. Онъ уважалъ Софью, удерживалъ себя, и стыдился при ней скуности и мѣлочной разсчетливости своей. Самъ Князь, какъ видно было, очень сожалѣлъ, что Софья ѣдетъ, и убѣдительнѣйше просилъ ее поскорѣе возвратиться къ нимъ. Онъ такъ разщедрился, что даже рѣшился *подарить ей на издержки въ Москвѣ десять полуимперіаловъ!* Софья не хотѣла было принять, но побоялась разсердить и огорчить его отказомъ.

ГЛАВА XII.

« Laissons là toutes ces vaines disputes de Philosophes sur le bonheur et proposons nous des grands exemples à imiter, plutôt que de vains systèmes à suivre »

J. J. ROUSSEAU.

« Оставимъ всѣ пустыл споры философъ о счастьи, и будемъ лучше подражать великимъ примѣрамъ, нежели слѣдовать пустымъ системамъ.»

Ж. Ж. Руссо.

Небольшой домъ Свѣжской, въ Москвѣ, находился въ срединѣ города, былъ спо-
коенъ, сухъ и тепелъ, украшенъ не ве-
ликолѣпно, но съ большимъ вкусомъ. Все
въ немъ было чисто; вездѣ видны были

порядокъ и опрятность. Свіяжская отвела нѣсколько, совсѣмъ особыхъ комнатъ, для Софьи. Нигдѣ въ мірѣ не могло быть ей такъ хорошо, какъ у Свіяжской, въ особенности-же послѣ непріятной, и даже мучительной жизни у Рампрскихъ, въ Никольскомъ, гдѣ она безпрестанно должна была слушать взаимныя жалобы ихъ другъ на друга, быть свидѣтельницею вѣчныхъ неудовольствій и ссоръ ихъ между собою, и при томъ ожидать еще важнѣйшихъ послѣдствій. Софья часто вспоминала о сестрѣ Катеринѣ; зная доброе сердце ея и прекрасный характеръ, она всегда представляла себѣ жизнь въ Пріютовѣ совсѣмъ въ противоположномъ видѣ. Свіяжская общала Софью по веснѣ бхать вмѣстѣ съ нею къ Катеринѣ. Между тѣмъ, говорила она, я доставлю тебѣ средства воспользоваться веселостями столицы зимою. Не смотря на привычку къ уединенной жизни, Свіяжская вызывалась вездѣ сама ѣздить съ нею. Софья

благодарила ее, но напередъ отказывалась.

Общество Свѣяжской было не многочисленное, но избранное. Веселость ея, простое, въжливое, откровенное обращеніе со всеми, заставляли убѣгать отъ ея общества злыхъ и привлекали добрыхъ. У нея было много родныхъ; домъ ея былъ сборищемъ молодыхъ, любезныхъ и умныхъ людей, которые не тяготились обществомъ старухи. Она любила Науки и Искусства. Сочинители и лучшіе Артисты, жившіе въ Москвѣ, или приѣзжавшіе на время, были ею принимаемы съ уваженіемъ и въжливостію.

Она была набожна, но не ханжа: исполняла въ полной мѣрѣ обязанность Христіанки, и на самомъ опытѣ доказывала, что хранить въ душѣ чистую и твердую вѣру. Много перенесла она горя, но Религія и покорность къ Провидѣнію поддерживали ее на пути жизни.

Софья была въ полной мѣрѣ спокойна и счастлива. Все соответствовало склонностямъ ея и вкусу. Бесѣда съ доброю и умною женщиною, которую она привыкла уважать съ малолѣтства, и библіотека, составленная изъ отборныхъ и лучшихъ книгъ, Русскихъ, Французскихъ, Англійскихъ и Италіанскихъ, такъ занимали Софью, что она не видала, какъ проходило утро. Вечеромъ съѣзжались родные; Свѣжская умѣла всехъ одушевить, и каждому доставить удовольствіе, сообразное съ его склонностями. Музыка, пѣніе, иногда танцы, подъ фортепіано — для молодыхъ; вистъ, бостонъ, мушка — для пожилыхъ, которые никакъ и нигдѣ не могли обойтись безъ картъ; привѣтливость и вниманіе хозяйки для всехъ вообще — все это дѣлало домъ и общество Свѣжской пріятными каждому. Всякій искалъ ея знакомства.

До сихъ поръ говорили мы только о нравственныхъ свойствахъ Софьи. Мы ви-

дѣли, что у нея было доброе сердце, и что она, своею разсудительностію, умомъ и прекраснымъ характеромъ, успѣла приобрести общее уваженіе въ своемъ семействѣ. Теперь время поговорить объ ея наружности. Она была прелестна, стройна, высокаго роста; милое, доброе лицо ея, прекрасные глаза (какъ и у всѣхъ дочерей Холмской), молодость ея, свѣжесть, простота и любезность въ обхожденіи были чрезвычайно привлекательны. Сверхъ того, она была одарена отъ природы многими талантами: имѣла большую способность къ музыкѣ; голосъ у нея былъ пріятный, вѣрный и полный. Еще при отцѣ, замѣтившемъ въ ней способность къ музыкѣ и пѣнію, брала она уроки на фортепіано и арфѣ у лучшихъ Артистовъ въ Москвѣ. Въ деревнѣ она не оставляла безъ усовершенствованія своихъ дарованій. Холмская любила музыку, и Софья, въ угодность ея, часто играла и пѣла, сокращая длинные зимніе вечера этимъ прі-

ятымъ занятіемъ. Всѣ новыя музыкальныя произведенія тотчасъ пересылались къ ней въ деревню.

Красота ея, дарованія и любезность привлекали многихъ. Еще въ деревнѣ были у нея *вздыхатели*, но сердце ея до сего времени оставалось свободно. Не имѣя ни малѣйшаго кокетства, она обходилась равно со всѣми, и умѣла держать молодыхъ людей въ должномъ отдаленіи отъ себя; она ни кому не подавала повода объясняться съ нею. Ежели-бы Софья была богата, то нашлись-бы *предпримчивые*: можетъ быть, они имѣли-бы неудачу, но *страстная любовь* ихъ была-бы тогда гораздо сильнѣе. «Жаль, что Софья Холмская ничего не имѣетъ!» говорили вздыхатели, и удалялись отъ нея.

Въ Москвѣ было тоже самое; однакожъ Свіяжская замѣтила, что племянникъ ея, Полковникъ Александръ Андреевичъ Чадскій, прибывшій недавно изъ Петербурга, очень часто началъ посѣщать ее. Когда

онъ прежде бывалъ въ Москвѣ, то являлся къ Свѣжской на нѣсколько минутъ, вскорѣ по приѣздѣ своемъ; обѣдалъ у нея потомъ въ большіе праздники, или въ день именинъ ея, и наконецъ приѣзжалъ прощаться при отъѣздѣ. Тенерь замѣтила она, что ея общество *поправилось* Чадскому. Всякій день просиживалъ онъ у нея по нѣскольку часовъ, и всегда уѣзжалъ послѣдній. Она видѣла, что Чадскаго привлекають не прелестные глаза хозяйки, однакожь молчала, и не сообщала замѣчаній своихъ Софѣ, которая, по неопытности, ничего не видѣла, обходилась съ Чадскимъ такъ-же, какъ и со всѣми, и никакого преимущества ему противъ другихъ не дѣлала. Началъ было довольно часто ѣздить къ нимъ еще одинъ молодой человѣкъ, Николай Дмитріевичъ Пронскій, родной братъ Свѣтланиной. Софья, по дружбѣ съ его сестрою, была съ нимъ очень привѣтлива; но посѣщенія Пронскаго внезапно прекратились.

По приѣздѣ въ Москву, Свіяжская чувствовала себя не очень здоровою. Простуда, дорогою изъ Никольскаго, заставила ее недѣли двѣ просидѣть дома. По выздоровленіи стала она *дѣлать визиты*, вмѣстѣ съ Софьею. Театръ, балы, и прочія веселости доставляли удовольствіе Софьѣ, но ни сколько не прибавляли ей счастія. Уже давно умѣла она различать и понимать, въ настоящемъ смыслѣ, слова: *удовольствіе и счастіе*.

«Я начинаю думать,» сказала она Свіяжской, «что вы имѣете планы противъ меня.»

— Можетъ быть — отвѣчала Свіяжская. — Но скажи, что тебѣ показалось?

«Вы хотите устрашить меня и отклонить отъ замужства, показывая на самомъ опытѣ, что независимую жизнь должно предпочесть всему. Поживши съ вами, видѣвъ спокойный и счастливый образъ вашей жизни, можно-ли имѣть безразсудное намѣреніе выходить когда нибудь за-

мужъ? Воображеніе мое часто переноситъ меня въ Никольское. Чему была я свидѣтельницаю тамъ, и что здѣсь вижу—все это не привлекаетъ, а отдаляетъ мысль о замужствѣ!»

— Не надобно по одному, или двумъ примѣрамъ дѣлать общаго заключенія — отвѣчала Свѣяжская, усмѣхаясь.—Что касается до меня, то, конечно, кажется мнѣ, въ настоящемъ моемъ положеніи я гораздо счастливѣе, чѣмъ могла-бы быть, вышедши въ свое время за-мужъ. Но и я даже, еще не осмѣлюсь сказать рѣшительно моего мнѣнія. У меня, слава Богу, хорошее состояніе, и, по стеченію обстоятельствъ, уже давно ни отъ кого я независима. Съ самой молодости моей привыкла я располагать собою; слѣдовательно, обязанности супружества, конечно, были-бы для меня тягостны; но и мнѣ, по одному моему примѣру, судить о прочихъ было-бы безразсудно. Напротивъ, я думаю, что много дѣвушекъ, бѣдныхъ, не-

имѣющихъ ни родныхъ, ни покровителей, ведутъ несчастную жизнь, и имѣютъ все право сожалѣть, что лишены тѣхъ предназначенныхъ женщинъ связей, тѣхъ сладостныхъ чувствъ матери, которыя, въ союзѣ съ любезнымъ человѣкомъ, внушаютъ намъ сама природа. Въ твои лѣта никакъ не думала я остаться старою дѣвкою: въ то время одна мысль объ этомъ была-бы ужасна для меня. Но, по благодати Провидѣнія, будущая участь наша сокрыта завѣсою неизвѣстности. Я очень довольна моимъ жребіемъ; но, въ молодости никакъ не думала, что проведу жизнь такимъ образомъ!

«Я слышала отчасти исторію вашу от маменьки, но мнѣ хотѣлось-бы знать все подробности,» сказала Софья Свіяжской, замѣтивъ, по блѣднымъ ея щекамъ и по глазамъ, полнымъ слезъ, что еще не совсемъ изгладилось изъ сердца ея воспоминаніе о прежнихъ ея несчастіяхъ. Софья

казалось, что дружеское ся участіе облегчить и усладить горестъ Свіяжской.

— Когда нибудь, если мы останемся съ тобою одинъ, я все расскажу тебѣ — отвѣчала Свіяжская, со вздохомъ.—Однакожь надобно, чтобы это было случайно, и чтобы я была завлечена въ такой-же разговоръ, какъ теперь: иначе никакъ не могу я собраться съ духомъ, и прямо все тебѣ разскать....

«Ежели вамъ хоть нѣсколько тягостно говорить объ этомъ, то я отказываюсь слушать,» сказала Софья, «и отъ души умоляю васъ простить меня въ нескромномъ моемъ желаніи. Я раскаяваюсь даже, что завела этотъ разговоръ.»

— Цѣтъ, мой другъ,—отвѣчала Свіяжская, цѣлуя Софью—воспоминаніе о прежней моей жизни — и горестно, и пріятно для меня. Я никакъ не отказываюсь рассказать тебѣ, только теперь я не въ духъ. Перестанемъ, пока, объ этомъ говорить, и позволь мнѣ только дать тебѣ

дружескій совѣтъ: не дѣлать тотчасъ общаго заключенія по какому нибудь частному случаю. Еще говорю тебѣ: конечно, лично я, можетъ быть, одна изъ тысячъ, счастлива тѣмъ, что не вступила въ супружество; но кажется, навѣрное сказать можно, что большая часть старыхъ дѣвокъ, подобныхъ мнѣ, сожальютъ и раскаяваются, что не вышли за-мужъ. Хотя также и въ томъ я твердо увѣрена, что многія замужнія женщины раскаяваются и тяготятся своимъ состояніемъ, и что бываютъ для нихъ даже такія минуты, когда онѣ завидуютъ старымъ дѣвушкамъ, имѣющимъ право располагать собою. — По все это доказываетъ одно только, что *нѣтъ совершеннаго счастья въ здѣшнемъ мірѣ*, или, что мы не умѣемъ пользоваться благами, даруемыми намъ Провидѣніемъ. Рѣшительно: ты должна согласиться, что не лѣзя судить о супружествѣ по тому, чего была ты свидѣтельницею у Рамврскихъ. Увѣрена я, что со-

всѣмъ перемѣнишь ты образъ мыслей, поживъ съ Агласвыми. Кто знаетъ? Можетъ быть, тебѣ самой опредѣлено быть примѣромъ, что супружество составляетъ истинное благополучіе, достойное человека въ здѣшней жизни. Миѣ кажется — прибавила Свѣяжская — отъ того мало счастливыхъ супружествъ, что не умѣютъ, и не стараются внушить дѣвушкамъ настоящаго понятія о томъ, въ чемъ состоитъ важная и священная обязанность супруги и матери семейства. Дѣвушка думаетъ, что замужство доставитъ ей независимость и свободу веселиться. Вскорѣ на опытъ открывается противное. Мужъ, иногда со всею доброю волею, не можетъ доставить средствъ предаться разсыпанной жизни и удовольствіямъ, которыя, по молодости, бываютъ привлекательны для жены. Должно иногда удалиться отъ свѣта, жить безвыѣздно въ деревнѣ, вступить въ общество не совсѣмъ пріятное. Одна надежда молодой женѣ остаться на любовь и при-

вязанность мужа; но ему самому новый образъ жизни и некоторая зависимость, неизвѣстная прежде, когда онъ былъ не женатъ, также тягостны. Онъ груститъ, не можетъ скрыть, что ему скучно, и жена, не находя даже и въ немъ утѣшенія, предается унынію и досадѣ. Слѣдствіемъ всего этого бываютъ ссоры и непріятности между ними. Я думала-бы, что дѣвушкѣ, прежде вступленія въ бракъ, должно пожить въ свѣтѣ и воспользоваться всеми веселостями: надобно, чтобы свѣтская жизнь ей надобѣла, и чтобы удаленіе отъ свѣта, налагаемое обязанностию супруги, матери и хозяйки дома, не было уже ей въ тягость. Но, кажется, длинная проповѣдь моя утомилъ тебя; пора отдохнуть. Притомъ-же время одѣваться и ѣхать на вечеръ къ Княгинѣ Фольгинной. Течерь Масляница: надобно веселиться.

«Вотъ, кажется мнѣ, самое счастливое супружество!» сказала Софья. «Князь Фольгинъ можетъ быть примѣромъ мужьямъ.

Какъ онъ ласковъ, какъ внимателенъ къ женѣ своей.»

Свіяжская ничего ей не отвѣчала, и только вздохнула. Онѣ пошли одѣваться, чтобы ѣхать къ счастливымъ супругамъ.

ГЛАВА XIII.

«Какихъ вы вымыслили дружинъ,
«Чтобъ мужу бую умудриться:
«Не можно вѣкъ носить личинъ,
«И метина должна открыться.»

Державинъ.

Домъ Его Сіятельства, Г-на Каммергера, Князя Бориса Ильича Фольгина, былъ изъ числа лучшихъ и пріятнѣйшихъ въ Москвѣ. Хозяинъ почитался умнымъ и добрымъ человекомъ. Веселостію своею и

отстрыми шутками правился онъ молодымъ людямъ. Немолодые почитали его достойнымъ уваженія потому, что бывъ женатъ болѣе пятнадцати лѣтъ, все также любилъ онъ жену, былъ къ ней всегда одинаково ласковъ, и вниманіемъ своимъ все еще похожъ былъ на любовника, а не на мужа.

Софья раздѣляла общее мнѣніе о Князѣ, и удивлялась, часто видя жену его въ уныніи и задумчивости. Она замѣчала даже иногда, что и глаза у нея бывали заплаканы.

Свѣяжская и Софья наняли множество гостей. Князь Борисъ Ильичъ, по обыкновенію своему, одушевлялъ все общество, былъ чрезвычайно любезенъ, старался угостить всѣхъ, составлялъ партіи, самъ танцевалъ, выдумывалъ разныя игры для молодежи, бесѣдовалъ и шутилъ съ старушками. Наконецъ подошелъ онъ къ Свѣяжской и Софьѣ, сидѣвшимъ съ хозяйкою.

«Я досталъ для васъ билетъ въ маскерадъ, къ Графинь Эльфридиной,» сказала онъ. «Весь городъ будетъ у нея. Какія прекрасныя кадрили и маски готовятся! Объ васъ говоритъ нѣчего—продолжалъ онъ, обращаясь къ Свѣжской. Вы вѣрно сами не поѣдете, но отпустите Софью Васильевну съ моею женою. — Что ты такъ смотришь на меня? — прибавилъ Князь Фольгинъ, цѣлуя руку своей жены.—Ты вѣрно хочешь сказать, что чувствуешь себя не очень здоровою? Это, дастъ Богъ, пройдетъ къ маскераду, и тебѣ не чѣмъ будетъ отговариваться. Такой затворницы мало найти можно! Вообразите, что я долженъ иногда серьезно на нее сердиться и настоятельно требовать, чтобы она выѣзжала. Она способна просидѣть у себя дома весь вѣкъ, одна, въ четырехъ стѣнахъ. Сегодня еще былъ у насъ ужаснѣйшій споръ: я всякій годъ праздную день нашей свадьбы. После Святой хочу я дать балъ и

спектакль . въ нашей подмосковной, въ этотъ самый день; а она изволить спорить и возставать противъ меня. Разумѣется, послѣ она согласилась, потому что у нея доброе сердце, и кончилось даже тѣмъ, что она общалась взять ролю въ комедіи, которую мы приготовляемъ къ этому дню. Въ наказаніе, хотѣль было я дать ей ролю спорщицы въ сочиненномъ мною Прологѣ, но — умилившись. . . .

Софья не понимала ничего въ этомъ разговорѣ, однакожь видѣла, что есть какая нибудь сокровенная непріятность между мужемъ и женою. За всѣмъ тѣмъ, Князь Борисъ Ильичъ казался ей такимъ добрымъ, такимъ милымъ человекомъ, что она внутренно винила его жену. Вирочемъ, Софья рѣшительно отказалась отъ маскарада Графини Эльфридиной, говоря, что такого рода удовольствія ей совсѣмъ не нравятся. Княгиня Фольгина одобрила Софью, и, относясь къ мужу, хвалила раз-

судительность ея, прибавивъ къ тому, что съ нею она должна-бъ была ѣхать, но одна ни за что въ этомъ маскарадѣ не будетъ. — «Какъ ты хочешь» — отвѣчалъ Князь съ неудовольствіемъ, и отвернулся отъ нея. Немного погодя подошелъ онъ опять къ Свіяжской. «Ежели Софья Васильевна не хочетъ ѣхать въ маскарадъ къ Эльфридной,» сказалъ онъ, по крайней мѣрѣ, за то, что я хлопоталъ по пустому о билетахъ, дайте мнѣ честное слово, что вы придете вмѣстѣ съ нею, послѣ Святой, на праздникъ нашъ въ подмосковную. Неужели всегда и во всемъ будете вы мнѣ отказывать?»

— Еще время тернить—отвѣчала Свіяжская, усмѣхнувшись. Тогда можно будетъ говорить объ этомъ, когда все поспѣетъ къ твоему празднику. Мы съ тобою вѣдь давно знакомы. Я знаю, что успѣю приготовить мой отвѣтъ, до тѣхъ поръ, пока исполнятся твои планы.

«Вы не хотите ни въ чемъ мнѣ вѣрить, сказалъ Князь Фольгинъ. «Но увидите, что театръ у меня въ подмосковной непременно будетъ; я самъ стану играть нѣсколько различныхъ ролей.»

— Тебѣ надобно-бы постараться выучить собственную твою ролю въ здѣшней жизни, то есть, быть хорошимъ мужемъ и отцомъ—сказала ему на ухо Свѣяжская.

Софья не слыхала этихъ послѣднихъ словъ, но замѣтила, что Князь Фольгинъ покраснѣлъ, и отошелъ отъ Свѣяжской съ неудовольствіемъ. Она не понимала, что все это значить. Вскорѣ послѣ того, музыка заиграла котильонъ, и Князь Фольгинъ, съ веселымъ видомъ, подалъ руку одной дамѣ, одѣтой довольно смѣшно и самаго страннаго тона. Въ это-же время прѣхалъ Чадскій. Онъ искалъ Софью глазами, и тотчасъ подошелъ къ ней просить ее танцовать. Въ котильонъ видѣла Софья, что Князь Борисъ Ильичъ

смѣялся, шутилъ, былъ веселъ, хотя за нѣсколько минутъ предъ тѣмъ имѣлъ непріятный разговоръ съ Свѣжскою, и оставилъ ее съ замѣтнымъ неудовольствіемъ. Но это, по мнѣнію Софьи, служило новымъ доказательствомъ, что у него *прекрасный характеръ* и доброе сердце.

Дама, которую позвалъ танцовать Князь Фольгинъ, обратила на себя особенное вниманіе Софьи. Евпраксія Іоновна Фрындина (такъ называлась эта дама) одѣта была, какъ молоденькая дѣвушка лѣтъ 18-ти, хотя лице и вся фигура возвѣщали, что ей уже давно за сорокъ. Густыя брови закрывали почти половину лица ея, однакожь не могли скрыть всѣхъ морщинъ. Обнаженная, красноватая грудь ея украшалась жемчугомъ. На ней былъ какой-то странный *токъ*, съ перьями, и притомъ розовое короткое платье и голубые башмаки. Все это было такъ неприлично лѣтамъ ея, что надъ нею всѣ смѣялись. Къ довершенію странностей,

бывъ толста и неуклюжа, она охотно пу-
скалась во всякіе танцы, прыгала, ко-
веркалась и задыхалась. Невозможно бы-
ло безъ смѣха смотреть на нее.

Между тѣмъ, Чадскій не отходилъ ни
на минуту отъ Софьи, былъ внимателенъ
къ ней, и, къ общему всеѣхъ удивленію,
ловкій, развязный съ женщинами, Чад-
скій сдѣлался скромнѣе, зудумчивѣе, мол-
чаливѣе. Одна Софья ничего не видала;
другимъ было очень замѣтно, и вскорѣ
дошло до свѣденія Графини Хлестовой,
которая, по ненависти къ Софьѣ, имѣя
притомъ виды на Чадскаго, для дочери,
открыла баттарей свои противъ Софьи.
Но, о козняхъ и интригахъ Графини мы
сообщимъ въ послѣдствіи.

Жизнь и подвиги Графини Хлестовой
были извѣстны Свѣяжской. Она давно
прервала всякія сношенія съ нею; одна-
кожъ теперь, по близкому родству ея съ
Елисаветою, Свѣяжская думала, что Софья

обязана была, изъ вѣжливости, сдѣлать Грифинъ визитъ. Свѣжская принудила даже сама себя, и повѣхала съ Софьею. Графиня Хлестова приняла ихъ съ большою вѣжливостію, и на другой-же день, съ дочерью, приѣхала отдать визитъ. Но Свѣжская велѣла сказать, что ее нѣтъ дома. Встрѣтившись на балѣ у Князя Фольгина, Свѣжская и Графиня расцѣловались, но были холодны между собою; за то сама Графиня Хлестова, и дочь ея, были чрезвычайно ласковы съ милою, новою своею роднею. Молодая Графиня вступила было въ откровенный разговоръ съ Софьею, хотѣла сдѣлать ее повѣренною любви своей и интриги съ Угаровымъ, что все, не смотря на раскаяніе и клятвы, данныя въ Никольскомъ, до сего времени продолжалось. Но Софья искусно отклонила этотъ разговоръ, и очень рада была, что къ нимъ подошелъ въ это время Князь Фольгинъ.

«Какъ вамъ нравится дама, съ которою

я танцовать?» сказалъ онъ, относясь къ Софьѣ.

— Вы сами можете разрѣшить вашъ вопросъ—отвѣчала, съ улыбкою, Софья.— Скажите: сколько ей лѣтъ?

«Сколько ей лѣтъ?» продолжалъ Князь Фольгинъ, смѣясь. «Я думаю, что она двумя, или тремя годами моложе Прасковьи Васильевны. Но, посмотрите на обѣихъ: можно-ли сдѣлать какое нибудь сравненіе между ними? Я сердитъ на вашу тетюшку, за ея безпрестанныя правоченія; но не лзя не отдать ей справедливости. Какая противоположность между почтеннымъ ея видомъ, приличною одеждою, обращеніемъ—и страннымъ нарядомъ Фрындиной, смѣшными ея ужимками и желаніемъ казаться молоденькою! Прасковья Васильевна, оставшись въ дѣвункахъ, довольна своимъ состояніемъ, а Фрындина ясно показывать, что тяготеется названіемъ *старой дѣвки*, и очень-бы готова была исключить себя изъ это-

го званія, ежели-бы нашелся сострада-
тельный человѣкъ, который рѣшился-бы
жениться на ней!»

— Я никакъ не думала, что вы такой
злой насмѣшникъ!

«Эго не насмѣшка, а точная правда.
Вы сами согласитесь, что ничего не мо-
жетъ быть смѣшнѣе дѣвушки, или жен-
щины, которая хочетъ молодиться и, съ
такою фигурою, какъ Фрындина, пускаться
въ танцы. И какъ-бы кажется не
понять, что я на смѣхъ, за тѣмъ, чтобы
позабавить гостей моихъ, просилъ ее тан-
цовать со мною!»

— Я не знаю, что сказала вамъ те-
тушка на ухо, но вѣрно не совѣтовала
она вамъ звать эту Фрындину танцовать,
то есть, выводить ее на сцену и дура-
чить.

«Сей-часъ скажи вы мнѣ, что я злой
насмѣшникъ; но, кажется, вамъ должно
отдать все преимущество!» отвѣчалъ Князь

Фольгинъ, засмѣявшись, чтобы скрыть свое замѣшательство.

— Что зашептаете? — сказала Фрындина, подошедши къ нимъ, и ударивъ легонько въеромъ Князя Фольгина по плечу. — Я никому не позволяю говорить съ моимъ кавалеромъ. Послушайте, Князь, мнѣ нужно сказать вамъ нѣсколько словъ; подите сюда! — Софья улыбулась и оставила ихъ. Князь Фольгинъ искусно отвернулся, и вмѣшался въ число прочихъ гостей.

Софья подошла къ Свѣжской, которая окончила свою партію въ вистъ, и собиралась ѣхать домой. Въ это время Графиня Хлестова оставила карты, и видя, что Свѣжская собирается, явилась съ приглашеніемъ къ себѣ, въ послѣднее Воскресенье на Масляницъ, на такъ называемый — *танцевальный завтракъ* и катанье. Свѣжская холодно поблагодарила ее, и общалась, ежели здоровье позволитъ, быть.

Чадскій отыскалъ людей Свіязской, принесъ шубы, и, проводивъ до кареты, самъ тотчасъ уѣхалъ, не смотря на убѣжденія хозяина остаться ужинать.

ГЛАВА XIV.

«Die Zeit ermangelt selten, einem jeden
«Gerechtigkeit wiederfahren zu lassen.»

W I E L A N D.

«Время редко не отдастъ каждому долж-
«ной справедливости.»

В и л а н дъ.

Въ каретъ Свіяжская сказала Софья, что она никакъ не можетъ принудить себя ѣхать къ Графинѣ Хлестовой. «Кромѣ того, что катанье по городу совсѣмъ неприлично лѣтамъ моимъ,» прибавила она —

«откровенно признаюсь: я не могу равнодушно видѣть этой женщины! Покойный мужъ ея былъ мнѣ родня. Поведеніемъ своимъ, злостью, несправедливостію къ дѣтямъ, она сдѣлалась причиною преждевременной его смерти. При взглядѣ на нее, возобновляются въ памяти моей все ея поступки, и все страданія несчастнаго ея мужа. Самой Хлестовой, я увѣрена, тяжело быть со мною. Ей извѣстно, что я знаю все. Покойный ея мужъ уважалъ меня, и часто приѣзжалъ совѣтоваться со мною и искать утѣшенія въ горестяхъ своихъ. Но для тебя это дѣло постороннее. Я попрошу Княгиню Фольгину, чтобы она взяла тебя съ собою»

Софья была-бы рада не ѣхать къ Графинѣ, потому, что она, въ особенности-же дочь ея, совсѣмъ ей не понравилась. Софья боялась притомъ, чтобы какъ нибудь не запутали ее въ глупую и безразсудную интригу съ Угаровымъ.

Въ продолженіе Масляницы была Софья,

съ Свіяжскою. еще на нѣсколькихъ балахъ, и въ Благородномъ Собраніи. Чадскій тѣдилъ всюду, гдѣ являлась она. Любовь его часъ отъ часу усиливалась; онъ готовъ былъ признаться Софѣ, и положить свою руку. Но истинно влюбленные бываютъ какъ-то скромны и застѣнчивы; притомъ-же онъ не видѣлъ взаимности въ Софѣ: она не оказывала ему никакого предпочтенія противъ другихъ, и обходилась съ нимъ такъ-же, какъ съ прочими. Чадскій медлилъ признаніемъ, надѣясь, что вниманіе его и постоянная любовь, со временемъ, иррациональнѣе къ нему сердце Софьи.

Утверждаютъ, будто женщины, и въ особенности дѣвушки, одарены большою проницательностію, и что онѣ очень скоро умѣютъ замѣтить мужчигъ, которымъ онѣ правятся. Можетъ быть, этою проницательностію одарены тѣ, которыя помышляютъ о замужествѣ; но Софья, живши съ Свіяжскою, отдавала все преиму-

щество независимому ей состоянію; притомъ-же, все, что до сихъ поръ видѣла она въ супружеской жизни, не слишкомъ было привлекательно. Она замѣчала, что Чадекому пріятно быть съ нею, но по неопытности своей, или болѣе потому, что разсудокъ ея имѣлъ всегда власть надъ воображеніемъ, и что она не позволяла себѣ предаваться мечтательности, никакъ не примѣтила она, что Чадекій страстно влюбленъ въ нее. Свѣжская все видѣла; ей хотѣлось даже, чтобы эта партія устроилась. Чадекій былъ не дурень собою, богатъ, имѣлъ прекрасную репутацию; но она не знала его коротко, и характеръ и склонности его были ей неизвѣстны. Это останавливало ее способствовать къ заключенію супружества его съ Софьею. Она рѣшительно расположилась—не вмѣшиваться въ это дѣло, и все предоставить времени.

Въ Воскресенье, утромъ, написала Софья къ Графинѣ Хлестовой вѣжливую

записку, что тетушка нездорова, и просить извиненія, что онѣ не могутъ воспользоваться благосклоннымъ ея приглашеніемъ. Графиня Хлестова предвидѣла отказъ, и ей даже, по планамъ ея, было бы досадно, если-бы Свѣжская и Софья приѣхали. Чадскій, въ надеждѣ найти Софью, явился прежде всѣхъ; онъ былъ разсѣянъ, и безпрестанно смотрѣлъ на дверь, въ которую входили гости. Хлестова наблюдала за нимъ, но показывала видъ, что ничего не замѣчаетъ. Между тѣмъ, всѣ приглашенные ею собрались; она говорила, что поджидаетъ Свѣжскую и Софью, и удивлялась, что онѣ не ѣдутъ; наконецъ, въ три часа велѣла подавать кушать, сказавъ нарочно громко, чтобы Чадскій слышалъ, что онъ видно завтракать не будетъ, а приѣдутъ вечеромъ.

Послѣ завтрака поѣхали всѣ кататься, съ тѣмъ, чтобы возвратиться опять къ Графинѣ Хлестовой, пить чай и танцовать. Вечеромъ смущеніе и нетерпѣливость Чад-

скаго были очевидны. *Добрая и внимательная* хозяйка, примѣчая за нимъ издалека, подошла къ нему, шутками и не шутя умѣла обратить разговоръ на Свѣяжскую и Софью, жаловалась на невѣжливость ихъ, говоря, что если-бы имъ нельзя было приѣхать, то, изъ учтивости, должно-бъ было прислать извиниться. — «Но Свѣяжская, эта мнимая смиренница, эта лицемѣрка и ханжа, многое себѣ позволяетъ», продолжала она. «Я до сихъ поръ поддерживаю связь съ нею по родству ея съ покойнымъ моимъ мужемъ, а признаюсь—она часто бываетъ несносна.» Потомъ, продолжая далѣе разговоръ, и, какъ будто невольно, предавшись чувству состраданія, вдругъ поразила она Чадскаго слѣдующими словами: «Послушайте, Александръ Андреевичъ, отойдемте въ сторону; я давно хотѣла откровенно поговорить съ вами.» При этихъ словахъ отвела она Чадскаго въ диванную, гдѣ никого не было. «Вы влюблены въ Софью Холмскую:

это уже не секретъ; не я одна, а всѣ при-
мѣчаютъ страсть вашу.» Такъ начала Гра-
финя: «Мнѣ не должно-бъ было говорить,
потому, что родная сестра Холмской те-
перь, къ несчастію, мнѣ близкая родня;
но я вижу, что вы приближаетесь къ яв-
ной гибели. Предостерегаю васъ: Холм-
ская, не смотря на смиренную свою на-
ружность, самая хитрая кокетка; она очень
искусно увлекаетъ васъ въ свои сѣти.
Узнайте, что не вы первый, и, вѣроятно,
не вы послѣдній будете ея жертвою. Я
сама была свидѣтельницею подвиговъ ея
въ деревнѣ у брата моего, Князя Бориса
Матвѣевича Рамирскаго. У ней открылась
тамъ интрига съ какимъ-то мальчишкою,
гусарскимъ офицеромъ, Угаровымъ. Онъ
и она были нескромны, и.и., можетъ быть,
точно она влюбилась въ этого негодяя;
братъ мой все узналъ, выгналъ Угарова
изъ дома, хотѣлъ было тоже сдѣлать и съ
Софьею. Насилу могла я уговорить его,
скрыть непріятное это дѣло въ тайнѣ,

доказавъ ему, что онъ самъ принадлежитъ къ семейству Холмскихъ, и что разглашеніе можетъ повредить *репутации* жены его. Кое-какъ успокоила я брата; но онъ рѣшительно не хотѣлъ, чтобы Софья оставалась далѣе у него въ домѣ. Написали къ этой снисходительной и доброй Свѣяжской, которая въ молодости своей сама была такого-же поведенія. Она пріѣхала за Софьею и взяла ее сюда. Я хотѣла, чтобы Соничка моя (Графиня указала на дочь свою, которая въ это время, въ гостиной, сидѣла за фортепіано и пѣла фальшивымъ голосомъ какую-то Итальянскую арію) ничего объ этомъ не знала; но, по нескромности моего братца, который не могъ преодолѣть своего бѣшества, все ей открылось. Она такъ воспитана и пріучена съ молодости, что поступокъ Холмской поразилъ ее; насилу могла я уговорить, чтобы она сохраняла, по крайней мѣрѣ, приличія наружныя.»

Можно представить себѣ, что Чадскій равнодушно слушалъ этотъ продолжительный разсказъ. Онъ, то блѣднѣлъ, то краснѣлъ, перерывая Графиню нѣскольکو разъ; наконецъ вышелъ изъ терпѣнія, вскочилъ въ бышенствѣ со стула, не помня самъ себя, схватилъ крѣпко Хлестову за руку, и громкимъ голосомъ сказалъ ей: «Все, что вы ни говорите, есть ни съ чѣмъ несообразная и невѣроятная клевета!»

— Не кричите такъ громко, и успокойтесь!—отвѣчала Графиня.—Къ счастью, что теперь танцуютъ, и никто не слыхалъ вашихъ восклицаній. Садитесь, и выступайте меня. — Что вы скажете, ежели я представлю вамъ ясныя доказательства того, что говорила?

«Я назову васъ моею благодѣтельницею, и буду весь вѣкъ вамъ благодаренъ!»

— Сей часъ принесу вамъ записку отъ Угарова къ Софѣ. Братецъ мой, такой-же бышенный, какъ вы, перехватилъ эту записку, прибѣжалъ прямо ко мнѣ въ

комнату, и, не разсуждая, что у меня была въ то время дочь моя, Соничка, и притомъ еще горничная моя дѣвка, которымъ не было нужды знать объ интригѣ Холмской съ Угаровымъ, въ запальчивости разсказалъ все при нихъ, и потомъ забылъ взять отъ меня записку.

«Покажите мнѣ эту записку!» — вскричалъ Чадскій.

— Подождите здѣсь, успокойтесь, и не дѣлайте гласности. Я сказала вамъ изъ доброжелательства, чтобы предостеречь васъ, но не впутывайте меня въ это дѣло.

«Покажите мнѣ записку!» повторилъ Чадскій, задыхаясь отъ бѣшенства.

Графиня Хлестова пошла въ свою комнату, а Чадскій большими шагами ходилъ по диванной. Къ счастью, въ залѣ танцовали, а въ гостиной старики и старушки такъ были заняты вистомъ и мушкою, что не замѣтили продолжительнаго отсутствія хозяйки. Черезъ нѣсколько минутъ принесла она записку.

«Вотъ, прочтите сами,» сказала Хлестова, «и потомъ тотчасъ раздеремъ. Удивляюсь, какъ до сихъ поръ сохранила я эту глупость, но теперь я очень рада. Записка докажетъ вамъ, что я не клеветница, а точно отъ души желала вамъ добра.»

Въ это время позвали Хлестову въ гостиную. Старая тетушка ея, Бригадирша Авдотья Алексѣевна Хрустилина, кончила мушку, и собиралась домой, потому что, говорила она, скоро наступитъ постъ, и она, по старой привычкѣ, всегда заговляется и прощается со всеми людьми.

Между тѣмъ, Чадекій прочиталъ слѣдующія строки, написанныя половину по Руски, половину по Французски, самымъ дурнымъ почеркомъ, и безъ всякаго соблюденія правописанія. Мы помѣщаемъ эту записку въ настоящемъ ея видѣ, безъ поправокъ:

«*Mon Ange, mon adorable Sofie, Ангель*
«мой Соничка! Не сердись мой другъ, что

«вчера съ по обещанію моему, не могъ я
приехать. Глупой старичишка Ескадрон-
 «ной Командиръ посламъ мѣня съ бра-
 «кованными лошадями въ полковую квар-
 «тиру. Я спорилъ съ нимъ, *наговорилъ*
 «ему *грубости*, онъ *хотѣлъ* мѣня аре-
 «стовать и представить *репорт*омъ къ пол-
 «ковому 'командиру, но *je lui ai daimandai*
«pardon * и онъ простилъ мѣня. Одна-
 «кожъ мнѣ должно было здѣлать *voyage*
 «въ полковую квартиру. Я на дороге по-
 «терялъ ошнесь лошадямъ, а полковому
 «Командиру сказалъ, что мнѣ се не да-
 «вали, онъ велелъ здать лошадей въ Лейпъ-
 «Эскадронъ, посламъ *парошшава* за опи-
 «сью, а мнѣ приказалъ *ехать* обратно въ
 «мой взводъ. Сегодня въ 5-ть часовъ *нѣ-*
«пременно буду въ Никольскомъ. *Je vous*
«attandre ** въ большой *алли*, что къ
 «полю. Приходи мой дружочикъ *наскарей*,
 «не заставъ мѣня *аднаво* долго *мучища*,

* И у него просилъ прощенія.

** Я васъ буду ожидать.

«а при томъ верно завтра on me mettra «auzarré» * на несколько дней, это мнѣ не въ «первый и не послѣдній разъ, дасадна «только будѣтъ то, que je serais privé «du plesir de vous voir **. Но што бу- «дѣтъ, то будѣтъ, лишь-бы только тебя «видѣть. Adieu mon ange!

Votre devoué

Иванъ Угаровъ.

Эта записка поразила Чадскаго. Наси-
лу могъ онъ устоять на ногахъ. Въ бѣ-
шенствѣ своемъ не посмотрѣлъ онъ, что
другая половина листа, гдѣ былъ адресъ,
оторвана, слѣдовательно, ничто не дока-
зывало, чтобы записка была писана къ
Софьѣ Холмской. Не помня самъ себя,
положилъ онъ записку въ карманъ, за-
былъ свою саблю, схватилъ первую попав-
шуюся ему офицерскую шляпу, и, ниче-
го не видя, почти пробѣжалъ черезъ за-

* Меня посадятъ подъ арестъ.

** Что я лишусь удовольствія васъ видѣть.

лу, толкая встрѣтившихся ему, передъ которыми не успѣвалъ даже извиняться. Какъ сумасшедшій выскочилъ онъ въ переднюю; слуга едва могъ подать ему шинель, и только что хотѣлъ бѣжать за каретою, какъ онъ столкнулъ его съ лѣстницы и разбранилъ за неповоротливость. Потомъ, не имѣя болѣе терпѣнія дожидаться, пошелъ пѣшкомъ, самъ не зная куда. Къ счастью, слуга, съ каретою, скоро догналъ его, и Чадскій велѣлъ ѣхать прямо къ Свіяжской, безпрестанно кричалъ на кучера, и во весь опоръ прискакалъ къ крыльцу ея дома. Но было уже 12-й часъ; всѣ спали; свѣчки были погашены, и домъ кругомъ запертъ. Свіяжская и Софья расположились говѣть на первой недѣлѣ поста, и ѣздить къ заутренѣ въ церковь, а потому ранѣе отужинали и легли спать. Чадскій только у крыльца Свіяжской опомнился, что вовсе было безразсудно беспокоить такимъ позднимъ посѣщеніемъ почтенную женщину.

Притомъ-же, что могъ онъ сказать Софьѣ? Упрекать ее въ измѣнѣ, или въ ролюмствѣ? — онъ не имѣлъ никакого права. Въ любви своей онъ никогда не объяснялся съ нею, и никакой взаимности отъ нея не видалъ. Словомъ: только въ это время одумался Чадскій, и велѣлъ ѣхать домой, съ намѣреніемъ — на другой-же день объясниться съ Свѣжскою, показать ей записку Угарова и предостеречь ее на счетъ Софьи. Рано утромъ онъ явился къ Свѣжской; но она, вмѣстѣ съ Софьею, уже уѣхала въ церковь, къ часамъ. Черезъ нѣсколько времени опять прибѣжалъ Чадскій; ему объявили, что хозяйка го- вѣсть, и всю недѣлю никого принимать не будетъ.

Чадскій, мучимый страстью своею къ Софьѣ, хотѣлъ преодолѣть себя, но без-полезны были всѣ его усилія. Чувство ревности и досады терзало его сердце. Онъ думалъ послать записку Софьи, при письмѣ, къ Свѣжской, но находилъ, что

это слишкомъ низко. Наконецъ, Чадскій рѣшился забыть и пренебречь Софью, а для достиженія намѣренія своего уѣхать тотчасъ изъ Москвы, въ надеждѣ, что время и отсутствіе изгладятъ изъ сердца его всѣ воспоминанія.

Однакожъ, Хлестова должна была опасаться, что сплетни и клевета ея обнаружатся, потому, что она не успѣла взять обратно записку у Чадскаго. Послѣ его внезапнаго отъѣзда съ бала, хотѣла было она воспользоваться общимъ мнѣніемъ, распространивъ слухъ, что Чадскій помышлялся въ умѣ. Никому не была извѣстна настоящая причина его поспѣшности, и никто не понималъ, отъ чего онъ заторопился, такъ, что забылъ саблю, столкнулъ съ крыльца своего слугу и, не дождавшись кареты, ушелъ пѣшкомъ. Все это, конечно, можно-бъ было приписать сумасшествію. Графиня Хлестова хотѣла сначала поддержать этотъ слухъ; но, разсудивъ, что Чадскій можетъ попасть въ

женихи дочери ея, одумалась, увѣряла всѣхъ, что онъ получилъ какую-то, видно очень непріятную, записку, и тотчасъ по прочтеніи поспѣшилъ уѣхать. Какъ и отъ кого была записка—это подстрекало любопытство многихъ кумушекъ, и долго служило поводомъ къ разнообразнымъ догадкамъ. Графиня Хлестова говорила нѣкоторымъ изъ гостей своихъ, *по секрету*, зная, что они тотчасъ все разболтаютъ, будто ей показалось, что записка была отъ Свіяжской. «Эта старая интриганка и ханжа» — прибавляла Хлестова — «старается, какъ видно, выдать за Чадскаго племянницу свою, Холмскую. Она вѣрно выдумала что нибудь, желая увлечь его съ бала.» Но многіе, которымъ сама Графиня Хлестова была очень извѣстна, говорили, что тутъ есть что нибудь собственнаго изобрѣтенія этой доброй женщины.

На другой день, Хлестова послала узнать о здоровьи Чадскаго, и просить в

себѣ. Его не застали дома. Напрасно ожидала его она еще нѣсколько дней; наконецъ послала къ нему однажды, рано утромъ, съ запискою, что имѣеть необходимость съ нимъ видѣться. Ей объявили, что Чадскій давно уже уѣхалъ изъ Москвы. Слѣдовательно, клевета ея осталась бесполезною. Она хотѣла повредить невѣстной Софьѣ, но та даже и не знала, что Хлестова трудилась столько, желая разстроить ее съ Чадскимъ, къ которому Софья была очень равнодушна. Чадскаго думала Графиня увлечь въ свои сѣти, ожидая, что онъ, изъ благодарности за предостереженіе будетъ часто ѣздить къ ней, и она воспользуется этимъ, чтобы выдать свою Соничку. Но Чадскій не только не благодарилъ ее, а даже не простившись уѣхалъ изъ Москвы. При томъ-же Графиня должна была опасаться, что оставшаяся въ рукахъ Чадскаго записка Угарова, писанная, какъ всякій догадаться можетъ, не къ Софьѣ Холмской, а къ

Графиня Софья Хлестовой, послужить въ послѣдствіи времени къ изобличенію клеветы и открытію интриги дочери ея съ Угаровымъ...

Большую частію такимъ успѣхомъ увѣнчиваются всѣ сплетни и клеветы. Истина, рано или поздно, открывается, къ посрамленію клеветника. Но еще долго, и очень долго будутъ правоучители доказывать безъ всякой пользы, что прямая дорога добродѣтели, чести и справедливости гораздо скорѣе приводитъ насъ къ нашей цѣли!

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.